

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. М. ГОРЬКОГО

На правах рукописи

Чернова Оксана Евгеньевна

КОНЦЕПТ «ТРУД» КАК ОБЪЕКТ ИДЕОЛОГИЗАЦИИ

10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель –

доктор филологических наук,

профессор О. А. Михайлова

Екатеринбург

2004

Оглавление

Введение.....	3-10
Глава 1. Семантическое ядро концепта «труд» в русском языке (по данным словарей).....	11
1.1. Лексическое значение и концепт в научно-лингвистической интерпретации.....	11-29
1.2. Семантическая структура слов <i>труд</i> , <i>работа</i>	29-48
Выводы.....	49-50
Глава 2. Отражение содержательной специфики концепта «труд» в текстах газеты «Магнитогорский рабочий».....	51
Часть 1. Витки идеологизации концепта «труд» в газете «Магнитогорский рабочий».....	54
2.1.1. Смысловые составляющие концепта «труд» в газете «Магнитогорский рабочий» (1933-1940 гг.).....	54-89
2.1.2. Смысловые составляющие концепта «труд» в газете «Магнитогорский рабочий» (1941-1945 гг.).....	89-101
2.1.3. Смысловые составляющие концепта «труд» в газете «Магнитогорский рабочий» (1960-1970 гг.).....	101-112
Часть 2. Идеологическая редукция и деидеологизация концепта «труд» в газете «Магнитогорский рабочий».....	112
2.2.1. Смысловые составляющие концепта «труд» в газете «Магнитогорский рабочий» (1980-1990 гг.).....	112-123
2.2.2. Смысловые составляющие концепта «труд» в газете «Магнитогорский рабочий» (1990-2002 гг.).....	123-134
Выводы.....	134-136
Заключение.....	137-139
Список основной использованной литературы.....	140-161
Список основных использованных справочников и словарей.....	161-162
Список использованных источников.....	162
Список принятых сокращений.....	163

Введение

Проблема взаимоотношения языка и культуры была поставлена в трудах отечественных и зарубежных лингвистов еще в позапрошлом веке, но не утратила своей актуальности и в наше время. В современной лингвистике наблюдается повышенный интерес к базовым ментальным категориям русской культуры и, в частности, к концепту «труд», который входит в число ценностных понятий русской национальной концептосферы. Подробная разработка и описание отдельных концептов есть попытка увидеть в них определенный фрагмент общего взгляда на мир, присущего данному языку. Исследованию концепта «труд» посвящены монографические работы М. А. Ереминой [2003], Г. В. Токарева [2003].

М. А. Еремина осуществляет комплексный этнолингвистический анализ лексико-семантического поля «Отношение человека к труду» на материале лексико-фразеологических единиц русских народных говоров. В своей работе М. А. Еремина определяет структуру семантических полей «Положительное отношение человека к труду» и «Отрицательное отношение к труду» на основе компонентного анализа единиц, выявляет и описывает набор базовых семантических полей на каждом уровне содержания, анализирует этнокультурную информацию, содержащуюся в исследуемых лексических полях, в свете категории трудовой нравственности [Еремина 2003].

В диссертации Г. В. Токарева использован культурно-семиотический подход, позволивший автору дать комплексное описание культурного концепта «труд», разработать лингвокультурологическую теорию концепта, представить модель структурной организации концепта и его культурного компонента, выявить механизмы категоризации культурного знания лексическими средствами русского языка, выделить базовые образы, которые моделируются в результате обобщения внутренних форм. Категория труда, как показывает Г. В. Токарев, становится объектом нескольких дискурсов: обыденного, правового, педагогического, религиозного. Набор выделенных дискурсов указывает, что труд осмысливается языковым коллективом как в морально-этическом, так и в утилитарно-практическом ключе [Токарев 2003].

Отдельные наблюдения (Е. Л. Березович [2000], Д. Быков [2002], С. Ю. Данилов [2003], А. Еремин [2001], В. И. Карасик [1996], Н. А. Купина [1995]; Н. А. Купина и К. В. Муратова [2003], В. А. Маслова [2001], А. Д. Шмелев [2002] и др.) касаются разных аспектов описания специфики концепта «труд». В. В. Карасик

выявляет содержательный минимум концепта «труд» на материале английского, немецкого и русского языков. Анализ содержательной составляющей позволяет исследователю описать этнокультурные различия в представлении отношения к труду в разных культурах [Карасик 1996]. А. Еремин рассматривает семантику слов семантического поля «трудовая деятельность» [Еремин 2001]. А. Д. Шмелев анализирует противопоставление *гулять* – *работать* с целью выявления внутренней формы этих слов [Шмелев 2002]. Е. Л. Березович при идеографической параметризации топонимического материала рассматривает семантическое поле «качество труда по освоению географического объекта» [Березович 2000]. Д. Быков обращается к проблеме мифологизации труда в советском и постсоветском кино [Быков 2002]. Н. А. Купина и К. В. Муратова рассматривают идеологемы труда в творчестве В. В. Высоцкого [Купина, Муратова 2003].

Особое место в лингвистических исследованиях занимают работы, посвященные идеологическому осмыслению концепта «труд». Н. А. Купина в книге «Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции» обращается к толкованиям единиц, связанных с обозначением труда в эпоху социализма: *социалистическое соревнование, стахановец и др.* [1995]. С. Ю. Данилов, осуществляя лингвоидеологический анализ письменных работ десятиклассников на тему «Мой город», выявляет типовой сценарий смыслового развертывания идеологемы «труд» [Данилов 2003]. Идеологизация концепта «труд» представляется результатом влияния «тоталитарного языка» [Данилов 2000, 2003; Китайгородская, Розанова 2003; Купина 1995, 1997, 1999, 2000; Романенко 2003; Ромашов 1995; Скляревская 1995, 1996; Чудинов 2003 и др.]. Феномен тоталитарного языка квалифицируется как «фиксатор» идеологических норм и предписаний, подменяющих национально-культурную систему ценностей. При всей многоплановости данных исследований следует отметить, что идеологическое содержание концепта «труд» в динамике его развития практически не изучено.

В настоящее время нет единого определения идеологии. «Философский энциклопедический словарь» трактует идеологию как «систему взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных обществ, отношений» [Философский энциклопедический словарь 1983: 199]. В «Новой

философской энциклопедии» (далее – НФЭ) идеология определяется как «система концептуально оформленных представлений и идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики – классов, наций, общества, политических партий, общественных движений – и выступает формой санкционирования или существующего в обществе господства и власти (консервативные идеологии), или радикального их преобразования (идеологии «левых» и «правых» движений)» [НФЭ, I 2001: 81]. В работе Н. А. Купиной «Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции» идеология – это «многокомпонентная содержательная сущность, представляющая собой совокупность политических, правовых, нравственных, религиозных, художественных и философских взглядов, являющихся духовным выражением коренных материальных интересов и экономических условий жизни социальных групп. Отмечается, что идеология является отражением общественного бытия, входит в надстройку и развивается идейными представлениями определенных классов» [Купина 1995: 7]. В «Философском энциклопедическом словаре» подчеркивается, что «в настоящее время понятие идеологии употребляется почти исключительно как характеристика **неистинного** (выделено нами – О. Ч.) мировоззрения, предназначенного для обмана ради материальных, а также политических интересов» [Философский энциклопедический словарь 1998: 170].

Специфика идеологии состоит в том, что она создается благодаря деятельности идеологического аппарата партий и социальных движений – идеологов, политиков, ученых. Народные массы, социальные общности непосредственно не создают идеологии, однако их интересы, идеалы и общественно-политические представления составляют ту почву, на которой формируется и развивается идеология. Структурными элементами идеологии являются политические теории и идеи, общественно-политические идеалы, ценности, политические программы, политические символы. Идеология включает в себя не только знание о социально-политической жизни, но и ценностное отношение к политическим тенденциям и процессам, оценку соотношения политических сил, которая выражает интересы политической партии или социального движения [НФЭ, I 2001: 82].

Идеология как форма общественного сознания – составная часть культуры, духовного производства [НФЭ, I 2001: 81]. Тоталитарная идеология причисляется к одному из четырех основных типов политических культур – «системы исторически

сложившихся политических традиций, убеждений, ценностей, идей и установок практического политического поведения, обеспечивающей воспроизводство политической жизни общества на основе преемственности» [НФЭ, II 2001: 348]. Среди основных черт тоталитарной культуры выделяются: представления о политическом «механизме» и специфической «рациональности», что уподобляет человеческое действие действию автомата; полный политический контроль над всеми сторонами жизни общества; использование насилия в качестве инструмента регулирования [НФЭ, II 2001: 349].

Влияние идеологии осуществляется через языковую политику. «Языковая политика связана с сознательным воздействием общества на язык, и с этой точки зрения она представляет собой концентрированное выражение методологических и социальных основ, определяющих идеологическое и практическое отношение той или иной государственно-политической системы к функционированию, развитию и взаимодействию языков» [Лингвистический энциклопедический словарь 2002: 616]. Языковая политика оказывает непосредственное влияние прежде всего на лексико-семантическую систему, маркирование лексики и размещение последней на аксиологической шкале. В Советском Союзе партийный аппарат осуществлял направленный процесс идеологизации общественного сознания при помощи системы идеологем. Идеологема – это «языковая единица, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический. Различаем собственно идеологическую семантику и идеологическую добавку» [Купина 2000: 183]. Первая содержит идеологически важные в данный период признаки, из которых формируется идеологический денотат (*раскулачить, буржуазия, диктатура* и др.). Идеологические добавки искусственно накладываются на лексическую семантику и носят догматический характер. Например, идеологемами становятся не только слова с семантикой, передающей концепты-идеи, но и единицы из сферы конкретной, бытовой лексики, которые получают идеологические наращивания [Купина 1995: 14]. Следует отметить, что под добавками и наращиваниями мы понимаем коннотации, которые представляют собой «отношение субъекта к действительности» [Апресян 1995; Михайлова 1998; Телия 1980].

Концепт «труд», бесспорно, является идеологемой, поскольку входит в круг идеологически значимых ценностей, особенно в советском государстве. Лозунги «Кто не работает, тот не ест», «Труд – дело чести, славы, доблести, геройства», «Каждому –

по труду», «Рабочие и работницы! Работайте не покладая рук!» и др. отражают приоритет данного феномена. Как всякая идеологема, концепт «труд» не остается неизменным. Оценочная окраска стандартна и неизменна в рамках одной идеологии, однако, попав в иную концептуальную систему, та же идеологема часто меняет знак оценки [Чепкина 2000; Складневская 1996; Говердовский 1986; Купина 1995]. В связи с этим необходимо исследовать изменение значений слов при смене политического руководства. Отсюда вытекает, что целесообразно обращаться к социально-политическому фактору, то есть к тому, как люди понимают мир, что знают о нем, что делают в нем. Однако изучение идеологической эволюции концепта «труд» ранее не проводилось. Такое положение дел определяет **актуальность** предпринятого исследования. Учитывая обусловленную политическими реформами склонность идеологии к трансформации, проследить идеологическое переосмысление концепта «труд» представляется возможным при обращении к большому историко-временному срезу.

Цель исследования – рассмотреть динамику идеологического содержания концепта «труд» в русском языке в период с 1933 по 2002 гг.

Данная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) определить семантическое ядро концепта «труд» по данным словарей русского языка;
- 2) выявить основные идеологические смыслы концепта «труд», возникающие в разные общественно-политические периоды развития государства;
- 3) сопоставить употребление лексем *труд*, *работа* в разные хронологические периоды и выявить идеологически ценностные смысловые составляющие концепта;
- 4) проследить обусловленные политической системой изменения идеологически ценностной информации, содержащейся в концепте «труд».

Материалом для исследования послужили высказывания с лексическими единицами *труд*, *работа* и их производными, объективирующими концепт «труд». Источником материала явилась газета «Магнитогорский рабочий» за 1933-2002 гг. Это первая официальная ежедневная городская общеполитическая газета, которая выходит с 1 января 1930 г. Обращение к этому материалу объясняется тем, что газета «Магнитогорский рабочий» служила идейным выразителем политики коммунистической партии и отражала общегосударственные идеологические процессы в региональном преломлении. Безусловно точное вычленение сем, особенно в языковых еди-

ницах в отдаленных периодов, кажется довольно проблематичным в большинстве случаев; поэтому особую значимость приобретает анализ контекстов, содержащих рассматриваемые лексемы. В качестве культурного фона привлекались исторические документы 1933-1945 и 1960-2002 гг. Архивные материалы (партийные документы, постановления правительства, мемуары известных исторических личностей, частная переписка и т. д.) репрезентируют сложившуюся в культуре систему ценностных представлений о труде в разные хронологические периоды.

Предмет исследования – идеологическая составляющая концепта «труд» и ее изменение во времени.

Цели и задачи исследования определяют использование комплексной методики анализа. Анализ материала осуществлялся с помощью следующих **методов**:

- 1) метод компонентного семантического анализа;
- 2) метод контекстологического анализа;
- 3) метод концептуального анализа;
- 4) методика лингвокультурологического анализа;

Также были использованы приемы словообразовательного и морфемного анализа, статистический и сопоставительный методы.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нем впервые с лингвокультурологических позиций в динамике описано идеологическое содержание концепта «труд». Новизна подхода определяется координацией системно-структурного и лингвокультурологического анализа содержательных составляющих концепта «труд» на разных временных срезах языкового существования (1930-е гг., годы Великой Отечественной войны, годы так называемого «развитого социализма», годы кризиса советского строя и официальной идеологии, годы десоветизации). В научный оборот введен корпус высказываний, извлеченных из газеты «Магнитогорский рабочий» (1933 – 2002 гг.).

Теоретическая значимость диссертации определяется возможностью использования ее результатов в теоретических работах по когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. Апробированные в диссертации принципы описания идеологической составляющей концепта «труд» могут применяться как для описания других концептов, так и для структурирования общей картины мира. Идеи и выводы имеют

ценность для реконструкции национального сознания тоталитарной и посттоталитарной эпох.

Практическая значимость состоит в возможности использования результатов диссертации в области лексикографии. Выводы исследования позволяют уточнить словарные статьи слов *труд*, *работа*, описать коннотации лексем-вербализаторов анализируемого концепта. Результаты исследования могут быть использованы в курсах по лингвокультурологии, лексикологии русского языка, когнитивной лингвистике.

Положения, выносимые на защиту:

1. Концепт «труд» объективируется в языке словами *труд*, *работа*, которые имеют тождественные лексико-семантические варианты, включающие семантические признаки: ‘деятельность’, ‘целесообразная’, ‘требующая напряжения’, ‘созидающая’, ‘с помощью орудий производства’. Этот лексико-семантический вариант является нейтральным в системе языка и не имеет идеологических коннотаций.

2. В реальном речевом существовании данный лексико-семантический вариант с абстрактным значением утрачивает нейтральность за счет коннотаций, отражающих идеологические ценности. Под влиянием идеологически ценностной информации концепт «труд» становится идеологизированным.

3. Содержание идеологической составляющей концепта «труд» отражает официальную идеологию и формируется через средства массовой информации. Идеологическое содержание концепта не остается неизменным, и каждый исторический период характеризуется наличием специфических идеологических смыслов. В период с 1933 по 1980 гг. наблюдается противопоставление *социалистического труда* *труду при капитализме*. *Социалистический труд* получает однозначно положительную идеологическую оценку в этическом, эстетическом, качественном, количественном, физиологическом, социально-общественном аспектах. Использование слов *труд*, *работа* и их многочисленных контекстных партнеров (*социалистическое соревнование*, *стахановский*, *ударный*, *темпы* и др.) в тенденциозных контекстах советской эпохи приводит к идеологизации их семантики и последующему приобретению ими статуса идеологемы.

4. Со второй половины 1980-х гг. по 1990-е гг. начинается идеологическая редукция, и с 1990-х гг. по наше время наблюдается деидеологизация концепта «труд».

Период редукции характеризуется деформацией идеологических констант, которая обусловлена частичным пересечением семантических зон оппозиции «свой – чужой», а также появлением вербальных сопроводителей, характеризующих кризис социалистической системы. Деидеологизация характерных вербально выраженных культурно-ценностных идеологических предпочтений, составляющих фундамент советского мировоззрения, обусловила разрушение идеологически заданной структурированности концепта «труд». Содержание анализируемого концепта предельно сужается, поскольку эстетический, количественный, квалификативный, физиологический, социально-общественный аспекты переосмысляются или отвергаются. Этические смысловые наращения претерпевают значительные модификации в соответствии с культурно-ценностными предпочтениями демократического общества.

Модель исследования. Исследование включает два этапа анализа. Основной научный результат первого этапа – выявление содержательного ядра концепта «труд» в опоре на данные толковых и синонимических словарей русского языка. Основной научный результат второго этапа исследования – выявление зафиксированных в речевой ткани текстов газеты «Магнитогорский рабочий» направлений идеологической эволюции концепта «труд».

Структура исследования. Работа включает введение, две главы и заключение. Основные положения работы представлены в 7 публикациях автора, в том числе в 4 статьях.

Глава I. Семантическое ядро концепта «труд» в русском языке (по данным словарей)

1.1. Лексическое значение и концепт в научно-лингвистической интерпретации

В последние десятилетия XX в. в лингвистике постепенно сложилась новая научная парадигма – антропоцентрическая. В центре исследовательских интересов оказался язык как явление, тесно связанное с действительностью, обществом, цивилизацией. Язык предназначен для человека, и вся языковая категоризация объектов и явлений внешнего мира ориентирована на человека. Антропоцентрический подход стал основой для новых направлений лингвистики, которые не замыкаются на изучении языка как статичной системы, а расширяют границы научных исследований до рассмотрения взаимодействия языка и общества, языка и этноса. В рамках новых лингвистических направлений язык предстает не только как важнейшее средство общения и выражения мысли, но и как средство аккумуляции знаний культуры, и поэтому он выступает в качестве реализованной сущности культуры.

Для языка и культуры, по мнению И. Г. Ольшанского, характерны «общие признаки: это формы сознания, отражающие мировоззрение народа и человека; они ведут между собой постоянный диалог, т. к. субъект коммуникации – это всегда субъект определенной (суб)культуры; они имеют индивидуальные и общественные формы существования; обоим явлениям свойственны нормативность, историзм, а также включенность одной сферы в другую» [Ольшанский 2000: 26].

Особенности национальной культуры эксплицитно и имплицитно воплощаются в большей степени в единицах лексического уровня [Апресян Ю. 1986, 1995; Булыгина 1981; Васильев 1997; Вежбицка 2001; Верещагин и Костомаров 1980, 2000; Караулов 1987, 1991; Складеревская 1995, 1996, 2001; Степанов 1981, 1995, 1997; Шмелев А. 1996, 2002 и т. д.]. Обобщая результаты исследований материалов русского языка, А. Д. Шмелев пишет: «Значение большого числа лексических единиц включает в себя лингвоспецифичные конфигурации идей. При этом нередко обнаруживается, что эти конфигурации смыслов соответствуют каким-то представлениям, которые традиционно принято считать характерными именно для «русского» взгляда на мир» [Шмелев 2002: 296]. Вместе с тем лексические единицы отражают не только современную культуру общества, но и фиксируют предшествующее состояние культуры [Михайлова 1998: 105].

Выдвижение на первый план человека и провозглашение актуальности антропоцентрического подхода привели к смене научных приоритетов [см. Верещагин, Костомаров 1980, 2000; Караулов 1987; Колшанский 1977; Крысин 1989; Попова, Стернин 1984; Роль человеческого фактора 1988; Складаревская 1996, 2000, 2001; Шмелев 2002]. Переключение интересов исследователей с объекта познания на субъект, то есть рассмотрение проблемы существования человека в языке обусловило поиск новых ключевых понятий и методик, новых установок и целей. Взаимодействие языка и личности в рамках антропоцентрической парадигмы оказалось настолько многоаспектным, что познать их природу, функции, генезис при помощи традиционной – системно-структурной – парадигмы оказалось невозможным.

Системно-структурный подход к лексическому значению позволяет выделить основные системно-языковые признаки слова. Релевантные коммуникативные семантические компоненты не находят места в дифференциальной модели значения, которая «представляет собой элементарную структуру, то есть в значение входят лишь некоторые признаки из понятия, необходимые для отграничения одного предмета от другого» [Михайлова 1998, 58]. Так, Н. Г. Комлев пишет: «Значение содержит лишь минимум различительных черт» [Комлев 1969: 75]. А. Н. Шрамм отмечает: «Содержательное определение значения включает, с одной стороны, такие семантические компоненты, которые сигнализируют о вхождении данного значения в определенную лексико-семантическую парадигму, и, следовательно, являются общими для всех членов парадигмы, а с другой – такие компоненты, которые отличают одно значение от других в пределах данной парадигмы» [Шрамм 1981: 59]. Н. В. Цветков утверждает, что «значения слов должны быть представлены с помощью ограниченного и сравнительно небольшого числа семантических элементов» [Цветков 1984: 64].

Сторонники системно-структурного подхода Ю. Д. Апресян [1974; 1986; 1995], А. Вежбицка [2001; Wierzbicka 1985], Л. А. Новиков [1982], Н. В. Цветков [1984], А. Н. Шрамм [1981], Дж. Катц и Дж. Фодор [Katz, Fodor 1963] исходят из признания неоднородности лексического значения и членят его на компоненты разных типов и разной сложности. Выделяются крупные блоки, макрокомпоненты, определяющие основную специфику семантики слова, затем в их составе вычленяются микрокомпоненты – семы. Семантические блоки представлены прежде всего тремя основными макрокомпонентами: денотативным (эмпирическим), понятийным (сигнификатив-

ным), составляющими в совокупности предметно-понятийное содержание, и коннотативным. Каждая сема может быть охарактеризована по разным основаниям: с точки зрения содержания (основные, неосновные, описательные, относительные), с точки зрения области знания (бытовые, профессиональные), с точки зрения места в словарной дефиниции (постоянные, вероятностные, негативные), с точки зрения психологической яркости (яркие, слабые, коннотативные), классификация в условиях оппозиции семем (архисемы, видосемы, родосемы) [см.: Васильев 1981; Гак 1977; Денисов 1980; Кузнецова 1989; Комлев 1969; Никитин 1983; Соколовская 1979; Стернин 1985 и др.].

Системно-структурный подход сыграл большую положительную роль в развитии семасиологии, поскольку позволил выявить семантические элементы значения. Тем не менее указанный подход не обладал достаточной объяснительной силой для описания различных модификаций значения в коммуникативном акте. Значение в действии, в процессе его использования проявило себя значительно полнее и богаче, чем набор выделенных в нем дифференциальных признаков. О. А. Михайлова отмечает, что «несмотря на внутреннюю упорядоченность, структурная лингвистика имела слабую связь с реальностью и практической речевой деятельностью. Обращение к реально функционирующему значению было закономерным развитием отражательной концепции значения» [Михайлова 1998: 77].

Изучение слова в коммуникативном аспекте представляет собой исследование его как единицы, предназначенной для выполнения коммуникативных функций [Колшанский 1980: 147]. Преимущественно коммуникативный подход к слову характерен для В. Г. Гака [1992, 2003], В. И. Говердовского [1986, 1989], В. З. Демьянкова [1981, 1983], Т. Н. Дорожкиной [1999], Г. В. Колшанского [1977], Н. Г. Комлева [1992], О. А. Михайловой [1998], М. В. Никитина [1983], З. Д. Поповой и И. А. Стернина [Попова, Стернин 1984; Стернин 1985, 1997], Г. Н. Складневской [1996] и др.

И. А. Стернин указывает, что «коммуникативное изучение слова отличается от традиционных контекстуальных исследований тем, что имеет дело не с многозначным словом и факторами реализации отдельных значений в контексте, а с приспособлением структуры отдельного значения слова к условиям конкретного коммуникативного акта» [Стернин 1997: 82].

Коммуникативное описание слова показывает, что значение слова в акте речи несводимо к небольшому числу ядерных сем, которые выполняют дифференциальные

функции в языке. Выстраивая структуру интегральной модели значения, Г. Н. Складарская представляет ее в виде системы концентрических кругов, где внутренний круг означает денотативное ядро – постоянные обязательные и неустраиваемые семы, обычно составляющие словарную дефиницию, а следующий за ним – периферию денотата – второстепенные семы, закрепленные в массовом сознании за данным денотатом и являющиеся факультативными в словарных дефинициях. Далее следует ряд концентрических кругов, содержащих прагматическую информацию о слове, – разнородный набор коннотаций (социальных, исторических, культурных, эмотивных и т. д.). Наиболее отдаленное от денотативного ядра место занимают семы индивидуальные, ситуативные и т. п. – то есть такие семантические компоненты, которые не являются всеобщими, а отражают ассоциации некоторой части языкового коллектива и могут реализоваться только при определенных обстоятельствах (к ним относятся в первую очередь идеологические прагматические компоненты) [Складарская 2001:: 191]. Как правило, периферийные компоненты значения обеспечивают широкие номинативные возможности слова в коммуникативных актах, возможности семантического варьирования; именно в них сосредоточиваются коннотации и ассоциации.

Формируемая коммуникативным подходом интегральная концепция значения предстает как бесконечно сложная структура, которая включает широкий круг более или менее существенных признаков, проявляющихся у предмета в разных ситуациях. «Эти признаки не важны для противопоставления значений, они структурно не значимы, но в значительной степени релевантны для коммуникации» [Михайлова 1998: 78].

Еще Д. Н. Шмелев, работавший в рамках дифференциальной семасиологии, говорил о необходимости выделения сем, обозначающих побочные характеристики объекта. Он писал о том, что при переводе с одного языка на другой в определениях слов «остаются нераскрытыми какие-то «оттенки смысла» [Шмелев 1964: 79]. По мнению А. Я. Алексеева, расплывчатость и неопределенность термина «оттенки смысла» часто вызывает споры ученых. Однако «спор о том, называть данным термином то, что лежит в его основе, или предпочесть ему другое название, в конце концов не столь важен. Как бы мы их ни называли – дополнительными оттенками (значениями), второстепенными или коннотативными значениями, коннотацией или прагматикой и т. п., – сущность и характер этой части информации, заключенной в знаке, не меняет-

ся. Более существен вопрос о структуре данной информации и о роли ее составных элементов в системе языка» [Алексеев 1982: 51]. Тем более, что это непросто сделать, поскольку, по мнению И. М. Кобозевой, в языковом знаке взаимодействуют по меньшей мере 4 типа сущностей:

- 1) категории действительного мира;
- 2) мыслительные категории, присущие логике и психологии человеческого познания;
- 3) прагматические факторы, т. е. то, что связано с целенаправленным использованием языка в человеческой деятельности;
- 4) отношения между знаками – единицами языковой системы [Кобозева 2000: 43].

В данной работе мы придерживаемся коммуникативного подхода и признаем, что при изучении реального функционирования слова целесообразно «опираться на понятие его «коммуникативного потенциала». Оно включает в себя важнейшие лингвистические параметры слова, денотативную и сигнификативную отнесенность, синтагматические и парадигматические связи с другими номинативными единицами, свойственные ему ассоциативные, оценочно-прагматические сочетания – все то, что может оказаться чрезвычайно важным в общении и в силу этого актуализироваться» [Дорожкина 1999: 6]. Исследование «коммуникативного потенциала» значения слова дает адекватную интерпретацию реальной семантики слова в ее речевом варьировании, многообразии.

Осознание широты информации, реализуемой словом, и стремление изучить вопросы соотношения значения и знания привели лингвистов к когнитивному подходу, ориентированному «на поиски и обнаружение определенных корреляций между когнитивными и языковыми структурами» [Топорова 1999: 5]. В русле этого подхода язык рассматривается как ведущий когнитивный механизм человеческого сознания [Арутюнова 1985, 1987, 1999; Булыгина 1981; Вежбицка 2001; Демьянков 1994, 1995; Кобозева 2000; Кубрякова 1994; Рябцева 1994; Фрумкина 1995; Шмелев А. 2002 и др.]. Акцентируется, что «языковые данные обеспечивают наиболее очевидный и естественный доступ к когнитивным процессам и когнитивным механизмам; само их появление можно рассматривать как следствие определенного процесса и действие опре-

деленных механизмов, связанных с ментальной и когнитивной деятельностью человека» [Рудакова 2004: 11].

Лингвистические когнитивные исследования выявили разнообразные способы организации и хранения информации в памяти человека. В качестве одного из базовых выделяется концепт. Интегрирование концептом знания нескольких наук и вследствие этого его широкое использование и востребованность в когнитивной лингвистике, психолингвистике, лингвокультурологии и других гуманитарных науках, привели к происходящему становлению самостоятельной теории концепта.

Термин *концепт* является в современной лингвистической науке одним из самых дискуссионных. Концепт – категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает большой простор для ее толкования.

Концепт, по мнению основателя отечественной школы логического анализа языка Н. Д. Арутюновой, является результатом взаимодействия ряда факторов, таких, как национальная традиция, религия, фольклор, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей. «Концепт обычно создается не одним признаком, а комбинацией, совокупностью черт» [Арутюнова 1976: 18], которые формируют недискретный образ. Подобие воспринимается «залпом», как нечто нечленимое, «разлитое» в образ. Восприятие объекта через образ в значительной степени отвечает созерцательному отношению к миру. Посредством комплексного образа проще осуществлять таксономию объектов, чем через последовательное предъявление каждому предмету «требований» (признаков), которым он должен удовлетворять, чтобы быть допущенным в то или иное номинативное объединение [Арутюнова 1999: 23].

В. В. Колесов отмечает, что «концепт в целом предстает (является) в своих содержательных формах как образ, как понятие и как символ. В этом случае под концептом следует понимать не *conceptus* (условно передается термином «понятие»), а *conceptum* – «зародыш, зернышко» первосмысла, из которого и произрастают в процессе коммуникации все содержательные формы его воплощения в действительности» [Колесов 1999: 81].

Рассуждая над процессом формирования концепта, Д. С. Лихачев приходит к выводу: концепт «является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [Лихачев 1993: 4].

Определяя концепт как сгусток культуры в сознании человека, Ю. С. Степанов пишет, что концепт – «то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 1997: 40].

Большой вклад в развитие теории концепта внесли исследования А. Вежбицкой. В ее интерпретации концепт соотносится с понятием. Смысл языковой единицы – концепт – А. Вежбицкая определяет как объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире «Действительность». Сама же действительность, по мнению А. Вежбицкой, дана нам в мышлении (но не восприятии!) именно через язык, а не непосредственно. Исследователь пишет: «Семантика имеет объяснительную силу, только если (и в той мере, в которой) ей удастся «определить» или истолковать сложные и темные значения в терминах простых и самоочевидных. Если мы вообще можем понять то или иное высказывание (наше собственное или кого-то другого), то только потому, что эти высказывания, так сказать построены из простых элементов, которые понятны сами по себе» [Вежбицка 2001а: 51].

Диапазон такой ментальной многоликости концепта определяется его генетическими истоками: а) характером восприятия реальной действительности; б) предметно-практической деятельностью; в) мыслительными действиями, направленными на сопоставление вновь познаваемого с ранее приобретенными знаниями; г) лингвокреативным потенциалом дискурсивного мышления [Алефиренко 2002: 17].

Сложным является вопрос о структуре концепта. По мнению Д. С. Лихачева, концепт всегда «предоставляет возможности для сотворчества, домысливания, «дофантазирования» и для эмоциональной ауры слова» [Лихачев 1993: 5]. Это свидетельствует о том, что в концепт помимо понятийной основы входит «комплекс коннотативных приращений, реализуемый в определенном наборе слов-репрезентантов» [Грушина 2002: 6].

С. Г. Воркачев, Н. В. Дорофеева относят эти приращения к дифференциальным компонентам концепта, которые связаны с ментальностью носителей языка либо с менталитетом национальной языковой личности. Под последней понимается «закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный

прототип носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре» [Воркачев, Дорофеева 2000: 167].

Ю. С. Степанов пишет: «У концепта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятий; с другой стороны, в структуру концепта входит то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков история; современные ассоциации; оценки и т. д.» [Степанов 1997: 41].

Таким образом признается, что концепт представляет собой совокупность рационального, логического (понятия, сигнификата) и иррационального, сублогического (представления, верования, мифологемы) содержания, которые связаны с понятием и выступают как его прагматический фон [Хо Сон Тэ 2001: 7]. При концептуализации, т. е. в ходе развертывания концепта в дискурсе, в «сферу» концепта «втягиваются» все типы информации, характерные для отображения определенной ситуации как ментальной структуры [Грушина 2002: 9].

Концепт включает в себя ценностную составляющую [Карасик 2002: 129]. Именно это отличает концепт от других мыслительных единиц. Область культурологических исследований является той сферой, в которой исследователю, как отмечает Г. Г. Слышкин, «труднее всего взглянуть на изучаемое извне, абстрагировавшись от собственной субъективности. Ему сложно осмыслить изучаемое как систему, поскольку он сам (т. е. его сознание), будучи носителем культуры, есть не что иное, как часть этой системы. В области концептологии эта трудность приводит к тому, что в ряде исследований термином «концепт» обозначают любой произвольно выделяемый участок семантического поля языка. Эмфатизация ценностного элемента концепта дает возможность избежать подобной ситуации» [Слышкин 2000: 11].

В. И. Карасик определяет ценностную сторону концепта как важность этого психического образования и для индивидуума, и для коллектива. Ценностная составляющая концепта является определяющей для того, чтобы концепт можно было выявить. «В этом сложном ментальном образовании выделяются наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [Карасик 2002: 154].

Вообще проблема ценностей в культуре чрезвычайно важна для адекватного понимания культуры в целом. Г. Г. Слышкин утверждает, что для того, чтобы «охарактеризовать какое-либо понятие и сформулировать его существенные признаки, необходимо прежде всего установить четкую границу этого понятия, противопоставить множество явлений, предметов, входящих в него, другому множеству, находящемуся за его пределами. Поскольку содержание феномена культуры включает в себя все многообразие деятельности человека и ее опредмеченных результатов, то противопоставить ему в качестве не-культуры мы должны совокупность природных явлений, не связанных с функционированием человеческого разума, одним из важнейших свойств которого является способность к систематической оценке материальных и идеальных объектов» [Слышкин 2000: 10].

Ценности чрезвычайно разнообразны. Выделяются ценности социальные, ценности, связанные со способностью человека к созданию глобальных общественных идеалов, ценности, санкционируемые и культивируемые официально, с помощью находящейся в распоряжении государства разветвленной системы средств, ценности, которые функционируют лишь на уровне обыденного сознания и т. д.

Предпринимая попытку классификации ценностей, В. И. Карасик предлагает разделить их на внешние и внутренние, имея в виду то обстоятельство, что «между внешними, социально обусловленными, и внутренними, персонально обусловленными, ценностями, нет четко очерченной границы. Вероятно, рубежами на условной шкале персонально-социальных ценностей могут считаться границы языкового коллектива. Таким образом, противопоставляются ценности индивидуальные (персональные, авторские), микрогрупповые (социальные, ролевые, статусные и др.), этнические и общечеловеческие» [Карасик 1996: 3].

Ценностная составляющая в словах, выражающих концепты, трансформируется в виде оценочного компонента значения. Оценка как семантическая категория, по мнению Ю. Д. Апресяна [1995], Н. Д. Арутюновой [1983; 1988], Е. М. Вольф [1985], В. И. Говердовского [1986], Т. Б. Крючковой [1989], Л. А. Новикова [1982], В. Н. Цоллера [1998], Л. О. Чернейко [1996] и др., обладает рядом специфических свойств. Она отражает не реальный мир, а отношения между существующим миром и его идеализированной моделью, в силу чего соотносится с субъективным фактором отражения действительности.

В процессе оценки субъект рассматривает объект с определенной точки зрения: практической пользы, этических представлений, эстетических идеалов. Так, Ю. Д. Апресян, выделив три «вектора» оценки (отношение к действительности, содержанию сообщения, адресату), указал на наиболее значимые аспекты каждого из направлений. Оценка говорящим действительности разделяется на общую оценку, оценку по параметру желательности/нежелательности. Отношение к содержанию сообщения включает в себя оценку по параметру истинности, оценку, связанную с указанием на должную интерпретацию высказывания. Отношение к адресату описывается в рамках равноправного/неравноправного положения партнеров в коммуникативной ситуации [Апресян 1995: 136-140].

Выделяются следующие типы квалификации, оценки объектов и явлений:

1. Эмоционально-чувственное восприятие и квалификация объектов внеязыковой действительности, в основе которой могут лежать непосредственные переживания.
2. Рационально-оценочная квалификация объектов окружающего мира, основанная на интеллектуальной оценке.
3. Чувственно-образное восприятие и квалификация внеязыковых объектов, в основе ее «скрытое» (интеллектуальное или чувственное) сравнение [Крючкова 1989: 66].

Многообразие оценочных значений, с одной стороны, и многостороннее обозначение в языке ценностей, с другой стороны, размыывают различия между ценностями и оценкой. Для получения адекватной картины представления ценностей в языке В. И. Карасик предлагает учитывать аксиологическую сторону проблемы. Он пишет: «Обратившись к специальной литературе по аксиологии, обнаруживаем, что ценности в значительной мере определяются идеологией, общественными институтами, потребностями» [Карасик 1996: 4].

Е. В. Харченко и Л. А. Шкатова утверждают, что «аксиологический аспект включает обобщенные устойчивые представления о предпочитаемых благах, объектах, значимых для человека, являющихся предметом его желания, стремления, интереса. Он отражается в разных концептах языкового сознания, в том числе создающих основу взаимоотношений людей разных культур: «свой – чужой», «добрый – злой»,

«красивый – некрасивый», «правдивый – лживый» и под.» [Харченко, Шкатова 2002: 7].

Рассматривая специфику труда и ее отражение в лингвокультурной общности, Е. Л. Березович [2000], Д. Быков [2003], С. Ю. Данилов [2003], М. А. Еремина [2003], В. И. Карасик [1996] и др. выявляют этнокультурные и культурные ценностные доминанты. Их появление обусловлено, в большей части, межличностными отношениями, социальной структурой общества, освоением окружающей действительности. Предполагается, что возникновение идеологического компонента связано с идеологическим отражением действительности, базирующимся на идеологической оценке, в качестве классификационных критериев которой может быть выбран такой признак, как «объект оценки, а точнее отношение субъекта к положению дел (оценка факторов, событий, лиц). Прагматический смысл заключается в том, что субъект, выражая свое отношение к какому-либо явлению, осознанно или неосознанно пытается вызвать изоморфное отношение у адресата» [Виноградов 1996: 309].

Идеологическая оценка, являясь одной из разновидностей интеллектуальной, характеризуется двумя основными чертами. Во-первых, по мнению Т. Б. Крючковой, она квалифицирует предметы и явления, рассматривая их всесторонне, глубже проникая в их сущность, чем это происходит в рамках обыденного сознания. Во-вторых, идеологическая оценка производится с позиций интересов того или иного класса в соответствии с критерием «выгодно – невыгодно» данному классу [Крючкова 1989: 66]. Это обуславливает жесткую структуру идеологической оценки, которая укладывается в двухполюсную оппозицию «хорошо – плохо», соотносясь с положительным либо отрицательным знаком.

В отличие от идеологической оценки природа «неидеологизированного» оценочного знака эксплицирует наличие «трех типов отношений: внешнего – символ ценности «хорошо» – «нормально» – «плохо» и двух внутренних – парадигматического языкового, виртуального, предполагающего выбор из множества знаков при минимальных различиях (одобрять, любить, нравиться и др.), синтагматического, речевого, где знак соплагается со своими «соседями» для выражения эмоционального напряжения говорящего и «силы его коммуникативных намерений: одобряю – хвалю – восхищаюсь//не одобряю – прощаю – возмущаюсь» [Маркелова 1999: 77].

На уровне речевого употребления слова каждый полюс идеологической оценки представлен рядом коннотаций:

а) коннотации мелиоративной идеологической оценки (одобрение, удовлетворение, восторг, восхищение);

б) коннотации пейоративной идеологической оценки (неодобрение, осуждение, пренебрежение, презрение, отвращение, недовольство, возмущение).

И. В. Говердовский считает, что идеологическая коннотация складывается в сознании людей как непосредственное отражение общественной деятельности. Данный тип коннотации не имеет постоянной и однозначной связи с понятием, которое выражает слово. Взаимопонимание при таких условиях осуществляется с помощью «своего рода «семантической коррекции» – учета каждым из коммуникантов тех идейных и жизненных установок, какие занимает его партнер. Несоблюдение этих условий ведет к нарушению взаимопонимания» [Говердовский 1986: 63].

Важным свойством структурирования идеологических коннотаций в тексте Э. В. Чепкина называет создание иллюзии. Смысл идеологически значимых элементов не задается введением господствующего означающего, а заложен с самого начала, является частью их имманентной сущности. Адресату легко оказаться в плену иллюзии, существование которой является совершенно необходимым для успеха «пристегивания» означающих к единому идеологическому полю: оно успешно ровно в той мере, в какой текст выглядит истинным описанием «реальности как она есть», в какой следы самой практики «пристегивания» оказываются стертыми (идеологические коннотации и есть такие следы, оставленные и в то же время стертые) [Чепкина 2000: 175].

Вместе с тем не все идеологемы, как пишет Н. А. Купина, замешаны на лжи. Так, «словарь идеологем тоталитарного языка располагает идеологемами- святынями. В их числе *братство, равенство, справедливость, дружба народов, знамя*. Разумеется, каждая подобная идеологема неоднократно употреблялась в неистинных суждениях. Следствие последнего – дискредитация идеологически нравственных языковых средств независимо от фактора истинности» [Купина 1997: 137].

Вообще, идеологии свойственна лишь претензия на истинность. По мнению Э. В. Чепкиной, особенность значения идеологемы – неverifiedируемость с точки зрения эмпирического опыта. Невозможно эмпирически доказать или опровергнуть

утверждение, что все делится на победителей и проигравших. В прагматическом аспекте истинность (или ложность) предложенной концепции общества зависит и от адресатов. Будет ли существовать такое общество и решит ли оно, как обещано, социальные проблемы, адресату предлагают проверить, если он приложит и собственные усилия к воплощению изложенного проекта. Это важная особенность идеологических систем – отнесенность их верификации в будущее, невозможность проверить на истинность в настоящий момент [Чепкина 2000: 170].

Идеология не заявляет себя открыто. Ее ключевая установка в отношении адресата – представить непротиворечивую картину социального мира и сформировать идеал социальной гармонии. В связи с этим важнейшей особенностью идеологем является воздействие на уровне бессознательного, позволяющее добиться частичного заражения соответствующими взглядами каждого, кто пользуется идеологически окрашенными словами. Идеологемы «задают особую модель мира» [Купина 1995: 8].

Манипулятивность Е. И. Шейгал называет важным прагматическим фактором, присущим идеологемам [Шейгал 2000: 54]. В. И. Говердовский подчеркивает, что «идеологические созначения приобретают особо решающее значение в массовой информации для регуляции поведения людей» [Говердовский 1986: 64]. Они являются эффективным средством внедрения в когнитивную систему реципиента концептуальных конструкций, часто помимо сознания реципиента, и поэтому выступают как социальная сила, как средство навязывания взглядов.

Таким образом, идеологическая оценка в качестве результата идеологического освоения действительности становится «сигналом лингвистической ценности внеязыкового объекта, будь то предмет, процесс или понятие» [Карасик 1996: 4]. Опираясь на концепцию Г. Г. Слышкина, можно предположить, что оценивание, и в том числе идеологическое, является «моментом первичного образования того или иного концепта в сознании носителей культуры» [Слышкин 2000: 11].

Разработка ценностных доминант представляется важной для концептологии, в которой наблюдается тенденция увеличения интереса к культурному феномену, существующему в человеке и для человека. В фокусе внимания оказываются культурные концепты, отражающие особенности менталитета народа. Концепт понимается как комплекс культурно обусловленных представлений о предмете познания, экспликация

которых осуществляется только путем осмысления формирования семантической структуры слова [Алефиренко 2002: 18].

Исследователями выдвигается идея многомерности культурного концепта, выделения в нем рационального и эмоционального, абстрактного и конкретного компонентов [Алефиренко 2002; Бабаева 1996; Булыгина, Шмелев 1991; Воркачев, Дорофеева 2000; Грушина 2002; Дмитриевская 1991; Карасик 1996, 2002; Попова, Стернин 2000; Слышкин 2000; Токарев 2000, 2003; Хо Сон Тэ 2001 и др.]. В. И. Карасик считает необходимым отметить, что культурные концепты – явление неоднородное. Прежде всего они различаются по принадлежности тому или иному социальному слою общества. Иначе говоря, существуют ментальные образования, актуальные для этнокультуры в целом, для той или иной группы в рамках данной культуры, и, наконец, для индивидуума. Такое понимание концептов позволяет, по мнению В. И. Карасика, совместить разные подходы к их интерпретации [Карасик 2002: 140].

Культурный концепт рассматривается как мыслительная сущность, по отношению к которой понятие и значение являются разными стадиями его развития. В лингвистике понятие обычно рассматривается как итог познания, в котором резюмируется определенная совокупность знаний. Так, по определению Э. В. Кузнецовой, «понятие – это одна из основных форм мышления, с помощью которой реальная действительность обобщенно отражается в нашем сознании» [Кузнецова 1989: 22]. В понятиях аккумулируется общественно-историческая практика людей, в них подытоживаются знания, накопленные за известный период. Понятие – то общее, что присуще бесконечному множеству явлений. Это «сумма существенных (и потому отличительных) признаков класса предметов» [Уфимцева 1980: 29]. Но это общее не является продуктом субъективного произвола людей. «Понятие – это продукт и затем инструмент классифицирующей способности человека. Функция понятия состоит в установлении факта принадлежности предмета определенному классу» [Михайлова 1998: 48].

Понятие лежит в основе лексического значения слова, и поскольку понятие представляет собой конъюнкцию признаков – общих и частных для предметов и явлений некоторого класса, то соответствующие признаки обнаруживаются в лексическом значении слова, и именно они, как правило, манифестированы словарной дефиницией. Такое понимание соотношения значения и понятия явилось следствием структурного подхода к языку и к слову, в частности. Дифференциальная модель значения сло-

ва-имени концепта, являющаяся «когнитивной моделью» [Михайлова 1998: 83], составляет ядро концепта, зафиксированное в системе языка. З. Д. Попова и И. А. Стернин отмечают, что «значение своими системными семами передает определенные признаки, образующие концепт, но это всегда лишь часть смыслового содержания концепта. Для экспликации концепта нужны обычно многочисленные лексические единицы, а значит – многие значения» [Попова, Стернин 2002: 59].

Лексическое значение соотносится с понятием, но им не исчерпывается, поскольку вбирает в себя большое количество коннотаций (оценочных, идеологических, культурных и т. д.) и ассоциаций, которые фиксирует языковое сознание. Данное понимание лексического значения соответствует интегральной модели, характеризующейся нелимитируемостью, богатством содержания, вскрываемом во множестве употреблений. Однако даже при таком широком подходе лексическое значение оказывается уже концепта. Комплексные исследования показали наличие в концепте культурной составляющей. Г. В. Токарев, рассматривающий культурный компонент концепта «труд» отмечает, что «его структура определяется, с одной стороны, дифференциацией лингвокультурной общности на социумы, с другой – диктумным и модусным типами языковой семантики, объективирующими результаты концептуализации и категоризации знаний о труде» [Токарев 2003: 7].

В русском языке значение слова тоже репрезентирует культурную информацию. Однако коммуникативный подход к слову показывает, что актуализация тех или иных семантических компонентов в большей или меньшей степени зависит от системы актуализированных в данное время ценностей. Каждый новый контекст обуславливает появление новых коммуникативно релевантных сем и, соответственно, новых концептуальных смыслов, которые эксплицируют лишь часть культурной составляющей концепта.

Культурно-ценностные доминанты концепта, по определению Г. Г. Слышкина, находят выражение в религии, идеологии, искусстве и т. д. [Слышкин 2000: 10], поэтому лингвистическое изучение культурного компонента возможно благодаря привлечению таких дисциплин, как история, культурология, этнография и др.

При описании идеологической составляющей концепта «труд» необходимо учитывать зависимость значения слов, вербализующих концепт, от языковой политики, влияние которой проявляется только в контексте. Компонентный и концептуаль-

ный анализ позволяет выявить идеологические добавки и наращения, а также характер деформаций, которые претерпевает семантика слов. Множество форм языкового выражения концепта позволяет описать его содержание, заданное идеологически. Также целесообразно обращение к историческим фактам советской и постсоветской действительности. Архивные материалы (партийные документы, постановления правительства, мемуары известных исторических личностей, частная переписка и т. д.) репрезентируют сложившуюся в культуре систему ценностных представлений о труде в разные хронологические периоды.

Главным свойством концептов считается их неизолированность, связанность с другими такими же [Рахилина 2000, Лихачев 1993, Степанов 1997, Попова, Стернин 2002 и др.]. Концепты, которые зависят друг от друга, составляют некие целостности, которые определяются как концептосфера. Этот термин был введен Д. С. Лихачевым, называвшим концептосферами совокупность потенций, заключенных в словарном запасе в целом или отдельного его носителя [Лихачев 1993: 5]. По его мнению, понятие концептосферы особенно важно тем, что «оно помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но неким концентратом культуры – культуры нации и ее воплощения в разных слоях населения вплоть до отдельной личности. Язык нации является сам по себе сжатым, если хотите, алгебраическим выражением всей культуры нации. Уже самый поверхностный взгляд на концептосферу русского языка демонстрирует исключительное богатство и многообразие русской культуры» [Лихачев 1993: 9].

В концепции Г. Г. Слышкина национальная концептосфера включает в себя «наивную картину мира данного языка, формирующую образную составляющую концептов, национальную систему ценностей, формирующую оценочную составляющую концептов и определенную сумму информации, необходимую для успешного общения в рамках данной культуры. Эта сумма информации, как научной, так и бытовой, как истинной, так и ложной, формирует понятийную составляющую концептов» [Слышкин 2000: 14].

Концепты, образующие концептосферу, вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами. Так, для процесса построения смыслов («концептуальных картин») знаков-объектов характерно то, что новые смыслы, или концепты, строятся на основе имеющихся. Последние служат в качестве семан-

тических анализаторов воспринимаемого, познаваемого объекта и в качестве составляющих образуемого или порождаемого, таким образом смысла или структур смысла, т. е. в качестве частей результирующей системы концептов, или концептуальной системы. Следовательно, данный процесс является континуальным: мы воспринимаем, познаем только такие объекты, которые мы способны «схватить» посредством содержащихся в нашей концептуальной системе смыслов, и это представляет собой способ интерпретации этих знаков-объектов, способ их осмысления нами [Павилёнис 1986: 383].

Принимая во внимание системный характер отношений концептов необходимо указать, что для адекватного восприятия концепта принципиально важны:

- на поверхностном уровне – контекст в самом широком смысле этого слова;
- на глубинном уровне – общий фонд знаний автора и реципиента [Красных 1998: 61].

В настоящее время в когнитивной лингвистике существуют различные типологии концептов [см. Алефиренко 2000; Апресян 1995; Бабушкин 1996; Карасик 2002; Попова и Стернин 2000, 2002; Слышкин 2000 и др.].

С точки зрения репрезентации структур представления знаний А. П. Бабушкин выделяет следующие типы концептов: мыслительная картинка, схема, гипонимия, фрейм, сценарий, инсайт [Бабушкин 1996].

В рамках существующей типологии «труд», являющийся объемным многокомпонентным концептом [Еремина 2003; Карасик 1996; Токарев 2000; 2003], представляет собой фрейм. По мнению А. П. Бабушкина, концепт-фрейм имплицитно включает сложную ситуацию; его можно сопоставить с «кадром», в рамки которого попадает все, что типично и существенно для данной совокупности обстоятельств [Бабушкин 1996: 20-21].

Языковой аналог фрейма – пропозиция. Это ситуация, взятая в аспекте ее внутренней логической структуры [Касевич 1988: 58]. Описание ситуации осуществляется путем приписывания семантико-синтаксических ролей конкретным участникам (реальной или воображаемой) ситуации [Минский 1988; 1979; Minsky 1975; Касевич 1988; Аполлонская, Глейбман, Маноли 1987; Филлмор 1979, 1988]. Такое приписывание осуществляется с помощью средств, названных Ч. Филлмором «глубинными падежами». К основным падежам Ч. Филлмор относит: Агентив (падеж обычно оду-

шевленного инициатора действия, идентифицируемого с глаголом), Инструменталис (падеж неодушевленной силы или предмета, который включен в действие или состояние, называемое глаголом), Датив (падеж одушевленного существа, которое затрагивается состоянием или действием, называемым глаголом), Фактитив (падеж предмета или существа, которое возникает в результате действия или состояния, называемого глаголом), Локатив (падеж, которым характеризуется местоположение или пространственная ориентация действия или состояния, называемого глаголом), Обьектив (падеж, который бывает только у вещей, затрагивающихся состоянием или действием, идентифицируемым глаголом). В зависимости от ситуации их состав может меняться [Филлмор 1979: 405-406].

В структуре фрейма *труд* выделяются составляющие:

- субъект (одушевленный инициатор действия)
- объект (объект, как правило, формально не выражен, поскольку глагол *трудиться* является безобъектным; однако позиция объекта становится очевидной по результатам труда)
- интенсификатор (количественные параметры)
- модификатор (изменяемость)
- локатив (пространственная ориентация)
- целеполагание (цель)
- результатив (результат)
- инструмент (неодушевленный предмет или сила, с помощью которой производят действие).

В процессе речевой деятельности человека актуализируются отдельные фрагменты и элементы фрейма, так как «дискурсивное мышление моделирует разные ситуации» [Филлмор 1988: 54]. Каждая отдельная ситуация обуславливает некий «набор» семантических функций предиката, которые в совокупности формируют тот или иной концептуальный смысл.

На языковом уровне разнообразные концептуальные смыслы фрейма репрезентируются посредством разных контекстов, в рамках которых используемые в качестве обозначений семантических позиций лексические единицы могут актуализировать всякий раз новые грани семантики своего лексического значения. По этому поводу Ч. Филлмор пишет, что «когда мы выбираем слово или словосочетание, вместе с ним

мы автоматически привлекаем и более широкий контекст, или рамку, в терминах которой отобранное слово или словосочетание получает определенную интерпретацию. Описания значений элементов должны как бы задавать одновременно «изображение» и его «фон» [Филлмор 1979: 521].

Важным категориальным признаком фрейма является его «структурированность», объединяющая в единый когнитивный образ языковые и неязыковые знания» [Алефиренко 2002: 20]. Исследование концепта «труд» при помощи фреймовой структуры, на наш взгляд, поможет выделить основные аспекты идеологизации.

В рамках исследования мы придерживаемся лингвокультурологического направления изучения концепта. Предполагается, что концепт – динамическое явление, т. к. содержание концепта, а также его взаимодействие с другими концептами зависят от изменений в культуре и, соответственно, массовом сознании. По отношению к понятию и значению концепт трактуется нами расширительно.

1.2. Семантическая структура слов *труд, работа*

Опираясь на понятие «коммуникативный потенциал», рассмотрим семантику слов *труд, работа*, которая складывается на основе общеязыковых характеристик его лексического значения и под влиянием прагматических факторов.

Наше исследование проводится на уровне лексико-семантических вариантов (семем, далее ЛСВ). Вслед за многими исследователями [Апресян 1974, Бережан 1973, Саркисова 1956] мы отказываемся от неопределенного термина «оттенок значения», ибо «оттенок в лексике – это смысловые различия между теми или иными словами» [Будагов 1973: 408]. В наших материалах эти различия подкреплены к тому же различиями в лексической сочетаемости, что выделяется в числе критериев разграничения лексико-семантических вариантов. Опираясь на эти суждения, мы принимаем любое различие, отмеченное в словарной дефиниции как «оттенок значения», за самостоятельный ЛСВ.

Для анализа были отобраны словари, являющиеся наиболее значимыми, авторитетными для русской и советской лексикографии. Прежде всего это толковые словари, которые содержат структурные определения значений, фиксирующие семантические признаки как некий инвариант – когнитивную модель.

К исследованию привлекался «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля (далее СД) [I 1989; II 1989; III 1990; IV 1991], материалы которого включают много разнообразной культурной информации, характерной для русского сознания предреволюционной эпохи. СД относится к числу ненормативных, что представляется незначимым для настоящей работы, цель которой – выявить во всей полноте семантические компоненты, составляющие содержание слов-вербализаторов концепта «труд».

Уникальным памятником тоталитарного языка советского периода является «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (далее ТСУ) [I 1935; II 1938; III 1939; IV 1940], зафиксировавший константы новейшей идеологии. Материалы ТСУ «обнаруживают прямое давление идеологии на лексическую семантику, экспансию значений мировоззренческого типа, искусственный примат сигнификативной функции, квалифицирующей язык как «фиксатор» идеалов классовой борьбы, социалистической революции, диктатуры пролетариата» [Купина 1995: 7].

Использовался «Словарь русского языка» в четырех томах (Малый академический словарь, далее МАС) [I 1985; II 1986; III 1987; IV 1988] и «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (далее СОШ) [2003]. Эти словари позволяют выявить зафиксированные лексикографами приоритеты, характерные для общественного сознания в периоды деформации и окончательного разрушения тоталитарной идеологии.

По мере необходимости привлекался «Толковый словарь языка Совдепии» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной (далее ТСЯС) [1998], «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» (составители Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская и др., далее НОСС) [1999], «Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения» (под ред. Г. Н. Складневской, далее ТСС) [2000]. В перечисленных толковых словарях представлен обширный эмпирический материал – результаты самонаблюдений составителей, выписки из текстов разных жанров и записи живой разговорной речи.

В исследование включены материалы «Словаря синонимов» (под ред. А. П. Евгеньевой, далее СС) [1975] и «Словаря синонимов русского языка» (под ред. А. П. Евгеньевой, далее ССРЯ) [I 1970; II 1971].

Именем концепта «труд» являются синонимы *труд* и *работа*. ССРЯ, СС и НОСС приводят идентичные синонимические ряды: Труд. Производство. Работа [ССРЯ, II: 565]; Работа. Труд [СС: 466]; Работа 1. Труд 1 [НОСС: 308].

Синонимические парадигмы выделяют двойную культурную доминанту *труд* – *работа*, которая в обыденном сознании составляет ядро концепта «труд». Однако НОСС фиксирует свойственные этим словам различия культурных смыслов.

Сопоставив структурные значения можно сказать, что отношения между синонимами *труд* – *работа* характеризуются следующими признаками:

1. Слова *труд* и *работа* эквивалентны в первом значении ‘деятельность вообще’, поскольку взаимозаменяемы в большинстве фраз. Данные отношения манифестирует соответствующая помета в НОСС.

2. Однако в первом значении эти синонимы не лишены некоторых различий. НОСС приводит следующие дифференцирующие смысловые признаки: «1) характер деятельности (труд – в целом более творческая и этически значимая деятельность, чем работа); 2) масштаб задачи и количество затраченных усилий (в труде в целом больше); 3) представление деятельности как разворачивающегося во времени процесса (работа разворачивается во времени, труд – нет); 4) целеполагание (в работе на первом плане содержание, результат, в труде – усилия); 5) оценка (для работы характерна утилитарная оценка: положительная или отрицательная, для труда – положительная этическая); 6) возможность абстрактных и персонифицированных употреблений (у труда есть, у работы нет)» [НОСС: 308-309].

3. Соотношение *труд* 2 и *работа* 2 демонстрирует явное сходство их семантических компонентов: *труд* 2 ‘дело, работа, занятие’ – *работа* 2 ‘занятие, труд, действие’. Между тем НОСС исключает отношения функционального тождества данных ЛСВ, поскольку «труд нельзя мыслить как конкретный процесс» [НОСС: 309].

4. Синонимия свойственна семемам *труд* 5 и *работа* 5 ‘произведение’. Различие проявляется в том, что «*работами* могут называться объекты разного рода (книги, картины, спектакли), *трудами* обычно называют достаточно большие научные сочинения» [НОСС: 310].

5. Остальные ЛСВ слов *труд* и *работа* семантически нетождественны, так как отражают разные аспекты труда. *Труд* тяготеет к вербализации смыслов, эксплицирующих самовыражение субъекта деятельности и моральный аспект ситуации,

в рамках которой эта деятельность имеет место; *работа* – характеризующих объект и содержание деятельности.

Таким образом, *труд* и *работа* объединяет значение ‘деятельности’, которое будет составлять основной предмет дальнейшего анализа. Следует сказать, что НОСС и другие словари синонимов не дают в качестве аналога данным словам слово *дело*. В связи с этим данное слово не включается в разряд слов, представляющих имя концепта, хотя оно как лексема-вербализатор культурных знаний о труде будет фигурировать.

Анализ словарных значений слова *труд* показал, что внутрисловная семантическая парадигма в разных толковых словарях русского языка описывается по-разному. Выделяется неодинаковое количество значений.

В СД: *труд* – это *работа, занятие, упражнение, дело; все, что требует усилий, старанья и заботы; всякое напряжение телесных и умственных сил; все, что утомляет. Последствие работы, старанья, напряжения, сделанная вещь. // Труд, црк. стар. болезнь, боль, боля, болесть, хворь, хворость, хвороба, недуг, недужина, немощь или немочь, немогута, скорбь, хиль, хилина, вообще нездоровье* [СД, IV: 436].

В словарной статье используется недискретная подача значений лексемы *труд*. Однако в структуре этого полисеманта нетрудно выделить отдельные ЛСВ: 1. ‘работа, занятие, упражнение, дело’. 2. ‘все, что требует усилий, старанья и заботы’. 3. ‘всякое напряжение телесных и умственных сил; все, что утомляет’. 4. ‘последствие работы, старанья, напряжения, сделанная вещь’. 5. ‘болезнь, боль, недуг, немощь’ [СД, IV: 436].

ПЕРВЫЙ ЛСВ в СД отражает конкретно-предметное понимание труда, выраженное семантическими компонентами ‘работа’, ‘занятие’, ‘упражнение’, ‘дело’. Это свидетельствует о первоначальном доминировании конкретных сем во внутрисловной семантической парадигме. Абстрактное значение, на которое указывает дейктический конкретизатор *все*, представлено в качестве **ВТОРОГО ЛСВ**. Труд понимается как ‘деятельность’, требующая усилий, старанья, заботы.

В **ТРЕТЬЕМ ЛСВ** труд выступает как состояние, явившееся результатом процесса некоей деятельности организма. Физические характеристики состояния фиксируются семами ‘напряжение’, ‘утомление’. Труд осмысливается также как состояние в **ПЯТОМ ЛСВ**. Семы ‘болезнь’, ‘боль’, ‘недуг’, ‘немощь’ отражают состояние физического несоответствия норме. Но, в отличие от третьего значения, где описывается обоб-

щенное неконкретное состояние, в данном случае следует говорить о гипертрофированном результате такого состояния. Модель переноса «процесс – его результат» указывает на перенос по смежности.

Метонимия имеет место и в **ЧЕТВЕРТОМ ЛСВ**, в котором *труд* – это «сделанная вещь».

Итак, в СД *труд* осмысливается и как деятельность: телесная и духовная, и как состояние (напряжение). При этом труд характеризуется тем, что ‘напрягает’, ‘утомляет’, ‘требует усилий’.

Семантическая структура значений лексемы *труд* в ТСУ, МАСе, СОШе повторяется.

В ТСУ: *Труд* 1. только ед. Целесообразная деятельность человека, работа, требующая умственного и физического напряжения. 2. Занятия, заботы. // мн. в знач. ед. Услуга (разг.). // Усилие, направленное к достижению чего-н. (книжн.). 3. Результат труда, произведение. 4. только мн. Название научных журналов, сборников (книжн.) [ТСУ, IV: 812].

МАС: *Труд* 1. Целенаправленная деятельность человека, требующая умственного или физического напряжения; работа. // обычно мн. ч. (труды, -ов). Повседневные занятия, хлопоты, заботы. // Энергия, затрачиваемая на производство чего-л. 2. Результат такой деятельности, произведение, сочинение. // мн. ч. (труды, -ов). В составе названий некоторых научных изданий. 3. Усилие, умственное или физическое, направленное на достижение чего-л. [МАС, IV: 417].

СОШ: *Труд* 1. Целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей. 2. Работа, занятие. 3. Усилие, направленное к достижению чего-н. 4. Результат деятельности, работы, произведение. 5. Привитие умения и навыков в какой-н. профессиональной, хозяйственной деятельности как предмет школьного преподавания [СОШ: 814].

В отличие от СД, значения этого слова четко разграничиваются, исчезает понимание труда как ‘нездоровья’. Намеченные в СД семантические сферы слова дифференцируются, изменяется иерархия значений. Например, в ТСУ меняются местами первый и второй лексико-семантические варианты:

- **А.** только ед. Целесообразная деятельность человека; работа, требующая умственного и физического напряжения; занятия, заботы [ТСУ, IV: 812].

Абстрактное значение становится первым. Оно включает в себя понимание труда как деятельности, осмысленной, многообразной, вбирающей в себя множество человеческих практик, требующих затраты сил. В данном случае 'деятельность', являясь идентификатором, содержит в себе наиболее общие признаки понятия, выраженного словом *труд*. Потому представляется возможным раскрытие семантического содержания первого ЛСВ слова *труд* через определение *деятельности*.

Различные определения *деятельности*, содержащиеся в разных лексикографических источниках, по существу весьма схожи. Их инвариант лучше всего выражает первый ЛСВ толкования МАСа: 1. Деятельность, работа, занятие, в какой-либо области. *Педагогическая деятельность. Общественная деятельность* [МАС, I: 395]. В словарной дефиниции объясняющий фрагмент представлен лексемами, образующими перечислительный ряд. Это семантическое множество активизирует весь участок парадигматически связанной лексики, и говорящему несложно продолжить соответствующий перечислительный ряд (дело, производство, функционирование...). Возможность включения в этот ряд большого количества элементов говорит о широте и нечеткости значения. Дейктический конкретизатор *какая-либо* тоже дает лишь общее представление о всех возможных областях деятельности.

Таким образом, понимание *труда* как деятельности имеет обобщенный характер. Оно включает различные виды человеческих практик, требующих затраты сил, энергии, физического и умственного напряжения. «Труд связан с потребностями людей в о о б щ е» – отмечают авторы Нового объяснительного словаря синонимов русского языка. Это свидетельствует о возможности абстрактных употреблений лексики *труд* [НОСС: 309].

Абстрактность значения подчеркивает помета *только ед.* в ТСУ. Д. Н. Шмелев пишет по этому поводу: «Многие существительные с отвлеченным значением не имеют форм *мн. ч.*; эти же существительные, выступая в более конкретном значении, одинаково возможны и в том и другом числе: ...*труд* (*умственный и физический труд*) и *труд* – *труды* (*печатный труд и печатные труды*)» [Шмелев 1977: 131].

Справедливость высказывания можно подтвердить, проанализировав второй ЛСВ лексики *труд* в ТСУ.

- Б. Занятия, заботы [ТСУ, IV: 812].

Словарное определение описывает сферу частного, индивидуального. Труд – это *дело* конкретного человека. Раскроем лексическое значение слова *дело*, обратившись к толковым словарям.

Дефиниция лексемы *дело* в ТСУ, МАСе, СОШе отражает ее многозначность, и, чтобы адекватно подойти к содержанию понятия *дело*, обратимся к анализу объяснительной и иллюстративной частей толкования.

Сочетаемость слова *дело* в иллюстративной части словарных статей показывает, что оно видится языковой личности в различных образах: а) человека, так как обладает половыми различиями (*мужское дело, женское дело*), способностью передвигаться (*спешное дело, дело идет*); б) предмета (*детали дела, материалы дела, бросить дело*); в) вещества (*масса дел, дела текут*); г) задачи (*легкое дело, трудное дело, решить дело*) и т. д. [СД I: 510; ТСУ, I: 680-682; МАС, I: 382-384; СОШ: 159].

Итак, все образы слова *дело* раскрывают социальные отношения, следовательно, *труд* в значении ‘дело’ представляет собой атрибут социальных отношений, мыслящийся предметно.

Рассматриваемое значение лексемы *труд* (в этом случае труд представляет собой *Singulare tantum*) следует отличать от формы *труды* в значении ‘услуга’, которое представляет собой третий ЛСВ в ТСУ:

- В. Мн. в знач. ед. Услуга (разг.) [ТСУ, IV: 812].

Конкретизация понятия способствовала употреблению слова во *мн. в знач. ед.*, что получило отражение лишь в разговорной речи (на это указывает помета *разговорное*). В словарях более позднего периода (МАС, БАС, СОШ) этот ЛСВ сливается со вторым значением (*труд* как ‘дело’, ‘работа’), но его проявления можно увидеть в иллюстрациях к толкованию. Например: *Дневные труды. Заплатить за труды* [СОШ: 814]. Как правило, категория числа позволяет отделить это значение от понимания труда как ‘усилия’.

В разных словарях (СД, ТСУ, МАС, СОШ) семема:

- Г. Усилие, направленное к достижению чего-нибудь (книж.) [ТСУ, IV: 812], занимает неодинаковое положение в иерархической структуре значения слова *труд* (в СД и СОШе – это третий ЛСВ, в ТСУ – четвертый, в МАСе – шестой). Сравнивая современные дефиниции с толкованием в словаре В. Даля, следует отметить произошедшее с течением времени переосмысление понятия. Сема ‘утомление’ в современ-

ных толкованиях отодвигается в глубины денотативного ядра слова *труд* и становится скрытой. Ее место занимает сема 'цель', представленная в выражении *направленное к достижению чего-нибудь*. Состояние физического напряжения, которое утомляет, становится осмысленным усилием, имеющим цель. Помета *книжное*, которая имеет место в ТСУ, в более новых словарях (МАС, СОШ) исчезает, что свидетельствует о приобретении семемой межстилевого статуса.

Признак 'целенаправленное усилие' представлен в составе семантических компонентов третьего ЛСВ в МАСе: Энергия, затрачиваемая на производство чего-либо [МАС, IV: 417]. Но в данном случае семантические множители 'энергия', 'производство чего-либо' описывают материально-производственную сферу (ср.: усилие 'всякое'). Конкретизация понятия, отраженного в толковании, позволила оформить данное значение в качестве отдельного ЛСВ.

В семантической структуре слова *труд* выделяется общий для словарей (СД, ТСУ, МАС, СОШ) ЛСВ –

- Д. Производство, сочинение.

Тенденция к конкретизации уже существующей дефиниции имеет место в ТСУ и МАСе. Например: *мн. ч.* В составе названий некоторых научных изданий [МАС, IV: 417]. В данном случае актуализации предметного характера называемого словом понятия способствуют, с одной стороны, категория множественного числа, с другой стороны, семантические компоненты 'издание', 'сборник'.

По данным толковых словарей (СД, ТСУ, МАС, СОШ) для слова *труд* новым является следующий ЛСВ:

- Е. Привитие умения и навыков в какой-нибудь профессиональной, хозяйственной деятельности как предмет школьного преподавания [СОШ: 814].

Данное значение предельно конкретно. Понимание труда как урока завершает логически обусловленное движение от широкого к более узкому значению слова.

В основе ЛСВ 'болезнь', 'произведение', 'название издания', 'урок' лежит «лексикализованная, или мертвая метонимия» [Раевская 2000: 52].

Итак, как показывают словарные материалы, в содержании лексической единицы *труд* с течением времени происходило акцентирование одних сем и, наоборот, затухание и исчезновение других, актуализация потенциальных сем и появление новых.

Представим обобщенную семантическую структуру слова *труд* по данным рассмотренных словарей (СД, ТСУ, МАС, СОШ) в таблице. По вертикали представлены семантические компоненты, образующие данный ЛСВ (семему).

Таблица 1

№ п/п	ЛСВ
1.	деятельность целесообразная требующая напряжения созидающая с помощью орудий производства
2.	дело (работа, занятие) повседневное конкретного лица
3.	услуга (мн. в знач. ед.)
4.	усилие (энергия) всякое затрачиваемое умственное/физическое на производство/к достижению чего-нибудь
5.	произведение результат труда издания, сборники научные
6.	предмет/дисциплина преподавание школьного
7.	болезнь

Словарные материалы «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» Апресяна Ю. Д., Богуславской О. Ю. и др. [1999] представляют следующие ЛСВ слова *труд*:

1) 'целенаправленная деятельность, требующая усилий и имеющая целью поддержание или улучшение условий жизни человека'; 2) 'усилие'; 3) 'результат работы, объект'; 4) 'хлопоты' (форма мн. ч. *труды*) [НОСС: 308-310]. В комментариях по поводу функционирования слова *труд* в речи отмечается большая частотность актуализации *труд I*. Разного рода контексты обуславливают наведение в данный ЛСВ следующих речевых семантических компонентов: 'потребность людей вообще', 'польза', 'усилие' *тяжелый < изнурительный > труд* (Но «во фразах типа *Он вложил в это много труда* употребление слова *труд* сближается с другим его значением – 'усилие'»), 'большой масштаб', 'творчество', 'этическая значимость' *труд художника <металлурга>, самоотверженный < благородный, советск. ударный > труд, труд облагораживает, 'созидание' труд врача <учителя> тяжелый, но благородный, 'самовыражение субъекта деятельности' ср. неправильное *дать кому-л. труд* [НОСС: 308-311].*

Отмечается, что при переходе семы 'усилие' из разряда периферийных в ядерные происходит синкретизация значений 'деятельность' и 'усилие' в речевом употреблении.

Лексико-семантический вариант 'усилие' встречается в нескольких устойчивых выражениях и «может обозначать только усилия, без идеи целенаправленной полезной деятельности. Ср. *Он говорил <глотал> с трудом; Я без труда обо всем догадался; Не сочтите за труд сделать это*» [НОСС: 310].

Форма *труды* в значении 'хлопоты, услуга', по данным НОСС, употребляется также в устойчивых сочетаниях. Ср. *(Спасибо) за труды, (А вы все) в трудах, отдохнуть от <после> трудов (праведных), чьими-л. трудами (что-л. создано), столько трудов, все труды (пропали даром)* [НОСС: 311].

Приведенные словарные статьи позволяют сделать вывод о неослабевании лексикографического внимания к *туду*, что, в свою очередь, свидетельствует о неравнодушии культуры к концепту «труд». Характерно, что в вербальной картине мира в фокусе внимания индивида оказывается *труд I* 'деятельность'. Осмысление языковым сознанием данного лексико-семантического варианта способствует расширению его системного значения за счет следующих актуальных сем, обобщенных в таблице.

Таблица 2

системные семы	актуальные семы
----------------	-----------------

деятельность	потребность людей вообще
целесообразная	польза
требующая напряжения	этическая значимость
созидающая	самоотверженность субъекта
с помощью орудий производства	единение субъектов
	творчество
	гигантизм
	результат труда
	в условиях коммунизма/социализма
	возможность трудиться

Появление у *труд 1* столь большого количества актуальных сем свидетельствует о стремлении языкового коллектива углубить знания о труде. В то же время, сведение к минимуму контекстов употребления *труд 3* ‘услуга’, *труд 4* ‘усилие’, *труд 5* ‘произведение’ указывает на смену ценностной парадигмы, влияющей на процессы концептуализации. Языковое сознание перестает интересоваться *труд* как явление, принадлежащее частной жизни людей. Этот процесс завершают отсутствие контекстной актуализации *труд 2* ‘дело’, *труд 6* ‘дисциплина’ и уход в пассивный запас *труд 7* ‘болезнь’, что является следствием неактуальности «репрезентированных ими смыслов для лингвокультурной общности» [Токарев 2003: 29].

Осмысление понятия *работа* языковым сознанием тяготеет к вербализации смыслов, структурирующих обыденную картину мира. В СД *работа*: 1. труд, занятие, дело, упражнение, деланье; 2. црк. рабство, или состоянье в рабстве; 3. самое дело, вещь, что сработано; 4. качество ея, по отделке; 5. где не нужно знание и умение, а труд и силы [СД, IV: 5-6].

В соответствии со структурой словарной статьи можно выделить ядерные семы каждого ЛСВ: 1) ‘деланье’, 2) ‘рабство’, 3) ‘результативность’, 4) ‘качество вещи’, 5) ‘усилие’. Семантическое пространство субстантива очерчено производственной сферой труда. Словарь фиксирует еще один путь осмысления данного понятия, которое включает понимание работы как чего-либо принудительного, лишаящего свободы.

Иерархия и содержание значений с течением времени претерпевают значительные изменения. Появление новых значений и уход старых зафиксировано словарями ТСУ, МАС, СОШ.

В ТСУ *Работа* 1. только ед. *Действие по значению глагола работать*. 2. только мн. *Производственные операции по созданию, сооружению, изготовлению, обработке чего-н.* 3. только мн. *Употребляется в названиях форм принудительного труда с карательной или воспитательной целью*. 4. только ед. *Служба, занятие, дело как источник заработка*. 5. *Материал, подвергающийся обработке, находящийся в процессе изготовления*. 6. *То, что сделано, изготовлено, произведение какого-н. труда, готовая продукция*. 7. *Литературное произведение на научную тему* [ТСУ, III: 1097].

МАС и СОШ демонстрируют словарные статьи слова *работа* практически аналогичные данной.

МАС: *Работа* 1. *Действие по значению глагола работать; действие, занятие, труд*. 2. мн. ч.; с определением. *Та или иная деятельность по созданию, изготовлению, обработке чего-л.* 3. *Принудительный труд как мера наказания, воздействия*. 4. *Служба, занятие, труд на каком-л. предприятии, в каком-л. учреждении*. 5. *То, что подлежит обработке, находится в процессе изготовления*. 6. *Продукт труда, изделие, произведение*. 7. с определением. *Качество или какой-л. способ, манера исполнения, изготовления* [МАС, III: 771].

СОШ: *Работа* 1. *Вообще нахождение в действии*. 2. *Занятие, труд, деятельность*. 3. *Служба, занятие как источник заработка*. 4. мн. ч. *Производственная деятельность по созданию, обработке чего-н.* 5. *Продукт труда, готовое изделие*. 6. *Материал, подлежащий обработке, находящийся в процессе изготовления*. 7. *Качество, способ исполнения* [СОШ: 637].

Обращают внимание следующие особенности:

1. В словарях XX в. слово *работа* приобретает новое абстрактное значение ‘действие вообще’. В ТСУ оно дано с пометой *только ед.*, что накладывает ограничения на возможность конкретизации. Появление абстрактной семемы обусловлено, по всей видимости, требованиями нового образа жизни советского человека, который пытался соотнести новое содержание, привнесенное идеологией почти в каждое явление действительности, и старое слово. Иллюстрация словарной статьи отражает регламентированное употребление слова *работа* в тоталитарном обществе: *Граждане*

СССР имеют право на труд, то-есть право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством. Конституция СССР [ТСУ, III: 1097]. Идеологические коннотации органично входят в абстрактный лексико-семантический вариант, поскольку он обладает «низкой семантической плотностью», т. е. является семантически «разреженным» [Чернейко 2003: 289].

2. Конкретное значение ‘деланье’, данное в СД в качестве ЛСВ 1, в ТСУ, МАС, СОШ детализируется путем образования новых семем. Следует отметить, что значение ‘деланье’ не фиксируется ТСУ в виде отдельного ЛСВ, а отражается косвенно, через значения, репрезентирующие разные стороны процесса трудовой деятельности: ‘производственный процесс’ – ЛСВ 2; ‘источник заработка’ – ЛСВ 4; ‘материал для производственного процесса’ – ЛСВ 5. Расширение объема смысловой структуры слова эксплицирует возросшую роль данного понятия в жизни языкового коллектива.

МАС, СОШ вновь фиксируют значение ‘деланье’. В МАСе оно объединено в семему с абстрактной семой ‘действие вообще’: 1. Действие по значению глагола работать; деятельность, занятие, труд [МАС, III: 771]. Напротив, в СОШе данное значение представлено в качестве отдельного: 2. Занятие, труд, действие [СОШ: 637].

Возвращение в актив значения ‘деланье’ концептуализирует *работу* именно как ‘повседневную деятельность человека, связанную с изготовлением чего-л.’. Этот семантический компонент релевантен при разграничении слов *труд* и *работа*, которые склонны к функциональной эквивалентности в абстрактном значении ‘деятельность вообще’.

3. Сема ‘принуждение’, составляющая основу *работы* 3 в СД, получает идеологическое переосмысление соответственно советской эпохе. В ТСУ и МАСе она приобретает новую вербальную реализацию в ЛСВ 3 ‘форма принудительного труда’. Словари в качестве иллюстрации предлагают контексты: «Принудительные работы. Каторжные работы» [ТСУ, III: 1097]; «Исправительно-трудовые работы» [МАС, III: 771]. Сочетания манифестируют *работу* 3 как отрицательно оцениваемый объект номинации. Данное значение является маркером советского времени, потому, вероятно, СОШ его не фиксирует.

4. Характерным показателем переосмысления концептуальной ценности работы в конце XX в. является изменение иерархии значений в СОШе. Среди значений, производных от *работы* 2 (‘деланье’: ‘производственный процесс’, ‘форма принудитель-

ного труда', 'источник заработка', 'материал для производственного процесса', 'результат производственного процесса') концептуально значимым становится значение 'источник заработка', поскольку оно начинает занимать иерархически более высокое положение, чем прежде (в ТСУ, МАСе это ЛСВ 4, в СОШ – ЛСВ 3). Финансовое вознаграждение для языкового сознания конца XX в. особо релевантно.

Культурные аспекты интерпретации труда через понятие *работа* объективируют изменение когнитивной стратегии лексикографов: от интерпретации работы как повседневной деятельности человека, связанной с изготовлением чего-либо, включающей в себя различные стороны производственной практики человека и сопровождаемой иногда принуждением, к деятельности, осуществляемой ради финансового вознаграждения.

Представим обобщенную структуру слова *работа* по данным рассмотренных словарей (СД, ТСУ, МАС, СОШ).

Таблица 3

№ п/п	ЛСВ
1.	действие вообще
2.	занятие, труд, действие
3.	труд принудительный, воздействующий
4.	источник заработка от выполняемых действий
5.	деятельность производственная по созданию, обработке, изготовлению чего-нибудь
6.	материал подвергающийся обработке находящийся в процессе изготовления

7.	продукт труда
8.	качество, способ, манера изготовления
9.	рабство
10.	усилие

Различие семантики *труда* и *работы* поддерживается и словообразовательными потенциями.

Ценностный аспект культурной информации концепта «труд» манифестируется словообразовательными гнездами «Трудиться», «Работать», «Делать». Их подробный анализ проделан в докторской диссертации В. Г. Токарева «Теоретические проблемы вербализации концепта «труд» в русском языке» и представлены в автореферате [см.: Токарев 2003: 34-36]. Принимая во внимание теоретические выводы, сделанные В. Г. Токаревым, отметим наиболее частотные словообразовательные значения дериватов, необходимые для дальнейшего анализа.

С точки зрения деривационной семантики среди производных глаголов *трудиться* и *работать* наиболее частотны следующие словообразовательные значения:

‘лицо, выполняющее действие, названное в производящей основе’:

«Трудиться» – 13 дериватов;

«Работать» – 41 дериват;

‘относящийся к действию, названному в производящей основе’:

«Трудиться» – 11 дериватов;

«Работать» – 15 дериватов;

‘отдельные характеристики действия, названные в производящей основе’:

«Трудиться» – 10 дериватов;

«Работать» – 20 дериватов;

‘сфера приложимости действия, названного в производящей основе’:

«Трудиться» – 8 дериватов;

«Работать» – 12 дериватов [Тихонов 1990, II: 5-7; 264-265].

Слово *работать* характеризуется большим словообразовательным потенциалом, о чем свидетельствует количество его дериватов.

С точки зрения лексической семантики анализируемые производные образуют хорошо структурируемые, значительные по объему ЛСГ:

1. Это ЛСГ имен со значением лица, осуществляющего действие. В нее входят лексемы, номинирующие лицо по выполняемому им действию и являющиеся в большинстве синонимами. Слова «отражают оценку человека с точки зрения отношения к труду, включенности в трудовой процесс» [Токарев 2003: 34] (*трудолюбец, сотрудник, трудяга, труженик* и т. д.). Однако для словообразовательной парадигмы *рабочий* характерна дифференциация по сферам приложимости действия (*работник, культработник, разнорабочий, чернорабочий, медработник* и т. д.).

2. Вторая значительная по объему ЛСГ, образуемая дериватами глаголов *трудиться* и *работать*, это глаголы, характеризующие различные варианты действия. Для словообразовательной парадигмы *трудиться* характерны глагольные префиксы, актуализирующие значения: длительно-интенсивного способа действия («на-», «пере-», «у-»), финитивного («от-»), ограничительного («по-»). Семантика глаголов отражает преимущественно интенсифицирующий аспект осмысления труда языковым созданием.

Дериваты словообразовательной парадигмы *работать* образуются при помощи префиксов, обладающих значением: финитивного способа действия («до-», «от-»), длительно-интенсивного («из-», «в-», «пере-», «на-»), ограничительного («по-», «при-»), сопроводительного («под-»), длительно-ограничительного («про-»), результата действия («вы-», «об-», «с-», «за-»). Семантика подавляющего большинства рассматриваемых глаголов отражает не только интенсифицирующий аспект труда, но и эксплицирует такие концептуальные составляющие, как временная протяженность действия, его результат и поощрение за осуществленное действие.

Данные ЛСГ образованы по одинаковым семантическим моделям. Тем не менее, внутри групп у дериватов слов *трудиться* и *работать* наблюдаются смысловые различия, что свидетельствует о нетождественности производящих слов.

Н. А. Купина указывает, что «толкование слов может стать источником несобственно лингвистической информации – культурологической, в том числе идеологической» [Купина 1995: 7]. Эта информация распределяется в словарных статьях разнообразно. Иногда она становится частью денотативного значения, входит в него, в других случаях она может вводиться в толкование через контексты употребления. По-

сколькo анализ денотативных значений не выявил каких-либо культурологических наслоений, обратимся к анализу иллюстраций в словарных статьях. Он необходим, так как словарное (языковое) значение представляет собой инвариант, реализующийся во множестве вариантов в конкретном речевом употреблении.

Указывая на актуальность коммуникативных значений для лексикографии, Г. Н. Складревская пишет о том, что «условия и формы функционирования слова в типовых актах речи позволяют дать более полное и адекватное языковой действительности представление о содержании лексического значения и его структуре» [Складревская 1995: 68].

По данным словарей (СД, СОШ) в русском этническом сознании существует ценностный концепт «труд» [Еремина 2003, Токарев 2003]. Он находит своеобразное представление в поговорках. Труд в подавляющем числе поговорок представлен как положительное начало, то есть явно осознается как общечеловеческая утилитарно-практическая ценность. Данное значение имеет место в следующих примерах: *Человек рожден на труд. Без труда нет добра. Труд кормит и одевает. Терпенье и труд все перетрут. Трудом сыты, а хоть и с трудом, а пьяны, едва, насилу. Труд человека кормит, а лень портит. Для родимаго и труд не в труд. Бесплезный труд не послуга* [СД, IV: 436]. *Без труда не выловишь и рыбку из пруда* [СОШ: 814].

Основной мотив – польза для людей. Труд рассматривается как внутренняя благородная потребность человека. И в этом отношении труд противопоставлен деятельности, которая бесполезна или вредна: *бесплезный труд, пьянство, лень*.

На образном уровне для характеристики труда они помогают нарисовать портреты труженика и бездельника. Труженик наделяется положительными этическими качествами: бескорыстие, терпенье и т. д. Образ бездельника представлен в поговорках: *Лень с труда сбила. Белые ручки чужие труды любят* [СД, IV: 436]. Народное сознание наделяет бездельника отрицательными качествами: корысть, несправедная жизнь/путь (этот смысл имплицитно представлен предикатом *сбила*).

Труд, как и любая другая деятельность, оценивается по результату. В поговорках плодами труда являются *добро, пища, одежда*. Однако труд не приносит человеку богатства: *От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь. От трудов праведных не наживешь палат каменных* [СД, IV: 436]. Труд наделяется низким статусом, поскольку

ку имплицитно созданная ситуация бедности подчеркивает напрасность усилий тружеников.

В СД паремия *Бог труда любит* эксплицирует религиозный дискурс, который определяет сценарий поведения. Христианская таксономия трудовой деятельности по своему обозначает ее функции: богатство, материальные блага – грех; труд необходим для спасения души. Именно он приближает человека к богу и является одним из многих путей единения с богом.

Итак, языковую основу концепта «труд» образовали следующие значения: труд как процесс, требующий усилий, труд и его результат или следствие.

Словари (ТСУ, СОШ), иллюстрируя употребление слова *труд*, рекомендуют контексты идеологического характера: *В СССР осуществляется принцип социализма: «От каждого – по его способностям, каждому – по его труду»*. История ВКП(б). ...Уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим можно добиться лишь на базе подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда. Сталин. Социализм и труд неотделимы друг от друга. Сталин [ТСУ, IV: 812]. *Право на труд. Люди труда* (трудящиеся; высок.) [СОШ: 814].

Отсылка к источнику высказывания, упоминание имени вождя: *История ВКП(б), Сталин* – демонстрируют идеологическую ориентированность контекстов. Труд употребляется для выделения морального аспекта ситуации, когда важен не внешний результат, а внутренний долг или потребность личности. Авторы «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» отмечают, что в советском идеологическом клише *От каждого – по его способностям, каждому – по его труду* языковые ЛСВ не получают репрезентации. «Слово *труд* изначально было употреблено неточно, поскольку имелся в виду скорее конечный результат деятельности, чем усилия» [НОСС: 310].

Обращает внимание помета *высок.* в приложении к сочетанию *люди труда*. Изначально нейтральное выражение приобретает в речевом употреблении признаки высокого слова, что получает закрепление в словаре. По словам И. Т. Вепревой, «ощущение высокого стиля задано канонами советской идеологии, предполагающей сакрализацию известных, социально значимых понятий из сферы высоких чувств и принципов» [Вепрева 2002: 164].

Таким принципом выступает причастность каждого человека к труду, трудолюбие. Привлечение к труду было актуальной целью советской пропаганды. Речь идет о том, чтобы с помощью дальнейших трудовых усилий усовершенствовать себя и общество. Это значит, что сама задача достаточно сложна. Легко агитировать за приобретение материального блага, но трудно – за трудовое усилие. Изменение отношения индивида к труду осуществляется посредством внесения слова в сферу идеологически значимых явлений.

Анализ реальных словоупотреблений слова *труд* в языке осуществлен в «Толковом словаре языка Совдепии» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной, «Толковом словаре русского языка конца XX в.» под редакцией Г. Н. Складневской. Словари ставят «своей целью отразить языковое сознание носителей русского языка на переломе общественной жизни, в период экономических, социальных и политических катаклизмов» [Складневская 1996: 467].

ТСЯС представляет описание функционирования слова *труд* в советскую эпоху. В словарной статье предлагается одна дефиниция *труда* – *созидательная деятельность человека* [ТСЯС: 609]. Осмысление языковым коллективом всех нюансов значения данного слова приводится на примере его сочетаемости с различными прилагательными: *освобожденный, победивший, беззаветный (благородный, вдохновенный, самоотверженный, упорный, ударный, честный), созидательный, общественно-полезный, мирный, социалистический, коммунистический* [ТСЯС: 609-610]. Круг предикатов *труда* формируется в соответствии с задачей идеологии: представить труд как одну из главных форм жизни в государстве, основанном на принципах социализма, коммунизма. В соответствии с этой задачей осуществляется отбор прилагательных, итоговое количество которых по данным контекстов сравнительно невелико и достаточно стабильно.

Словосочетания слова *труд* с этими прилагательными развивают устойчивые смыслы, которые расширяют его коммуникативное значение за счет сем: 'победа', 'самоотверженность', 'созидание', 'польза', 'исполненный дружбы/согласия', 'в условиях социализма'. Положительные идеологические коннотации, присущие каждому из атрибутивных сопроводителей труда, объединяют их в общий блок характеристик *коммунистического труда*. По этому поводу Л. О. Чернейко пишет: «Имена явлений объединяются в нашем сознании на том основании, что объединяются воспринимаемые вещи, стоящие за этими именами» [Чернейко 1999:

маемые вещи, стоящие за этими именами» [Чернейко 1999: 448]. В данном случае роль объединяющей основы выполняет мелиоративная идеологическая оценка *труда*, создающая вокруг него ореол особой политической и социальной значимости.

В ТСС актуальное значение слова *труд* представлено через его сочетаемостные возможности: *Биржа труда. Богословские труды. Бригада коммунистического труда. Внешнеэкономическое принуждение (побуждение) к труду. Коллектив коммунистического труда. Ударник коммунистического труда. Минимальный размер оплаты труда* [ТСС: 639].

Представленные выражения актуализируют два языковых ЛСВ *труд*: ‘деятельность’ (*труд 1*) и ‘произведение’ (*труд 5*), которое имеет место в сочетании *богословские труды*. Контексты со словом *труд 1* (‘деятельность’) отражают две сферы жизни общества: идеологическую и экономическую. Идеологическое осмысление труда ограничивается сочетанием *коммунистический труд* – ‘деятельность в условиях коммунизма’, – что обусловлено, по всей видимости, активными процессами деидеологизации общественной жизни общества в к. XX в.

В выражениях *внешнеэкономическое принуждение к труду, минимальный размер оплаты труда, биржа труда* (вновь вошедшее в актив в посттоталитарную эпоху) при описании экономической сферы жизни общества в фокусе внимания оказывается производственная сторона труда. Вследствие этого актуализируются семантические компоненты ‘экономический фактор’, ‘результат’, ‘рабочая сила’, ‘возможность трудиться’.

Таким образом, в иллюстративной части словарных статей *труд* осмысляется этнокультурно и идеологически.

а). Этнокультурное понимание труда представляет его как процесс, требующий усилий, при этом его желательность/нежелательность зависит от представленных результатов. Труд желателен как явление, дающее пищу и одежду, но нежелателен как явление, требующее усилий и не приносящее в итоге богатства.

б). Идеологические контексты актуализируют многочисленные идеологически окрашенные смыслы ‘внутренний долг’, ‘потребность личности’, ‘в условиях коммунизма/социализма’ и т. д. Контекст переводит труд в сферу идеологически значимых и мифологизируемых понятий.

Выводы по главе

1. Концепт является многомерной культурно значимой мыслительной сущностью. Понятие и лексическое значение в сопоставлении с концептом предстают разными стадиями его развития. В понятиях аккумулируется общественно-историческая практика людей, в них подытоживаются знания, накопленные за известный период. Понятие представляет собой конъюнкцию признаков, которые лежат в основе лексического значения слова. Именно эти признаки манифестированы словарной дефиницией. Такое понимание соотношения значения и понятия является следствием структурного подхода к языку и к слову, в частности. Дифференциальная модель значения слова-имени концепта, являющаяся «когнитивной моделью», составляет ядро концепта, зафиксированное в системе языка. Значение своими системными семами передает всего лишь часть содержания концепта, концепт же эксплицируется во множестве лексических единиц. Лексическое значение соотносится с понятием, но им не исчерпывается, поскольку вбирает в себя большое количество коннотаций (оценочных, идеологических, культурных и др.) и ассоциаций, которые фиксирует языковое сознание. Такое понимание лексического значения соответствует интегральной модели значения, характеризующейся нелимитируемостью содержания. Однако даже при таком широком подходе лексическое значение оказывается уже концепта, поскольку последний содержит интерпретационное поле, представляющее собой совокупность признаков, обусловленных национально-культурной спецификой сознания носителей языка.

2. Содержание идеологической составляющей концепта отражает официальную идеологию и формируется через средства массовой информации. Этот компонент базируется на идеологической оценке, в качестве классификационных критериев которой может быть выбрана оппозиция «выгодно – невыгодно» данному классу. Идеологическая составляющая концепта крайне нестабильна. Склонность к трансформации обусловлена, с одной стороны, сменой приоритетов, осуществляемой в рамках господствующей идеологии, с другой стороны, политическими переворотами, реформами, которые влекут смену правящей власти и способны полностью изменить шкалу оценок.

3. Именем концепта «труд» являются слова *труд* и *работа*. Иерархия ЛСВ слова *труд* в структуре словарных статей дана в соответствии с движением от абстракт-

ного понимания труда к более конкретному. Культурные аспекты интерпретации труда через понятие '*работа*' объективируют изменение когнитивной стратегии лексикографов: от интерпретации работы как повседневной деятельности человека, связанной с изготовлением чего-либо, включающей в себя различные стороны производственной практики человека и сопровождаемой иногда принуждением, к деятельности, осуществляемой ради финансового вознаграждения. Слова *труд*, *работа* синонимичны только в значении 'деятельность вообще'. Однако в этом ЛСВ их семантика не лишена некоторых различий: труд более творческая и этически значимая деятельность, чем работа; в труде на первом плане оказываются усилия, в работе – результат; для труда характерна положительная этическая оценка, для работы – положительная либо отрицательная утилитарная; в труде на первом плане выступают затрачиваемые усилия, в работе – результат; в труде масштаб задач больше, чем в работе; труд не способен разворачиваться во времени. ЛСВ 'деятельность вообще' является нейтральным в системе языка и не имеет идеологических коннотаций. В реальном речевом существовании он утрачивает нейтральность за счет коннотаций, отражающих идеологические ценности. К идеологизации семемы 'деятельность вообще' мы обратимся во второй главе.

4. Ядро концепта «труд» составляют признаки: 'деятельность', 'целесообразная', 'требующая напряжения', 'созидающая', 'с помощью орудий производства'.

Глава II. Отражение содержательной специфики концепта «труд» в текстах газеты «Магнитогорский рабочий»

Каждое слово накапливает и сохраняет знание об окружающем мире [см. Верещагин, Костомаров 1980]. Это знание отражает результаты направления общественного познания на разные стороны предмета, в разных условиях его существования и взаимодействия с другими предметами. Все эти познанные человеком стороны, признаки входят в значение слова в виде сем [Стернин 1985: 30].

В речи актуализируются не все компоненты значения, а лишь те, которые необходимы для реализации коммуникативной задачи говорящего. Одну из возможных актуализаций значения слова в конкретном коммуникативном акте, которая подчинена коммуникативной задаче представляет «актуальный смысл слова» [Стернин 1985: 100]. Он образуется как результат семных процессов, среди которых выделяются актуализация семы и наведение семы.

«Актуализация семы есть коммуникативно обусловленное выделение семы в структуре значения, приводящее к восприятию ее участниками акта общения как коммуникативно релевантной и входящей в актуальный смысл слова» [Стернин 1985: 107]. «Наведение семы – процесс коммуникативного внесения семы в значение. Наводятся семы, отсутствующие в семном значении слова» [Стернин 1985: 118].

Процессы актуализации и последующего наведения семы во многом обусловлены контекстом, в котором слово оказывается.

Контекстуальные условия разграничиваются на лингвистический контекст, когда указание исходит от языковых элементов и их отношений, и экстралингвистический, под который можно подвести различные формы речевой ситуации. К последнему причисляются реальная ситуация речевого акта, сообщаемая ситуация и текст. По словам А. А. Уфимцевой, лингвистический контекст, как правило, называют узким, словесным контекстом, экстралингвистический – широким, бытовым [Уфимцева 1968: 220]. Мы придерживаемся широкого понимания контекста.

Контекст активно влияет на семантическую реализацию лексической единицы. Различные речевые контексты реализуют разные возможности семантики слова, заложенные в слове в системе языка [Стернин 1985: 106].

За счет семных процессов (актуализации и наведения семы), которые происходят под влиянием контекста, в значение слова могут наводиться различные прагматические семы, в частности, идеологические.

На материале газеты «Магнитогорский рабочий» (далее МР), мы намерены выявить идеологизированные смыслы концепта «труд», которые формируются в результате объединения актуальных идеологически окрашенных сем в политизированных контекстах.

Содержание концепта «труд» во многом обусловлено состоянием государства. Исследование концепта позволяет воссоздать динамику психологического состояния общества в определенные периоды времени, ценностные ориентиры и концептуальное видение носителей языка. Представляется целесообразным обращение к социально-политическим факторам, реформам, экономическим преобразованиям, имеющим место в государстве с 1933 по 2002 гг.

Л. П. Крысин утверждает, что, «к сожалению, пока не сложилась традиция конкретного анализа социальных условий языковых изменений. Часто делаются самые общие утверждения... о явлениях, определенным образом влияющих на характер изменений в языке, и такие общие утверждения считаются вполне достаточными» [Крысин 1989: 80]. Поэтому общую картину социального контекста истории опишем, опираясь на архивные исторические документы. В некоторой степени это позволяет избежать субъективности в трактовке событий, которые в современной действительности получили неоднозначную оценку.

В качестве инновационных исторических периодов, определивших развитие концептуальной деятельности языкового сознания, выделяются:

- 1933-1940 гг. (1933 – первый год архивного хранения газеты);
- 1941-1945 гг. (период Великой Отечественной войны);
- 1960-1970 гг. (период так называемого «развитого социализма»);
- 1980 гг. (последние годы существования СССР и образование СНГ)
- 1990-2002 гг. (переход к демократической системе правления и образование Российской Федерации).

Не рассматривается послевоенный период (1945-1959 гг.), поскольку текстовые источники репрезентируют отсутствие активной концептуальной деятельности языкового сознания. Это, вероятно, обусловлено социокультурной ситуацией: трудностями

послевоенного восстановительного периода, духовной опустошенностью нации, разрухой народного хозяйства.

Для официальной идеологии труд – явление очень важное, поскольку на нем базируются понятия о классовом разделении общества, эксплуатации, социальной несправедливости и др. *Труд* квалифицируется газетой МР как деятельность, осуществляемая в социалистическом, либо в капиталистическом обществе. В данном аспекте основополагающей служит культурная оппозиция «свой – чужой», так как, по мнению Е. И. Шейгал, все ценностные противопоставления существуют не абсолютно, а относительно, как бы в «отфильтрованном» виде, пропущенные сквозь фильтр этой оппозиции [Шейгал 2000: 126]. Она, оказываясь преобладающей в текстах газет советского периода, определяет семантическую структуру слов, попадающих в сферу ее влияния. Употребление какого-либо слова в контексте данной оппозиции приводит к закреплению за ней определенной идеологической направленности. В связи с этим лексическая единица превращается в своеобразный конденсат идеологических установок.

В газетных контекстах в слове *труд* происходит актуализация семантических смыслов с положительным или отрицательным знаком оценки труда как 'деятельности', при этом знак оценки обусловлен ее принадлежностью к идеологической оппозиции «наш – не наш». Так, *труд социалистический* получает положительную оценку, а *труд при капитализме* – отрицательную. Оппозиция в соответствии со своей структурой определяет двуполюсную структуру коммуникативного значения лексемы *труд*. Эта двуполюсная структура сохраняется вплоть до 2002 г. При этом наблюдаются следующие особенности:

1. Активная разработка концептуальных смыслов *труда при капитализме* наблюдается только в 1933-1940 гг. В последующие периоды (1941-1945, 1960-1970, 1980-1990) это понятие не обогащается какими-либо новыми признаками. Более того, в газетах периода 1990-2002 гг. *труд при капитализме* не получает репрезентации.

2. Склонность идеологии к трансформации отражается на коммуникативном значении *труда социалистического*, репрезентированного контекстами II половины 1980-х гг. Область «своего» распадается на два полюса в соответствии с отрицательной и положительной оценкой *социалистического*.

3. Период 1990-2002 гг. характеризуется двуполюсной структурой коммуникативного значения *труда*. Но в отличие от предыдущих периодов, в данном случае, оп-

позиция «свой – чужой» лежит в основе *труда при демократической системе и труда социалистического*. Переосмысление тоталитарного прошлого государства, по всей видимости, послужило причиной отнесения *труда социалистического* к области «чужого».

Часть 1. Витки идеологизации концепта «труд» в газете «Магнитогорский рабочий»

2.1.1. Смысловые составляющие концепта «труд» в газете «Магнитогорский рабочий» (1933-1940 гг.)

Охарактеризуем кратко **социально-политические условия**, оказавшие влияние на идеологизацию концепта «труд».

В январе 1933 г. на пленуме ЦК и ЦКК были подведены итоги первой пятилетки, которую страна закончила раньше срока. Резолюция пленума содержала следующие положения: *Растущий подъем промышленности в СССР при наличии кризиса и упадка промышленности в капиталистических странах. Растущий подъем сельского хозяйства в СССР при наличии кризиса и упадка сельского хозяйства в капиталистических странах. Уничтожение безработицы и рост жизненного уровня трудящихся в СССР при наличии небывалого роста безработицы и падения жизненного уровня трудящихся в капиталистических странах* и т. д. [Итоги первой пятилетки... 1953: 718-723].

Начало 1934 г. – XVII съезд партии. Он вошел в историю как *съезд победителей*. На съезде было объявлено о том, что победила политика индустриализации страны, политика сплошной коллективизации сельского хозяйства, ликвидации кулачества как класса; о том, что социалистический уклад стал безраздельно господствующей силой во всем народном хозяйстве, а все остальные уклады пошли ко дну. По докладам В. М. Молотова и В. В. Куйбышева съезд единогласно утвердил резолюцию «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933-1937)», в которой отмечались коренные преобразования, происшедшие в СССР в результате решающих успехов партии: *Рабочий и колхозник получили полную уверенность в завтрашнем дне, и лишь от качества и количества затрачиваемого ими труда зависит все большее повышение материального и культурного уровня их жизни. Для трудящегося в СССР исчезла угроза безработицы, нищеты и голода. Уверенно и радостно*

смотрит каждый рабочий и колхозник на свое будущее, предъявляя все более повышенные требования к знанию и культуре [О втором пятилетнем плане... 1953: 745].

В 1935 г. трудовой энтузиазм рабочего класса объявлен одним из условий строительства социализма в СССР. Так появилось Стахановское движение. Начавшись в Донбассе, в угольной промышленности, оно с невероятной быстротой охватило всю страну, все отрасли народного хозяйства. Пленум ЦК ВКП(б), проходивший в Москве 21-25 декабря 1935 г., постановил: *Стахановское движение означает организацию труда по-новому, рационализацию технологических процессов, правильное разделение труда в производстве, освобождение квалифицированных рабочих от второстепенной подготовительной работы, лучшую организацию рабочего места, обеспечение быстрого роста производительности труда, обеспечение значительного роста заработной платы рабочих и служащих [Вопросы промышленности и транспорта... 1953: 811].*

Выступая в ноябре 1935 г. на первом Всесоюзном совещании стахановцев, Сталин говорил, что *стахановское движение выражает новый подъем социалистического соревнования, новый, высший этап социалистического соревнования... Значение стахановского движения состоит в том, что оно является таким движением, которое ломает старые технические нормы, как недостаточные, перекрывает в целом ряде случаев производительность труда передовых капиталистических стран и открывает, таким образом, практическую возможность дальнейшего укрепления социализма в нашей стране, возможность превращения нашей страны в наиболее зажиточную страну [Александров и др. 1949: 153].*

Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом Советов 5 декабря 1936 г. была утверждена Конституция СССР, которая обеспечивала всем гражданам СССР право на труд, на отдых, на образование, на материальное обеспечение в старости в случае болезни и потери трудоспособности [Новейшая история... 1998: 110].

Вторая сталинская пятилетка по промышленности была выполнена к апрелю 1937 г., досрочно – в четыре года и три месяца. Согласно постановлениям и резолюциям ВКП(б) в стране продолжался неуклонный рост промышленности и сельского хозяйства, была создана мощная экономическая база для активной обороны [О мерах по улучшению... 1953: 838].

В этом же году по стране прокатилась волна репрессий. Тенденциозные материалы советского периода отмечают: *Партией были вскрыты новые данные об извергах из бухаринско-троцкистской банды шпионов, вредителей, убийц, состоявших на службе у разведок капиталистических государств. Советский суд раскрыл злодеяния троцкистско-бухаринских извергов и приговорил их к расстрелу. Советский народ одобрил разгром троцкистско-бухаринской банды и перешел к очередным делам – к подготовке выборов в Верховный Совет СССР* [Александров и др. 1949: 160].

12 декабря 1937 г. состоялись выборы: из 91 миллиона избирателей 90 миллионов человек своим единодушным голосованием за кандидатов блока коммунистов подтвердили победу социализма. Это был триумф ленинско-сталинского руководства партии [Новейшая история... 1998: 112].

Состоявшийся в марте 1939 г. XVIII съезд партии объявил: ... *классовые грани между трудящимися СССР стираются, падают и стираются экономические и политические противоречия между рабочими, крестьянами и интеллигенцией. Создалась основа морально-политического единства советского общества* [Изменения в Уставе ВКП(б) 1953: 910]. В своем докладе Сталин говорил: *Главный итог состоит в том, что рабочий класс нашей страны, уничтожив эксплуатацию человека человеком и утвердив социалистический строй, доказал всему миру правоту своего дела* [Александров и др. 1949: 170].

20 декабря 1939 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР И. В. Сталину в связи с его 60-летием присвоено звание Героя Социалистического Труда за исключительные заслуги в деле организации большевистской партии, создания Советского государства, построения социалистического общества в СССР.

Биографы И. В. Сталина отмечали, что в конце 1940-х гг. *ведомый великим Сталиным советский народ шел к новым победам, вперед к коммунизму* [Александров и др. 1949: 181].

Перейдем к анализу контекстов, в которых реализуются смысловые составляющие концепта «труд».

Наблюдение за формированием идеологических норм в публицистических контекстах позволило выявить типовые смысловые наращения: **квалификативные, количественные, этические и эстетические.**

Пытаясь рассмотреть все нюансы значения слова, языковая личность следует логике расчленения объекта для его изучения. Отсюда появление различного рода **классификаций труда**, которые лишь обозначены в словарных статьях.

«Советский энциклопедический словарь» (СЭС) выделяет следующие сферы труда: *Социализм ликвидирует старое разделение труда, противоположность между городом и деревней, умственным и физическим трудом* [СЭС: 1109]. Расширенное толкование предлагает «Большая советская энциклопедия» (в 30 томах) (БСЭ): *...в городе и в деревне, умственным и физическим, квалифицированным и неквалифицированным, тяжелым и легким, механизированным и ручным, протекающем в нормальных и во вредных для здоровья условиях и т. д.* [БСЭ: 265].

Выделение сфер труда осуществляется, как правило, в виде эксплицитных оппозиций: *сельскохозяйственный/индустриальный, физический/умственный, колхозный/труд рабочего, квалифицированный/неквалифицированный* и т. д. Классификация производится на разных основаниях: наличие опыта, промышленной техники, затраты физических сил и т. д. Это обусловлено тем, что «в целях адекватного отражения действительности человеческое мышление на каком-то этапе должно абстрагироваться от всей сложности познаваемых объектов, рассматривать их только в некоторых свойствах, непрерывные процессы и явления рассматривать как дискретные и т. п.» [Языковая номинация... 1977: 30].

Характеризуя социалистическую действительность, газета выражает в некоторой степени негативное отношение к представленным видам труда. В этих классификационных оппозициях, по мнению печати, заключается причина, с одной стороны, неравенства (в условиях труда, оплаты и т. д.), а с другой стороны, непривлекательности труда вообще (т. к. он требует усилий и времени). Как показывают контексты, преодоление разделения труда на виды является насущной проблемой: *Никакого равенства не может быть, пока есть классы и пока есть труд **квалифицированный и неквалифицированный*** (МР, 1937, № 4); *Сельскохозяйственный труд **становится** трудом индустриальным* (МР, 1934, № 34); *Теперь физический труд буквально во всех областях работы **должен подняться** умственным трудом* (МР, 1934, № 37); *Допотопный тяжелый труд **не будет тяготить** трудящиеся массы нашей страны* (МР, 1934, № 37); *Облегчить труд, механизировать работу, **научиться работать** на механизмах и полностью использовать их – наша повседневная задача, за нее я буду*

ханизмах и полностью использовать их – наша повседневная задача, за нее я буду драться (МР, 1934, № 9).

Выражения с семантикой развертывания во времени *должен подняться, становится, не будет отягощать, научиться работать* актуализируют в слове *труд* (социалистический) темпоральную оппозицию *сейчас – в будущем*. Под ее влиянием семантическая структура слов-названий видов труда претерпевает изменения, в результате которых появляются следующие оппозиции сем: ‘физический’ – ‘стремление к умственному’, ‘сельскохозяйственный’ – ‘стремление к индустриальному’, ‘неквалифицированный’ – ‘стремление к квалифицированному’.

Развитие новых смыслов свидетельствует о том, что в актуальном значении слова *труд* (социалистический) в потенции содержится обобщенный семантический компонент ‘прогресс’, который обуславливает размывание границ между семами ‘физический’ – ‘умственный’, содержащимися в системном значении слова, и семами ‘сельскохозяйственный’ – ‘индустриальный’, ‘неквалифицированный’ – ‘квалифицированный’, содержащимися в его философском осмыслении.

Актуализированная в данных контекстах сема ‘прогресс’ способствует реализации внутренней роли Модификатора. Релевантной для *труда* становится смысловая составляющая ‘прогрессивная деятельность’.

Идея стирания граней между различными формами труда получает активное развитие в текстах того времени: *Все зависит от нас, нашего умения использовать быстро растущую техническую базу, нашего умения организовывать колхозы и совхозы, как крупное механизированное хозяйство, в котором производительность труда может быть и в самом деле будет несравненно более высокой, чем производительность труда в мелком крестьянском хозяйстве. Вот почему мы ставили своей задачей обеспечить примерно такие же темпы подъема сельского хозяйства во второй пятилетке, как темпы роста нашей промышленности* (МР, 1934, № 33); *Труд тракториста, комбайнера, механика, полевода уже мало отличается от труда пролетариев фабрик и заводов. На МТС занято около 1 млн. колхозников, имеющих квалификацию мастеров механизированного полеводства* (МР, 1933, № 1); *В процессе социалистического строительства уничтожаются экономические и политические противоречия между рабочим классом и крестьянством, стираются грани между этими классами и нашей трудовой интеллигенцией* (МР, 1937,

№ 207). Модификация сфер труда получает реализацию в выражениях: *обеспечим темпы подъема сельского хозяйства, как темпы роста нашей промышленности; труд тракториста... уже мало отличается от труда пролетариев фабрик; уничтожаются экономические противоречия между рабочим классом, крестьянством..., интеллигенцией*. В этих примерах актуализируется сема 'прогресс'. Она получает идеологическую окрашенность при помощи контекстных партнеров лексемы: *рабочий класс, пролетарии, наша (промышленность)*, – которые принадлежат к языковым средствам, отражающим официальную идеологию. Уравнивание качественных характеристик труда колхозников, рабочих, интеллигенции, по всей видимости, продиктовано базовой идеей социализма – идеей равенства. Она обуславливает прогресс *труда социалистического*, конечной целью которого является образование некоей 'обобщенной формы труда', где разные сферы труда лишены явных идеологических различий.

Контексты показывают, что изначально лишенное оценочности квалификативное осмысление труда в советском обществе получает идеологическую оценку.

Виды труда в капиталистических странах представлены схематично: отсутствуют атрибуты видов труда и рефлексивные высказывания по их поводу. Иллюстрацией служат примеры: *Безработные горняки Нью-кестля и Кумберленда, работающие неполную неделю текстильщики Манчестера и Лидса, изнуренные **тяжелым трудом** металлисты Бирмингама и Шеффильда мало думают о спорте* (МР, 1937, № 10); *Реакционной теории, призывающей к **отказу от машин, возврату к самым примитивным орудиям труда**, советский представитель противопоставил **блестящие успехи механизации труда в СССР*** (МР, 1935, № 137); *Далее, наше советское крестьянство в своем подавляющем большинстве есть колхозное крестьянство, т. е. оно базирует свою работу и свое достояние не на единоличном труде и **отсталой технике**, а на коллективном труде и **современной технике*** (МР, 1937, № 228). Труд при капитализме предстает как некое монолитное, застывшее в своем развитии явление, лишенное такого понятия, как «прогресс». Об этом свидетельствуют атрибутивные сопроводители слов, выступающих в роли Инструмента в выражениях *примитивные орудия труда, отсталая техника*. В данном случае *примитивные, отсталая* активизируют сему 'элементарный'. Концентрации отрицательных коннотаций, связанных с *трудом в капиталистическом обществе*, способствуют выражения *отказ от машин, возврат к самым примитивным орудиям труда*. Содержащиеся в них от-

глагольные существительные как бы развертывают семантику производящих глаголов (*отказаться, возвратиться*) и тем самым иллюстрируют движение вспять. Соответственно, актуализируется сема 'регресс'.

Успешность реализации семантических компонентов 'элементарный', 'регресс' задает контекстное сравнение с *блестящим* развитием *труда социалистического*. Слова, отражающие роль Инструмента, во фразах *успехи механизации труда, современная техника* содержат сему 'прогресс'.

В результате формируется семантическая оппозиция 'прогресс' – 'регресс', в рамках которой актуализируются смысловые составляющие: *труд социалистический* – 'прогрессивная деятельность', 'стремится к созданию обобщенной формы труда'; *труд при капитализме* – 'регрессивная деятельность'. Контексты показывают, что в актуальном значении слова *труд* ('деятельность') как имени концепта референтный компонент неотделим от идеологической оценки *хорошо – плохо*. Можно говорить об «идеологически связанном» значении [Бахнян 1983, Стриженко 1988, Эпштейн 1991 и др.], поскольку в нем «предмет и оценочное значение предстают как бы склеенными, жестко связанными» [Эпштейн 1991: 19]. Идеологически связанное значение слова «несет в себе целое суждение, объект которого явление, обозначенное словом, а «предикат» – выраженная им оценка» [Там же: 20].

Количественные составляющие концепта «труд» в газете особенно актуальны. Об этом свидетельствует ряд контекстов: *Неуклонный, гигантский рост во всех областях народного хозяйства; грандиозное строительство; полная и навсегда ликвидация безработицы и нищеты, рост благосостояния широчайших масс, их культуры, оптимизм, энергия, самоотверженный и свободный творческий, стахановский труд – это результат, итог первого двадцатилетия в мире социализма* (МР, 1937, № 243); *Однако весь колоссальный труд весны и лета может быть поставлен под угрозу, если сейчас же не будут приняты самые энергичные меры по подготовке к уборке и зимнему хранению картофеля и овощей индивидуальных огородников* (МР, 1934, № 168); *Вы должны знать, что все, что есть в жизни – эти прекрасные дворцы, театры, где вы заседаете, фабрики и заводы, которые вам показывали – все это результат напряженнейшего человеческого труда* (МР, 1933, № 49). В словах *колоссальный* ('очень большой, огромный') [ТСУ, I: 1410], *напряженнейший* ('неослабевающий, требующий сосредоточения сил и внимания') [ТСУ, II: 406], *гигантский*

(‘огромный, необычайно больших размеров’) [ТСУ, I: 555] количественная градация поддержана спецификой лексического значения, в котором отражается общественно осознанная и в известной степени определенная мера признака.

В семантику этих предикатов входит сема ‘интенсивность’. Данному семантическому компоненту соответствует семантическая функция Интенсификатора, которая, не являясь самодостаточной, при толковании предикатов присоединяется к внутреннему семантическому Субъекту. Составляющие фрейма *труд* Интенсификатор и Субъект в пропозиции ‘интенсивность’ формируют смысловую составляющую ‘интенсивность действий субъекта труда’. В контекстах этот смысл получает идеологическую оценку при помощи слов, отражающих сферу *нашего*, т. е. «положительный полюс» официальной идеологии. Так, классовая принадлежность труда обозначается типичным для всей системы общим сигналом (*социализм*), который уточняется посредством определения, обозначающего санкционированное партией движение, осуществляющее генеральную линию (*стахановский*). Идеологическая принадлежность труда интерпретируется как залог производственных успехов. Такая логическая зависимость внедряется при помощи избыточного употребления этих атрибутивных сочетаний в контекстах и догматически отстаивается, потому высказывания построены по принципу «причина → следствие»: ***социалистический труд*** → *грандиозное строительство, рост благосостояния, фабрики, заводы, дворцы, театры*. Эти лексические сигналы подкрепляют системность фактов достижений труда в СССР. Труд в советском публицистическом дискурсе должен рождать устойчивые ассоциации с благополучием.

Смысловая составляющая ‘интенсивность деятельности субъекта’ оценивается советской идеологией как «нужная» для смысловой наполненности *труда*, потому она активно реализуется в контекстах, содержащих слова денотативного поля *труд* (*работа, трудовой энтузиазм, трудовой подъем, социалистическое соревнование, стахановец, ударник* и т. д.).

Сознание, моделируя на основе словесных знаков действительность, мыслит *работу* как абстракцию в процессе контекстного столкновения с лексемой *труд* в абстрактной же форме. Примером являются высказывания: *Советская страна начинает новый год днем ударника, днем ударной работы, днем ударных темпов и праздником труда* (МР, 1933, № 3); *Но мы знаем и я уверен, что и вы все знаете, что без труда,*

без упорной работы ничего не делается (МР, 1933, № 49); *Излишне говорить в условиях капитализма о соревновании в работе, о творческом подъеме трудящихся во время труда* (МР, 1933, № 274).

Контекст эксплицирует предпочтение лексем с диффузной семантикой, лишенной конкретных представлений о свойствах труда. Это обуславливает известную широту актуальных значений лексем *труд* и *работа*, основа которых задана языковой семой 'деятельность вообще'. Функциональная эквивалентность лексем в данных высказываниях определяется их возможностью комплексного изображения труда.

Скопление лексем *труд*, *работа*, плеонастичное в данных высказываниях, вскрывает ценностные ориентиры общества. Плеоназм коммуникативно оправдан, поскольку он создает поведенческую модель советского общества, заключающуюся в интенсивной деятельности индивида. В соответствии с моделью актуальное значение *труд 1* и *работа 1* отягощается семой 'максимальное усилие'. Ее актуализацию обуславливают также идеологически окрашенные слова *ударной, упорной, соревнование (социалистическое)*.

Определяющим для семантической парадигмы *труд – работа* становится процесс увеличения роли труда в языковой картине мира. Значение членов парадигмы 'максимальное усилие при осуществлении деятельности вообще' становится доминантным для всего высказывания в целом и «затушевывает» все остальные смыслы. Идеологический критерий оценки ситуации труда накладывает на актуальное значение лексем *труд, работа* коннотацию 'идеологическая значимость'.

Актуальное значение 'максимальное усилие при осуществлении деятельности вообще' проецируется и на другие ЛСВ *работа*, вербализованные в коммуникативных актах. Так, оно получает конкретизацию в контексте с семемой *работа 2* 'занятие, труд'. Приведем иллюстративные примеры: *Высылай мне ежемесячно **итоги своей работы**, чтобы я знал, как мы выполнили наш договор социалистического соревнования* (МР, 1937, № 119); *Сделать работу на участке, на домне, на мартене делом пролетарской чести* (МР, 1933, № 119); *Бесплановость, бессистемность в снабжении систематически срывают **стахановскую работу сталеваров*** (МР, 1937, № 27); *Оценка «отлично» – действительно правильная оценка его упорной работы **над собой** в течение всех четырех лет* (МР, 1935, № 159); *Союз строителей проводит кон-*

ференции ударников на квартирах, железнодорожники ведут большую интересную работу с женами рабочих (МР, 1934, № 17).

Синтагматические отношения лексемы *работа* в составе контекстов реализуют когнитивную структуру, или ментальный образ ситуации, обозначенной соответствующим именем. Она включает несколько компонентов: Субъект (*сталеваров*), Объект (*над собой, с женами рабочих*), Интенсификатор (*стахановскую, упорной, большую*), Локатив (*на участке, на домне, на мартене*), Результатив (*итоги*). Важной оказывается аксиологическая сторона отношений: какова ценность *работы* для Субъекта. Типовые позиции слова не дают указаний на финансовую заинтересованность Субъекта. Парадоксально, но релевантной для него является деятельность вообще, как единственная модель жизни в социалистическом обществе.

Идеология программирует актуализацию абстрактного значения ‘максимальное усилие при осуществлении деятельности вообще’ в семеме *работа* 2. В этом случае абстрактная сема ‘деятельность вообще’ выступает не как противопоставленная конкретным значениям (как в слове *труд*), а как этап движения самого конкретного, «то есть как нераскрывшегося, неразвернувшегося, неразвившегося конкретного» [Мирошникова 2003: 31]. Контекст развивает потенциально конкретное значение при помощи актуальных семантических компонентов: ‘интенсивная деятельность’, ‘масштаб деятельности индивида в соответствии с идеологическими установками’ (*итоги своей работы; как мы выполнили наш договор социалистического соревнования; сделать работу... делом пролетарской чести; стахановская работа сталеваров*), ‘преобразование’ (*работа над собой*), ‘воспитательное воздействие’ (*интересная работа с женами рабочих*).

Характеристика ценностных установок советской языковой картины мира по отношению к понятию ‘работа’ отмечается некой двойственностью. С одной стороны, в результате анализа контекстов отмечается, что для советской языковой картины мира чрезвычайно характерна установка на положительную оценку *работы*. С другой стороны, фиксируется постоянная неудовлетворенность *работой* (ее характером, результатом). Отрицательная оценка *работы* 2 имеет место в высказываниях: *Пленум признал работу по проведению уборки, хлебосдачи и подъеме зяби неудовлетворительной* (МР, 1938, № 281); *У нас были организации, которые получили урожая меньше, чем сеяли. Такой результат посева является не работой на социализм, а работой против социализма* (МР, 1933 № 93); *Тратить на одну*

ботой против социализма (МР, 1933 № 93); *Тратить на одну заклепку 14 косяков – это не работа, а анекдот* (МР, 1933, № 3); *И на этот раз распоряжение директора не выполнено. Одна треть шихтового двора была раскрыта еще месяц назад и вся «работа» на этом закончилась* (МР, 1938, № 213); *У нас же отдел технического контроля только фиксирует совершившиеся факты, подменяет работу разглагольствованиями* (МР, 1937, № 13).

Реальные ситуации, описываемые в примерах, по своим качественным характеристикам не совпадают с идеальной моделью ситуации *работа*. Деятельность становится *работой*, если в ее смысловую структуру в актуальном употреблении входят семы: 'труд, занятие', 'интенсивное', 'максимальное усилие', 'масштаб деятельности в соответствии с идеологическими установками', 'преобразование кого-чего-либо', 'воспитательное воздействие'.

Используемые в данных контекстах лексические, синтаксические и графические средства актуализируют компоненты прямо противоположные. Методика замены семантических компонентов слова *работа* основана на иронии, аргументации с использованием отрицательно оцениваемой лексики (*неудовлетворительной, разглагольствования*). Сигналом иронии являются кавычки («*работа*»), которые указывают на то, что «произнесенное предложение скрывает произнесенное» [Вайнрих 1987: 76]. Ирония акцентирует релевантную информацию, отраженную обобщенной семой 'псевдотруд'. Разрушение значения осуществляет стилистическая антонимическая фигура – акротеа. Она противопоставляет *работу* («+») ситуации с претензией на именование *работа* («-»): *это не работа, а анекдот; работа не на социализм, а работа против социализма*. Оппозиция сем 'занятие, труд, действие' – 'псевдотруд' актуализирует процесс энантиосемии значения *работа* 2. Процесс имеет целью вскрыть ценностные ориентиры социалистического общества, которые заключаются в утраченных семантических компонентах. Отсутствие идеологически одобренной модели у ситуации *работа* приравнивается к преступлению: *это работа против социализма*. Формируется смысловая составляющая 'неинтенсивный труд карается законом'.

В газете критерием интенсивности труда служат идеологические клише *трудо-вой подъем, трудовой энтузиазм, трудовой героизм*. Приведем типичные примеры: *По всей стране растет и ширится новая волна **трудо-вого** подъема* (МР, 1937, № 8); *Трудовым подъемом и производственными успехами встречают VI Сессию Верховно-*

го Совета СССР доменички (МР, 1940, № 73); Тогда мы действительно превратили Магнитогорск в культурный, передовой, благоустроенный город с богатой общественной культурной жизнью, которая дает новый невиданный размах **трудового энтузиазма** (МР, 1934, № 51); Объясняется это тем, что рабочие воодушевлены неподдельным **трудовым энтузиазмом** (МР, 1934, № 120); Число людей, показывающих **трудовой героизм**, должно увеличиваться с каждым днем (МР, 1933, № 98); За проявленную инициативу в ударничестве и социалистическом строительстве, за **трудовой героизм** в борьбе за индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства ленинский комсомол был награжден правительством СССР орденом Трудового Красного Знамени (МР, 1938, № 241).

Частотность употребления сочетаний *трудовой подъем, трудовой энтузиазм, трудовой героизм* сопровождается десемантизацией *трудовой* 1 'отнесенность к труду'. По этому поводу В. Г. Гак пишет: «Употребление слова в условиях семантической избыточности, ведущей к десемантизации, представляет собой одно из проявлений его несобственного употребления с точки зрения семиотической. Эта несобственность употребления заключается в том, что слово в контексте соотносится фактически с нулевым референтом, который становится таковым вследствие его ненужности. И вследствие этого самый знак становится семантически нулевым» [Гак 2003: 90].

Примеры иллюстрируют нерелевантность семантических компонентов мотивирующих существительных: *подъем* – 'движение вперед', *энтузиазм* – 'душевный подъем', *героизм* – 'самопожертвование'. Наблюдается размытость семантического объема этих слов, что делает возможным их взаимозаменяемость в контексте. Основной функциональной эквивалентности становится общий семантический компонент 'стимул'. Это значение носителя признака проецируется на значение прилагательного *трудовой* – 'стимул к интенсивному труду'. В составе словосочетания прилагательное лишено информативности и выполняет сугубо прагматическую функцию, а именно, оказывает мобилизующее действие на адресата в плане привлечения его к труду.

При толковании единиц, связанных с количественным обозначением труда в эпоху социализма, значимой является идеологема *социалистическое соревнование*.

В слове *соревнование* опредмечены различные действия человека, индивидуальные и социальные: *Социалистическое соревнование трудящихся в повышении производительности социалистического труда, в лучшей организации и выполнении всех*

видов работы и деятельности, способствующих повышению качества и темпов *социалистического строительства* [ТСУ, IV: 391]. Слово *соревнование* в своем системном значении содержит сему 'интенсивность'. Даже на уровне словарного толкования можно выявить семантическую гиперболу: *в лучшей, всех видов, в повышении*. В толковании обозначены сферы, к которым прилагается идеологема – труд, политика. Посредством постоянного атрибутивного сопровождения *социалистическое*, который активизирует сферу политического, слово *соревнование* политизируется. Словосочетание *социалистическое соревнование* становится устойчивым.

Газета развивает основное системное значение лексемы *соревнование*, как главного средства, метода социалистической организации труда, направленного на увеличение количественных показателей труда: *Здесь, на Магнитке, познакомился с **высшими формами** социалистического труда – соцсоревнованием <...> Мы установили несколько рекордов* (МР, 1934, № 78); *Социалистическое соревнование – **важнейший рычаг поднятия производительности труда**. Это **сильнейшее оружие** воспитания масс в духе социалистического отношения к труду* (МР, 1933, № 68); *Именно через социалистическое соревнование нужно организовывать труд, **поднимать его производительность**, вести массы на овладение техникой, за качество и темпы сева, социалистическое отношение к совхозному имуществу и машине* (МР, 1933, № 112).

Тексты интерпретируют *социалистическое соревнование* как *форму, рычаг* в поднятии *производительности труда*. Превосходная степень сравнения в словах *важнейший, сильнейшая, высший* активизирует количественную составляющую значения лексемы *соревнование*. Определения способствуют формированию положительной оценки этого движения, подчеркивая высшую степень его социальной значимости.

Характеристика *социалистического соревнования* включает такие признаки как *творчество, энтузиазм, ежедневное соревнование друг с другом*, которые выступают как стимуляторы состояний и поступков, что качественно отличает соревнование от конкуренции в капиталистических странах. Например: *Условием существования капитала является наемный труд. Наемный труд основывается исключительно на **конкуренции** рабочих между собой* (МР, 1933, № 58). Конкуренция рассматривается как капиталистическое соперничество, в котором выигрыш одной стороны всегда означает проигрыш для другой. Принцип *социалистического соревнования* – постоянная

помощь друг другу, стремление догнать сильных и подтянуть слабых. Это активизирует в речевой практике сему 'совместный труд субъектов'. Целью невероятных трудовых усилий объявляется строительство социализма и как следствие повышение жизненного уровня трудящихся масс. Несмотря на приблизительность этих обыденных толкований, они «развивают требуемую меру глубины и точности» [Никитин 1983: 43].

Один из главных признаков *социалистического соревнования* – это его массовость: *Задача заключается в том, чтобы добиться **наибольшего охвата рабочих** соцсоревнованием и соцобязательствами. **Ни одна бригада, ни один ударник не должны остаться в стороне*** (МР, 1934, № 71); *Требуется невиданный подъем, **новая мощная волна** производственного энтузиазма, **пафос** социалистического соревнования и ударного труда. Только при этом условии, когда самые широкие массы рабочих будут подлинно по-большевистски мобилизованы и ринутся в бой, только при этом условии мы решим с честью поставленные перед нами задачи, выполним количественные и качественные показатели. Построим все цехи и агрегаты быстро, в срок, дешево и высококачественно* (МР, 1933, № 75); *Возьмем участие коммунистов в соцсоревновании и ударничестве. Коммунисты должны быть в авангарде соцсоревнования, коммунист не может быть не ударником <...> И пора парторганизациям, и комсомольцам цехов вплотную заняться этим делом, подтянуть позорно отстающих, добиться **поголовного охвата** действительным соцсоревнованием коммунистов и комсомольцев, сделать их авангардом, организаторами героического труда во всех бригадах и звеньях* (МР, 1933, № 62).

Согласованные определения с количественной семантикой в словосочетаниях *наибольший охват, мощная волна, поголовный охват* и конструкция категоричного отрицания *ни..., ни... не должны остаться в стороне* гиперболизируют размеры движения и активизируют сему 'массовость'.

Таким образом, контекстные партнеры идеологемы *социалистическое соревнование* актуализируют семантические компоненты 'интенсивность', 'массовость', 'совместная деятельность'. Они, по большей части, характеризуют количественный аспект труда, при этом количественная шкала направлена в сторону большего увеличения признака. В контексте эти семы формируют смысловые составляющие: 'интен-

сивный труд при максимальных усилиях субъекта', 'совместный труд большого количества субъектов'.

Социалистическое соревнование получило развитие в двух направлениях: ударничество и стахановское движение. Исторически ударничество, которое понималось как 'ударный труд на благо страны', являлось базой для формирования стахановского движения, основанного главным образом на рекордах. В газете эти два направления социалистического соревнования качественно не различаются. Они рассматриваются как взаимозаменяющие друг друга понятия.

Появление у лексемы ударник ЛСВ 'передовик социалистического производства' связано с развитием социалистической идеологии, что нашло отражение в словарях.

В СД такого ЛСВ слова ударник еще нет: 1. Ударять – бить, разить, колотить. 2. Удар – потеря, утрата, бедствие, сильное и неожиданное огорчение, скорбь. 3. Ударник, которым бьют по колпачку, запалая этим порох [СД IV: 472].

ТСУ параллельно с традиционными, отмеченными СД, ЛСВ лексемы ударник приводит следующий: *Передовой работник социалистического производства, перевыполняющий нормы, активно овладевающий техникой и показывающий образцы производственной дисциплины* [ТСУ, IV: 891].

В МАСе одно из значений слова ударник – *наименование передового работника социалистического производства в СССР с середины 20-х годов до конца 50-х годов* [МАС, IV: 465].

ТСУ, МАС наряду с новым ЛСВ сохраняют ЛСВ лексемы ударник, восходящие к глаголу бить. В рамках словарной статьи эти ЛСВ выступают в виде качественных характеристик нового «продукта» социализма. Действительно, ударник, во-первых, связан с нанесением удара, во-вторых, предназначен для нанесения удара по врагу.

В газете ударник понимается как активное существо, деятельность которого должна быть направлена вовне, на преобразование, переделку внешнего мира: *Это они на пустырях создают Днепрострой, Кузнецкстрой, тракторные, комбайновые, автомобильные, авиационные, алюминиевые гиганты... Это они создают Магнитострой. И в миллионных колоннах – тысячи, десятки и сотни тысяч ведущих передовых, самых отважных и преданных бойцов. Они рождаются социалистическим строительством – они его передовые бойцы. Ударник – имя им* (МР, 1933, №); ... В

беготне, металле, первоклассном оборудовании новых социалистических предприятий воплощен героический труд ударников. Это ударники покорили стихию Днепра, неукротимость которого воспета поэтами. Это они прорвались в недра горы Магнитной, побороли бураны Сибири, создали в глухом таежном краю величайшие заводы-уникум. Ничто не могло остановить лавины этого беспримерного наступления – ни палящий зной, ни ледяной холод, ни происки врагов, ни пораженчество маловеров. Рабочий класс под руководством партии прорвался к цели через все преграды. В истории человечества, даже в эпосе народов нет примера, который мог бы сравниться с героизмом создателей пятилетки и блеском ее побед! (МР, 1933, № 54); Ударный труд воздвигает на необъятных просторах Советского Союза десятки и сотни заводов-гигантов, переделывает лицо сельского хозяйства (МР, 1934, № 99).

Идея силового преобразования мира доминирует в газетных контекстах. Внешний мир рассматривается как арена деятельности человека, как если бы мир только и был предназначен для того, чтобы человек получил необходимые для себя блага, удовлетворял свои потребности. Ударник – это такой тип трудящегося, в котором умение господствовать над обстоятельствами является решающим свойством. В данном аспекте значимой становится сема ‘преобразование’. Существительные с количественной семантикой *десяток, тысяча, сотни тысяч, миллион* указывают на грандиозный размах, который приобрел труд. Числовой ряд представлен в виде конструкции однородных членов предложения, которая мысленно может быть продолжена читателем. Гиперболизация активизирует сему ‘большой масштаб деятельности’. В контексте актуализированные семы формируют смысловую составляющую концепта ‘масштабные преобразования’.

В газете имеют место поведенческие прогнозы, направленные на создание идеального образа ударника: *Новое содержание ударничества – ударником может быть только тот, кто не только выполняет план, но и у кого механизмы работают бесперебойно, у кого агрегат в образцовом культурном порядке, кто самый короткий в мире рабочий день превращает в самый производительный! (МР, 1933, № 282); Ударником может считаться только тот рабочий, работница и ИТР, которые выполняют* качественные показатели, умеют вести за собой остальных рабочих и подтягивать отстающих (МР, 1933, № 107); Последний пленум городского комитета партии четко сказал, что: «Решительно должна быть изменена оценка ударничества».

ва и организация социалистического соревнования... Ударной не может считаться бригада, хотя бы и **перевыполняющая** плановое задание, если она не уплотняет своего рабочего времени. Ударником не может быть рабочий, не принимающий мер к **полной загрузке своего рабочего дня**» (МР, 1933, № 247); Нам нужен новый тип ударника, с новым, расширенным содержанием, ударника, который не только **перевыполняет** план, но который бережет вверенный ему агрегат, который **добивается максимальной уплотненности рабочего дня** (МР, 1933, № 251). Контексты повествуют о том, что ударник должен *выполнять/перевыполнять план/качественные показатели, бережно/культурно относиться к агрегату*. Пожалуй, самое главное требование к трудовым действиям ударника – уплотнение рабочего дня. Специфика временных показателей видна в выражениях: *максимально уплотняет рабочий день; самый короткий в мире рабочий день превращает в самый производительный; принимает меры к полной загрузке рабочего дня*. Сема ‘уплотнение времени’ позволяет воссоздать мыслимую модель времени, в рамках которой события максимально уплотнены. Желание предельно насытить время действиями продиктовано чрезвычайно бурным развитием, потоком информации, усложнением жизни, которые приводят человечество к «биологическому цейтноту» (Н. А. Бернштейн [1991]; В. В. Иванов [1974]; Р. А. Зобов, А. М. Мостепатенко [1974] и др.).

Речь идет о тех ограничениях во времени, которые наложены на все живые организмы. Из-за этих ограничений требуется принятие решения за сравнительно небольшие отрезки времени, что исключает последовательный перебор всех возможностей. Поиск резервов времени диктует уплотнение действий до предела, что создает иллюзию власти человека над временем. Такой механизм восприятия времени, конечно, не соответствует реальному времени и реальному положению вещей, но он осуществляет переход возможности в действительность.

Стахановец – это *работник социалистической эпохи, который в социалистическом соревновании добивается наивысшей производительности труда, наилучшего использования техники и превышения производственных планов* [ТСУ, IV: 498]. В основе номинации имя Алексея Стаханова, забойщика шахты «Центральная – Ирмино» в Донбассе, начавшего в 1935 г. борьбу за высшие показатели социалистического труда. Собственное имя человека, принадлежащего к движению, осуществляющему генеральную линию, используется как сигнал принадлежности к *нашему*. Системное

значение содержит такие семы: ‘работник’, ‘в социалистическую эпоху’, ‘добивается наивысшей производительности труда’, ‘наилучшего использования техники’, ‘превышения производственных показателей’, – которые характеризуют *стахановца* с экономико-политической точки зрения.

Обыденное толкование этой номинации добавляет к системному значению несколько иные смыслы. Проиллюстрируем это следующими примерами: *Стахановцы – это люди новой формации, их труд является прообразом высокопроизводительного коммунистического труда. Старая организация труда мешала максимальному использованию социалистической техники. Стахановцы по-новому организуют труд. Самая характерная черта стахановцев – это непрерывное творчество, систематическая организация производства, связанная с тысячей, подчас мелких, изобретений и приспособлений к орудиям труда, увеличивающих производительность* (МР, 1938, № 200); *Партия учит нас, что сила всенародного стахановского движения состоит не в отдельных рекордах стахановцев, а в его массовости, в неразрывной связи стахановцев с ударниками – этим основным резервом стахановского движения* (МР, 1938, № 237); *За прошедшие три года стахановское движение ярко продемонстрировало перед всем миром свою неисчерпаемую силу. До начала этого движения, например, в 1934 г., производительность труда рабочих промышленности поднялась на 10, 7 процента. Эта цифра намного превышала темпы роста производительности труда в капиталистических странах. Стахановское движение перекрыло и эти темпы* (МР, 1938, № 200).

Массовое сознание выделяет аспекты идентификации стахановцев на основе изменения ценностных установок общества. Задействуется оппозиция *старая организация труда – новая организация труда* (социалистического), в которой отмечается тесная связь общественно-экономического бытия и ценностно-целевое отношение к способам обретения материальных ценностей (*стахановцы по-новому организуют труд*). Эти выражения актуализируют сему ‘преобразование’. В газете имеет место претензия на многоплановость понятия *стахановец*. Она заключается в невозможности его осмысления только в пределах экономического измерения. Осмысляется и духовно-нравственное наполнение. Например, самой характерной чертой стахановцев называется творчество и изобретательство: *непрерывное творчество; система, свя-*

занная с тысячью, подчас мелких, изобретений. В этих выражениях особенно становится актуальна сема 'творчество'.

Другая духовная идея – совместная работа. Семантический компонент 'совместная деятельность' активизируется в выражении *в неразрывной связи стахановцев с ударниками*.

Примеры умалчивают о проблеме материальной заинтересованности стахановцев, что имплицитно указывает на такую черту как слабая ориентированность на материальные блага. Это выводит на передний план увлеченность стахановцев трудом как таковым. Труд ради самого труда в данном контексте предполагает полную и все более интенсивную отдачу своих сил труду. Определяющим становится семантический компонент 'интенсивность'. Это хорошо иллюстрирует выражение *стахановское движение перекрыло и эти темпы*.

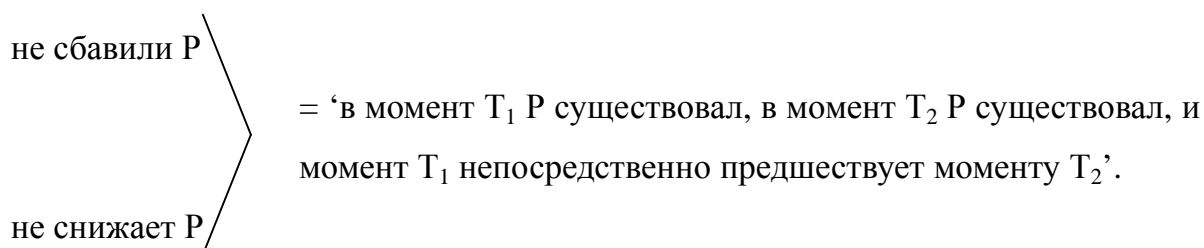
Таким образом, актуальное значение слова *стахановец* богаче системного, поскольку помимо семантических компонентов экономико-политического содержания включает семы нравственно-духовного содержания: 'преобразование', 'творчество', 'совместная деятельность'.

Большую роль для количественного осмысления концепта «труд» играет идеологема *темпы труда*. Системное значение слова *труд*, по данным НОСС, не содержит семантических компонентов, которые в контексте позволили бы процессу труда разворачиваться во времени. Длительность труда может указываться «только при обобщенном описании деятельности, которая имела место на протяжении длительного времени; ср. *Этот труд отнял у него десять лет жизни*» [НОСС: 309]. Тем не менее идея уплотнения трудового времени релевантна для тоталитарного общества. В контексте ее позволяет реализовать идеологема *темпы труда*.

Языковое значение слова *темпы* содержит такие ядерные семы, как 'мера времени', 'в дробных частях', 'степень быстроты': *Мера времени, в дробных частях, размер* [СД, IV: 397]; *Степень быстроты в осуществлении чего-нибудь, в исполнении какого-нибудь дела, задания* [ТСУ, IV: 677]. В актуальном употреблении словосочетание *темпы труда* активно реализует языковые семантические компоненты, а также приобретает новые.

Возьмем в качестве примера высказывания: *Сейчас, несмотря на зимние холода, мы не только не сбавили темпов в труде, а будем выполнять любое задание еще*

лучше и энергичней, чтобы завоевать 1-е место во Всесоюзном соревновании молодежных бригад (МР, 1940, № 20); В октябре тов. Курашёв **не снижает темпов**, ежедневно выполняя нормы выработки до 250-300 процентов (МР, 1938, № 228). Высказывания имплицитно содержат ситуацию развертывания труда во времени. Субъект – процесс, выраженный существительным *темп*. Ему приписывается роль Следование. Основные глаголы *не сбавили*, *не снижает* содержат индексальные элементы: суффикс *-л-* – показатель прошедшего времени и окончание *-ет* – показатель настоящего времени. Они фиксируют место явления, обозначенного словом *темп*, в «сетке координат» относительно точки отсчета. В сочетании с отрицательной частицей *не* индексальные элементы указывают на длительность процесса во времени. Именно длительность характеризует ситуацию с точки зрения ее внутреннего устройства:

В данном контексте эта ситуация расценивается в качестве образца для подражания, нормы, которой надо придерживаться. Но в рамках ситуации *длительность* субъект *темп* в роли Следование не может рассматриваться на количественной шкале увеличения или уменьшения интенсивности действия. Темпы просто «длятся». Актуализированная сема ‘непрерывные действия’ размывает системный семантический признак ‘в дробных частях’. Процесс труда предстает как явление, бесконечно развернутое во времени.

Языковая сема ‘степень быстроты’ в актуальном употреблении слова *темпы* получает неоднозначные способы выражения. Приведем примеры: *Мы уже писали о том, что отдел снабжения комбината срывал **нарастающие темпы** работы* (МР, 1937, № 29); *Ударными **темпами** идет освоение проектной мощности печи. Ударники в короткий срок освоили проектную мощность домны. Получена телеграмма от тов. Сталина, в которой он приветствует ударников Магнитки с победой* (МР, 1934, № 11); *...организации завода и стройки должны еще шире развернуть борьбу за **большевистские темпы**, за крепкую дисциплину, за пролетарское классово-сознательное отношение к труду* (МР, 1933, № 111); *Подлинно широко развернутое*

соревнование между двумя гигантами [Магнитогорск и Кузнецк – О. Ч.] будет новым походом за новые, **невиданные темпы** не только строительства, но и освоения техники новых заводов (МР, 1933, № 99); Рядом цифр, рисующих **недостаточные темпы** выполнения плана по домнам, коксовому цеху, добыче руды, шамотному и ремонтному заводам в первом квартале и в апреле, тов. Мышков характеризует неудовлетворительную работу действующих цехов завода (МР, 1933, № 119); **Темпы** вспашки паров продолжают оставаться **неудовлетворительными** (МР, 1935, № 132); Наоборот, возможно снижение и без того **мертвых темпов** (МР, 1935, № 136); Если передовой ударный коллектив стана «300» успешно осваивает технику и добивается все новых и новых высот, то **темпы** работы в остальных прокатных цехах **еще низки** (МР, 1935, № 154); **Черепашьи темпы** на реконструкции кинотеатра. Сплошь и рядом можно встретить такую картину: группа рабочих сидит и покуривает; группа рабочих, неизвестно по каким причинам, собралась в конторе, и т. д. Не чувствуется, чтобы на этом ответственном участке кипела работа, не видно социалистического соревнования (МР, 1940, № 71).

Атрибутивные определители слова *темпы* выражают степень проявления признака на разных основаниях: количество (*нараставшие, высокие, недостаточные, низкие*), идеологическая принадлежность (*ударные, большевистские*), сенсорно-чувственное восприятие (*невиданные*), прагматическую значимость (*неудовлетворительные*), метафорическое осмысление (*мертвые, черепаши*).

Несмотря на различия, очевидно, что в определениях имеет место поляризованный набор оценочных функций. Признак, лежащий в основе каждого атрибутивного определителя, обозначим условно буквой «А». Пусть в данных примерах «А» интерпретируется как «интенсивность действия». Тогда возможны следующие операции преобразования «А»:

1) +А. Это А трактуется говорящим как нечто положительное, желаемое, должное, оно несет позитивный оценочный смысл, и тогда ему присваиваются признаки: *нараставшие, высокие, ударные, большевистские, невиданные*;

2) – А. Это А трактуется говорящим как нечто отрицательное, вредное и ему присваиваются признаки, несущие негативный оценочный смысл: *недостаточные, низкие, неудовлетворительные, мертвые, черепаши*.

Относительно ситуации *длительность* наиболее желательны признаки +А, потому регулярными становятся тексты, призывающие к срочному увеличению темпов: *Делом чести всей магнитогорской парторганизации, хозяйственного руководства комбината и прокатного цеха является **развить такие темпы** строительства и монтажа, **чтобы пустить стан «500» уже в конце 1933 года*** (МР, 1933, № 121); *Майский прорыв ставит перед строителями вопрос **о немедленном усилении темпов** и качества работ в последние дни мая и о развернутой борьбе за перевыполнение июньского плана* (МР, 1933, № 121).

Идея увеличения темпов активизирует сему ‘идеологическая значимость’. Об этом свидетельствуют выражения с семантикой долженствования *развить темпы; немедленное усиление*. Предикаты со значением категоричности *развить, немедленное* в полной мере иллюстрируют важность этого процесса. Они актуализируют сему ‘усиление интенсивности’.

Итак, семантические функции Интенсификатора и Субъекта труда репрезентируются в различных лексических единицах денотативного поля *труд*, которые в газетных контекстах актуализируют смысловые составляющие: ‘интенсивный труд при максимальных усилиях субъекта’, ‘масштабные преобразования’, ‘коллективный’, ‘минимальные затраты времени’. Эти смыслы получают положительную идеологическую оценку в политизированных контекстах.

Однако представленные содержательные составляющие *труда* намеренно отрицаются в высказываниях, отражающих псевдотруд. Отступление от идеологического идеала интенсивного труда получает в контекстах отрицательную оценку и формирует смысловую составляющую ‘неинтенсивный труд карается законом’.

Публицистические контексты, как показывает материал, конструируют особую реальность, которая основана на искажении действительности. Объективная причина этого явления заключается в «относительном характере нашего знания о мире: словесные знаки в момент своего возникновения отражают недостаточный и несовершенный уровень знаний. Наивное познание, закрепленное словесными суррогатами, создает картину мира, не вполне соответствующую реальности» [Шейгал 2000: 40]. Субъективный фактор связан с сознательным искажением действительности в интересах отдельных лиц или групп лиц. В совокупности они представляют собой мощную систему, способную моделировать иллюзии, которые создаются, однако, на основе

учета ценностных ориентаций людей и целенаправленно внедряются в массовое сознание.

Этический аспект идеологизации концепта «труд» реализует основные моральные принципы коммунистического общества. В границах тоталитарной идеологии мораль «представляет собой исключительно социальный (социально-культурный) феномен, возникающий в процессе общественного развития как средство удовлетворения определенных потребностей общества» [Апресян Р. 1995: 62]. Создавая собственную модель морали советская этика синтезировала это определение морали и классически-марксистские формулы: как форма идеологии мораль выражает классовые интересы; в каждую эпоху нравственным считается то, что отвечает интересам того или иного класса и т. д. [Апресян Р. 1995: 63]. Потому система ценностей советского общества покоится на жесткой дихотомии *свои – чужие*, отражающей классовой подход, а не на развитой модели универсальных ценностей.

Однако при всем огромном влиянии, идеология – это преходящее явление, вторичное по отношению к моральным заповедям. По этому поводу Р. Г. Апресян пишет: «То, сколь мало времени требуется на восстановление моральных чувств, несмотря на все ужасы тоталитаризма и тирании, как раз свидетельствует об их изначальности у человека» [Апресян Р. 1995: 54].

В газете содержание советской этики конкретизируется на 2-х уровнях:

- 1) оппозиции политических сил (*коммунисты – капиталисты*);
- 2) оппозиции социокультурных ценностей (*свобода – принуждение, гуманность – антигуманность*).

Эти два уровня – идеологический и морально-нравственный – взаимосвязаны. На основе оппозиции политических сил распределяются оценочные функции: «положительная оценка явления» – «отрицательная оценка явления». Речевое поведение всецело подчинено одной из этих двух оценочных установок, а именно, положительной оценке всего, что принадлежит *своей* идеологии, отрицательная оценка *чужого* рождается сама собой. Каждой из этих функций соответствуют группы слов, находящихся между собой в «отношениях субституции» [Эпштейн 1991: 28].

капиталистическое общество

эксплуатация

нечеловеческий труд

коммунистическое общество

свободный труд

человеческий труд

Наличие в текстах таких лексических пар объясняется тем, что конструктивным оказывается прагматический план языка, необходимость противопоставлять в системе словесных знаков оценочные значения. Зафиксированные в языке при помощи слов, составных наименований оценочные значения в той или иной мере навязывают человеку определенное видение мира. Информация, способная представить в выгодном свете *свою* идеологию или способная нанести ущерб интересам другого политического лагеря, как правило, базируется на рассуждениях о социокультурных ценностях. «Выворачивание наизнанку» другой идеологической модели легко достижимо через «десакрализацию» социокультурных святынь, потому в коммуникативном употреблении *труд* в капиталистическом обществе характеризуется как явление, несущее рабство, бесправие. В свою очередь, *труд социалистический*, присоединяясь к словам-концептам, обозначающим общечеловеческие ценности (свобода, равенство, гуманизм), выполняет «идеологическую функцию построения новой псевдореальности, отторгая целое государство от другого мира» (Китайгородская, Розанова 2003: 158).

Наглядным примером служат контексты: *...пролетарская диктатура затем и призвана, чтобы изменить мир, изменить **человеческие отношения**, создать новую высшую организацию производства и **человеческого труда*** (МР, 1933, № 33); *Так поднималась производительность живого **человеческого труда**, труда, вооруженного новой техникой, новыми, вступившими в строй машинами и агрегатами* (МР, 1934, № 159); *Все, что разрушает физические и духовные силы подрастающего поколения, – нищета, голод, безработица, нечеловеческий подневольный труд, бесправие, – все это навсегда уничтожено в нашей советской стране* (МР, 1937, № 220).

Контексты актуализируют этическую оппозицию *гуманность – антигуманность*. Они четко противопоставляют коммунистическую мораль капиталистической, при этом подчеркивается, что коммунистические нравственные нормы выражают интересы всего трудового человечества. Атрибутивный сопроводитель *человеческий* в этих контекстах получает новое актуальное значение, близкое понятию *гуманность*. Актуализацию семантических компонентов ‘человечность’, ‘человеколюбие’, ‘уважение к людям’, ‘к человеческому достоинству’ и их последующее наведение подчеркивают выражения: *человеческие отношения; все, что разрушает физические и духовные силы подрастающего поколения... все это уничтожено*. На фоне *человеческой* (гуманной) морали коммунистического общества мораль капиталистическая приобре-

тает номинацию *нечеловеческая* (т. е. антигуманная, поскольку принадлежит области *чужого*), потому в газете *труд при капитализме*, как явление, основанное на капиталистических (*чужих*) нормах морали, получает характеристику антигуманного, а следовательно, *нечеловеческого*. Иллюстрацией служит выражение *нечеловеческий подневольный труд*.

Пейоративная оценка труда в мире капиталистическом формируется при помощи семы 'регресс' и сопутствующих ей сем 'бесправие', 'голод', 'безработица', 'бедность', которые имеют вербальную экспликацию в словах-аффективах *безработица, голод, нищета, бесправие*. В контексте слова-аффективы являются эмоциональными усилителями способными «оказывать психическое воздействие и вызывать различного рода чувства и переживания (ненависти, тревоги, страха, удовлетворения, национальной гордости, патриотизма и т. д.)» [Быкова 2000: 49]. Ассоциативные признаки 'мучение', 'смерть' актуализируют аспект морального выбора субъекта.

Конечно, «экономика», «жизнь» не являются элементами этики. Однако перед лицом смертельной опасности сама по себе жизнь становится нравственной ценностью, поскольку субъект лишается возможности морального выбора [Апресян Р. 1995: 60]. В газетных контекстах в капиталистическом обществе субъект труда обречен на *голод, безработицу, нищету*, приводящие в конечном итоге к смерти, и потому он морально несвободен.

Актуализируемые контекстами смысловые составляющие сводятся к следующим: 'в социалистическом обществе труд гуманен, а субъект труда свободен', 'в капиталистическом обществе труд антигуманен, а субъект труда несвободен'.

В вербальной картине мира актуальное значение *труда социалистического* содержит сему 'альтруистический', которая воплощается в типовом контексте *труд без условия о вознаграждении*. В то же время присутствуют и прямо противоположные высказывания, рассматривающие потенциальные плоды *труда социалистического*. Феномен данного несоответствия кроется, по всей видимости, в особенностях метаязыкового сознания, в рамках которого происходит формирование идеологемы *труд*. Обыденное метаязыковое сознание, обслуживающее нужды повседневного языкового существования человека, включает в свою систему только те комментарии, которые формируются в результате живого контакта с миром, только на основе «непосредст-

венного переживания усматривается подлинность и достоверность» [Вепрева 2002б: 54].

Действительный опыт человека, включенного в отношения, которые реально требуют ситуативных, соотнесенных с практическими социальными интересами решений и оценок, нередко обнаруживает определенные несоответствия с постулируемой моралью [Апресян Р. 1995: 55]. Так, контексты репрезентируют удовлетворение потребностей других людей не только как цель, но и как средство достижения личных целей. Труд – источник материальных благ для субъекта – нельзя назвать альтруистичным. Это ярко иллюстрируется в следующих высказываниях: *Каждый знает, что его труд будет сторицей оплачен, что каждый килограмм хлеба, собранный своевременно, повышает стоимость его трудодня* (МР, 1938, № 215); *Высокая производительность – богатые заработки, честный труд – высокая оплата. Таков непреложный закон социализма* (МР, 1937, № 231); *Комиссия по качеству «Красного маяка» с исключительной силой убедительности показала неразрывную связь добросовестного труда колхозника с оценкой трудодня, с необходимостью борьбы за подлинно большевистский колхоз* (МР, 1934, № 166); *Миллионы убедились, что социализм несет им светлую, радостную, сытую жизнь, что в наших условиях достаточно честно, добросовестно трудиться, чтобы неизменно повышать свое благосостояние* (МР, 1934, № 22); *Труд и только труд – в нашей стране незыблемое мерило заслуг каждого, его славы и почета, его общественного признания и материальных условий жизни* (МР, 1937, № 4).

В данных контекстах в роли Результатива выступают существительные *оплата, благосостояние, условия жизни*. Обращает внимание контекстная связанность слов, занимающих позицию Результатива, и атрибутов труда *честный, добросовестный*. Логика развития высказываний строится по схеме «честный/добросовестный труд → плоды труда». Общесистемное толкование слов *честный, добросовестный* – ‘о деятельности, не запятнанной ничем предосудительным’, ‘честно выполняющий свои обязанности’ – в типовых контекстах советского публицистического дискурса утрачивает свою релевантность. Дифференциальные системные компоненты ‘ничем предосудительным’ и ‘честно выполняющий’ идеологически переосмысляются. Это ведет к упрощению семантики слов на сигнификативном уровне. Сложная сигнификативная структура сводится к компоненту ‘в соответствии с предписаниями идеологии’. Ком-

муникативно актуальные для текущей ситуации идеологические наслоения обуславливают частичную десемантизацию системных значений данных слов. «В результате почти полной утраты сигнификата знак становится ситуативным и его функционирование ритуализируется» [Романенко 2003: 255].

Идентификация *честного, добросовестного труда* проходит по параметру «деятельность, осуществляемая по предписаниям идеологии», что способствует включению слов *честный, добросовестный* в ситуативный синонимический ряд. Данные слова в контекстах выполняют функцию знака, в котором органически слиты логика, правила ритуала и роль самого знака в ритуале. На структуре высказывания это отражается следующим образом: сигнал о труде как *честной, добросовестной деятельности* является необходимым условием открытия позиции Результатива. Актуализируется смысловая составляющая ‘труд, осуществляемый в соответствии с идеологическими предписаниями, предоставляет материальные блага для субъекта’. И в этом аспекте труд осмысливается этикой, скорее всего, как польза, поскольку представляет собой положительную ценность, в основе которой лежат интересы, то есть отношения человека к различным объектам, освоение которых позволяет ему сохранять и повышать свой социальный, экономический, культурный статус [Апресян Р. 1995: 198].

Принцип полезности труда, как отмечает Р. Г. Апресян, разнопланово понимался идеологами коммунизма. С одной стороны, принцип полезности становится фактором общественного соединения людей, социализации их связей и зависимостей, поскольку трудовые усилия субъекта в отношении класса оборачиваются общей пользой для класса. С другой стороны, марксизм видит, что отношения полезности усугубляют эксплуатацию, т. к. реализация интересов индивида может предполагать ущемление интересов других субъектов [Апресян Р. 1995: 203].

Понятно, что в условиях эксплуатации невозможно соединение труда и общей пользы. Труд может приносить пользу для рабочего класса только будучи *свободным трудом*. Достижение *свободного труда* виделось в установлении равенства в обладании материальными благами и подчинении индивидуальных устремлений и целей единому централизованному началу. «Эта моральная максима становится политическим императивом, неисполнение которого расценивается всевидящим руководством

как политическая нелояльность, если не государственное преступление» [Апресян Р. 1995: 205].

В газете моральная максима *свободного труда* репрезентирована в контекстах, содержащих идеологему *эксплуатация*.

Приведем несколько примеров: *Титан революционной мысли и действия, Ленин воплотил в себе могучую силу и благородную страсть, историческую правоту и глубокую мудрость, неукротимую смелость и отвагу рабочего класса, призванного вывести человечество из тупика рабства и эксплуатации в мир свободного творческого труда, радостной и счастливой жизни* (МР, 1940, № 18); *Победа социализма спасла крестьянскую девочку от горькой батрацкой доли, от нищеты и рабства. Социализм вырастил из девушки, пришедшей в Москву из села, неграмотной, черно-рабочей, передовую работницу* (МР, 1937, № 245); *В нашей стране победившего социализма нет эксплуататоров и нет эксплуатируемых. Место каждого человека в нашем обществе определяется его участием в социалистическом труде* (МР, 1940, № 12); *Эксплуатация человека человеком у нас ликвидирована навсегда. Социалистический труд дает колхознику и почет, и имя, и материальные блага* (МР, 1940, № 22); *Труд рабочего и крестьянина освобожден от эксплуатации. Доходы, выжимавшиеся эксплуататорами из народного труда, остаются ныне в руках трудящихся и используются частью на расширение производства и привлечение в производство новых отрядов трудящихся, а частью – для прямого повышения доходов рабочих и крестьян* (МР, 1934, № 25).

В этих высказываниях идеологема *эксплуатация* эксплицирует ущемление морального принципа *индивидуальных трудовых устремлений на общую пользу*, которое проявляется при анализе внутренней семантической структуры лексемы *эксплуатация*. Она содержит пропозицию с участием иерархических субъектов: Субъекта-Организатора и Субъекта-Исполнителя. Организатор (*эксплуататор*) обуславливает конкретное воплощение активности Исполнителя (*эксплуатируемые, трудящиеся, рабочие, колхозники, чернорабочие*). Доминирующей становится сема ‘принуждение’, которая накладывает ограничения на свободу действий и творческое отношение к труду Исполнителя, о чем свидетельствует контекстное противопоставление *тупик рабства – свободный, творческий труд*. Выражение *доходы, выжимавшиеся эксплуататорами из народного труда* актуализирует сему ‘экономическое неравенство’. Она формирует смысл ‘эксплуатация препятствует реализации

Она формирует смысл 'эксплуатация препятствует реализации принципа социального равенства, который создает предпосылки для труда на благо общества'. Эта смысловая составляющая абсолютизируется в процессе присвоения *эксплуатацией* номинации *рабство*.

Лексикографически лексемы *рабство* и *эксплуатация* представлены следующим образом: *рабство* – «находиться в полной собственности человека»; *эксплуатация* – «присвоение продуктов чужого труда». Семантические компоненты 'в полной собственности' и 'продукты труда' позволяют говорить о том, что эксплуатация относится к рабству, как часть к целому. Однако в контексте имеет место перенос признаков целого на его часть. Это влечет за собой сближение значений слов *рабство* – *эксплуатация* в их коммуникативном употреблении. Регулярное употребление лексемы *рабство* как синонима к слову *эксплуатация* способствует вербальной экспликации семантического компонента 'рабство' в слове *труд* (*при капитализме*). Естественным становится наделение Организатора вторичной ролевой функцией Обладателя. Текст разворачивается следующим образом: *Эксплуататоры, те, кто организовывает трудовую деятельность... получает прибыль*.

Исчезновение эксплуатации при социализме репрезентируется в выражениях: *Труд рабочего освобожден от эксплуатации; социализм освободил от рабства; в нашей стране нет эксплуататоров и нет эксплуатируемых*. Эксплуатацию заменяет свободный труд (*мир свободного творческого труда*), который предполагает материальное равенство, освобождающее субъекта от экономических оков и дающее ему возможность трудиться для общей пользы. Предикат *свободный* содержит пропозицию, в которой роль Организатора трудового процесса приписывается существительному *труд*. Иллюстрацией служат выражения *место рабочих определяется трудом и социалистический труд дает колхознику и почет, и имя, и материальные блага..* Труд в роли Организатора приобретает семантический компонент 'организующая сила'.

Наделение неодушевленного существительного вторичной ролевой функцией меняет характер активности Субъекта-Исполнителя. Нерелевантной становится сема 'принуждение'. Наблюдается процесс наведения семы 'добровольный'.

Личные имена *рабочие, колхозники, трудящиеся* в роли Субъекта совмещают функции Исполнителя и Обладателя. Это находит отражение в выражениях: *доходы остаются в руках трудящихся, победа социализма спасла от нищеты*. Контекст есте-

ственно разворачивается таким образом: *Трудящиеся, те, кто трудится... получает материальные блага.*

Моральный принцип *свободного труда* развивает составляющую концепта ‘трудовые усилия субъекта оборачиваются общей пользой для класса’, которая в данных контекстах получает мелиоративную оценку, выраженную семами ‘радость’, ‘счастье’ (*в мир... радостной и счастливой жизни*).

Таким образом, контексты репрезентируют устойчивые смыслы при разворачивании ситуаций *эксплуатация* и *свободный труд*. Сообщение, что X трудится в капиталистическом обществе воспринимается и как сообщение о том, что труд возложен на X-а, и как констатация каких-либо ограничений на деятельность, точнее, на выбор X-а (доминирующая сема ‘принуждение’); тогда как сообщение о том, что X трудится при социализме, понимается как сообщение о том, что X следует велению сердца (доминирующие семы ‘добровольный’, ‘организующая сила’).

Итак, моральные принципы, лежащие в основе этического осмысления труда, в политизированных контекстах рассматриваются в соответствии с классовым подходом к обществу. Это приводит к созданию оппозиций этических ценностей, основанных на дихотомии *свой – чужой*: гуманность – антигуманность, свобода – принуждение, возможность морального выбора – отсутствие морального выбора и т. д. В контекстах они формируют противопоставленные друг другу содержательные составляющие *труда при социализме* и *труда при капитализме*:

– ‘труд в социалистическом обществе является гуманным, добровольным, альтруистичным’, ‘субъект труда свободен’, ‘труд, осуществляемый по предписаниям идеологии оборачивается личной пользой для субъекта’, ‘труд субъекта оборачивается общей пользой для класса’;

– ‘труд в капиталистическом обществе является антигуманным, принудительным’, ‘субъект несвободен’, ‘эксплуатация препятствует труду, направленному на общую пользу’.

Стремление создать новую реальность нередко приводит к рассмотрению привычных вещей в новом ракурсе. Так, труд характеризуется периодической печатью как **одна из форм художественного творчества**. Газета описывает творения труда, законы развития трудового творчества, идейное содержание и общественную роль, что свидетельствует об эстетическом осмыслении труда. Видение труда как акта творче-

ства заставляет обратить внимание на явление *творческого труда* и рассмотреть те смысловые составляющие, которые оно порождает.

Творческий труд – это процесс, направленный на созидание прекрасного. Он являет собой мобилизующую силу, имеет осознанную цель, по мере осуществления которой *настанет прекрасная жизнь*. Основные роли: Субъект, Инструмент, Результатив, Локатив, Целеполагание. Процесс творчества в труде как многогранное явление репрезентируется в следующих высказываниях: *Нет ни одного уголка в нашем необъятном Союзе, где бы не чувствовалась кипучая созидательная, творческая работа на благо народа и укрепление нашего рабоче-крестьянского государства* (МР, 1937, № 11); *Повсюду кипит творческая, созидательная работа. Строятся новые фабрики и заводы, строится Днепро-Бугский канал, восстанавливается Днепро-Неманский канал* (МР, 1940, № 72); *Труд стахановцев – это, в подлинном смысле слова, творческий труд, имеющий ясно осознанную цель* (МР, 1948, № 8).

Акт творчества в труде описан предикатами *созидательный* (‘созидающий что-н., творческий’) [ТСУ IV: 359], *творческий* (‘создающий новые по замыслу культурные и материальные ценности’) [ТСУ IV: 664]. Они актуализируют сему ‘создание ценностей’. Позиция Результатива замещается лексемами *заводы и фабрики, Днепро-Бугский канал, Днепро-Неманский канал*. Выражение *нет ни одного уголка в нашем необъятном Союзе* свидетельствует о масштабности процесса, что служит активизации семы ‘всеобъемлющий’. Локативы *наш, Союз* четко определяют место бытования *творческого труда*. Процесс творчества ограничен рамками социалистического государства и его политики. Актуальное значение лексемы *труд* расширяется за счет семантического компонента ‘в Советском Союзе’.

В газетных контекстах личностно-ролевая идентификация Субъекта выражена словами *творцы и таланты* и их гипонимами: *народ, комбайнер, радист, ткач, каждый советский человек*. Например: *Коммунизм! О нем столетиями мечтали лучшие умы человечества. Видя вокруг себя тягчайшее угнетение, нищету и страдания трудящихся масс, порождаемые капиталистическим строем, благородные мыслители в прошлом мечтали о таком социальном строе, где не будет порабощения человека человеком, не будет частной собственности, где все блага, добытые трудом, будут принадлежать самому народу – их творцу и хозяину* (МР, 1940, № 16); *Советский человек – хозяин своей судьбы. Безработица, бедность ликвидированы навеки. Выби-*

рай любое дело, трудись, расти, выдумывай, пробуй – все жизненные пути открыты **народным талантам** (МР, 1937, № 237); *Вместе с домнами и мартенами росли люди, **творцы** индустриальной мощи, **творцы** нового социалистического отношения к труду* (МР, 1934, № 85); *Героическое обнаруживается в любой профессии: **радист и арктический зимовщик, комбайнер и животновод, артист и врач, инженер и учитель, токарь и ткач, железнодорожник и грузчик, летчик и моряк – каждый на своем участке становится творцом, продвигая вперед науку и технику*** (МР, 1938, № 242). Субъект выступает как представитель профессии или идеологической группы (*каждый, советский человек*). Имеет место процесс «обезличения», где множество «я» сливается в коллективное «мы». В этом и есть отличие творчества в труде от творчества вообще, где каждый творец индивидуален.

Контексты содержат оценку Субъекта (*героические поступки*), которая выражает общественную точку зрения на личностные качества творца. Индивидуальная и социальная личность слиты воедино, но при этом аспект социального является ведущим.

В газете труд оценивается по результатам, которые достаточно разнородны: *Рабочие, колхозники, трудящиеся Советского союза увеличивают свою энергию, с невиданной в истории преданностью создают, **творят новую социалистическую жизнь*** (МР, 1935, № 146); *Мы воюем за новое человеческое общество, мы воюем за новые права человека, мы воюем против эксплуатации, против рабства, за довольный и сознательный труд на благо всего коллектива, за труд, воодушевляющий людей, **за труд созидающий не только новые прекрасные вещи, но и нового человека*** (МР, 1935, № 116); *В процессе труда и развития **социалистического отношения к труду переворачивается человек, создаются новые люди, достойные строители социалистического общества*** (МР, 1934, № 34).

Результатив представлен сочетаниями: *новые прекрасные вещи, индустриальная мощь, новые люди, новая социалистическая жизнь, социалистическое отношение к труду*. Нетрадиционными для роли Результатива являются одушевленные существительные (*люди, человек*) и ментальные сущности (*жизнь, отношение к труду*). Труд осмысливается как деятельность, в ходе которой Субъект развивает свои способности, в равной мере обогащает себя и других, общество.

В соответствии со смысловой составляющей ‘труд способен творить ментальные сущности’ в газетных контекстах осуществляется выбор лексем, замещающих позицию Инструмента. Приведем примеры: *Необходимо сказать о творческом подъеме трудящихся во время труда* (МР, 1933, № 274); *Трудящиеся с энтузиазмом строят свою счастливую жизнь* (МР, 1935, № 118); *Советская власть и ленинско-сталинская национальная политика дали белорусскому трудовому народу возможность развернуть свои богатейшие творческие силы, приложив свой труд на благо родной страны* (МР, 1935, № 160).

Тексты ставят в позицию Инструмента лексемы *силы, подъем, энтузиазм*. Закономерность выбора существительных с отвлеченной семантикой продиктована логикой: ментальные сущности создаются только посредством ментальных образований. Использование в роли Инструмента слов *творческие силы, стремление, энтузиазм*, референт которых тяжело поддается описанию, в некоторой степени сближает труд с творчеством, поскольку оно также оперирует понятиями *вдохновение, муза, прозрение* и т. д. Это сущности притягательные, лексикографически трудноописуемые и в принципе непознаваемые. Процесс постоянного накопления и количественного увеличения творческих сил, стремлений и энтузиазма является главным законом развития трудового творчества.

Основной стратегический вектор направлен на изменение эмотивного состояния читателя. Особая социальная и идейная ценность результатов труда активизирует смысл жизненно важной необходимости этого процесса для каждого советского человека.

Таким образом, уподобление труда творчеству способствует процессу наведения семантических компонентов ‘творчество’, ‘созидание ценностей’, ‘всеобъемлющий’, ‘в Советском Союзе’. Лексема *труд* и ее контекстное окружение в высказываниях, отражающих различные проявления *творческого труда*, актуализируют смыслы: ‘творческий труд творит материальные ценности и ментальные сущности’, ‘развивает способности субъекта и обогащает общество’, ‘охватывает все советское государство’, ‘имеет целью новую прекрасную жизнь’. Эти содержательные составляющие концепта в газете получают положительную идеологическую оценку, поскольку они характеризуют труд в условиях социализма. Следует отметить, что в печати отсутствует эстетическое осмысление *труда* в капиталистическом обществе.

Выводы.

1. Анализ высказываний позволяет выделить основных контекстных партнеров слов *труд*, *работа* как имени концепта. Перечислим: *безработица, бесплатный, большевистский, бороться, героизм, герой, голод, доблесть, добросовестный, драться, индустриальный, капитализм, каторжный, квалифицированный, коллективный договор, красное переходящее знамя, любить труд, мерило ценностей (заслуг), механизированный, мирный, на благо общества, напряженный, неквалифицированный, нечеловеческий, нищета, нужда, обязательства, освобожденный, передовой, план, побоевому, по-большевистски, по-новому, передовик, подвиг, подневольный, подъем, почетный, презренное занятие, пятилетка, раб, рабочая сила, рабочий, рабочий класс, рабство, радость, рекорд, рекордный, рост, ручной, свободный, сельскохозяйственный, слава, сознательный, социализм, социалистическое отношение к труду, социалистическое соревнование, стахановец, стахановский, творческий, темпы, трудовень, трудовая жизнь, трудовое человечество, трудовой народ, трудящийся, труженик, тяжелый, угнетенный, ударник, ударный, умственный, уплотнение, упорный, успехи, физический, царство труда, человеческий, честный, честь, эксплуатация, энтузиазм, ярмо.*

В контексте они способствуют формированию смысловых составляющих концепта «труд». При этом идеологическое оценивание стоящих за данными лингвоспецифичными словами явлений действительности способствует идеологизации содержания концепта.

2. Фреймовая структура помогает выделить основные аспекты идеологизации концепта «труд». Для экспликации его содержательных составляющих релевантными оказываются Субъект, Объект, Результатив, Модификатор, Инструмент, Локатив. Эти элементы фрейма репрезентируют следующие идеологизированные составляющие «Труда»:

– Модификатор и Инструмент:

‘прогрессивная деятельность’ («+»),

‘регрессивная деятельность’ («–»);

– Субъект, Интенсификатор, Объект:

‘интенсивный труд при максимальных усилиях субъекта’, ‘масштабные преобразования’, ‘коллективный’ («+»);

– Субъект, Объект, Инструмент, Результатив, Целеполагание:

‘творит материальные ценности и ментальные сущности’, ‘развивает способности субъекта’, ‘имеет целью новую прекрасную жизнь’ («+»);

– Субъект, Результатив:

‘труд, осуществляемый в соответствии с идеологическими предписаниями, оборачивается личной пользой для субъекта и общей пользой для рабочего класса’ («+»),

‘эксплуатация препятствует труду, направленному на общую пользу’ («-»);

– Локатив:

‘охватывает все советское государство’ («+»).

3. Идеологическая оценка *хорошо – плохо* для рабочего класса провоцирует разную наполненность двуполюсного содержания анализируемого концепта. Положительный полюс идеологической оценки, соответствующий сфере «нашего» труда, порождает следующие смысловые составляющие концепта:

– квалификативные составляющие:

‘прогрессивная деятельность’, ‘стремится к обобщенной форме труда’;

– количественные составляющие:

‘интенсивный труд при максимальных усилиях субъекта’, ‘масштабные преобразования’, ‘коллективный’, ‘неинтенсивный труд карается законом’, ‘охватывает все советское государство’;

– этические составляющие:

‘гуманный’, ‘добровольный’, ‘альтруистичный’, ‘субъект свободен’, ‘труд, осуществляемый в соответствии с идеологическими предписаниями, оборачивается личной пользой для субъекта’, ‘труд субъекта оборачивается общей пользой для рабочего класса’;

– эстетические составляющие:

‘творит материальные ценности и ментальные сущности’, ‘развивает способности субъекта и обогащает общество’, ‘приближает новую прекрасную жизнь’.

Отрицательный полюс идеологической оценки, соответствующий области «чужого» труда, характеризуется меньшим количеством составляющих:

– квалификативные составляющие:

‘регрессивная деятельность’;

– этические составляющие:

‘антигуманный’, ‘принудительный’, ‘субъект несвободен’, ‘эксплуатация препятствует труду, направленному на общую пользу’.

Столь небольшое количество содержательных составляющих сферы «чужого», вероятно, обусловлено закрепленным в общественном сознании идеологически ориентированным оценочным стереотипом, согласно которому все, что находится в оппозиции к официальной идеологии, отрицательно оценивается и концептуально не разрабатывается.

2.1.2. Смысловые составляющие концепта «труд» в газете «Магнитогорский рабочий» (1941-1945 гг.)

Охарактеризуем кратко **социально-политические условия**, оказавшие влияние на идеологизацию концепта «труд».

22 июня 1941 г. в полдень с обращением к народу выступил В. Молотов. От имени правительства он сделал заявление о вторжении врага, в котором выразил уверенность, что население страны отнесется «с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду». Заканчивалось обращение словами, вскоре ставшими крылатыми: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами» [Новейшая история... 1998: 136].

Сталин обратился к народу 3 июля 1941 г. В основу его выступления легла директива Совнаркома и ЦК партии от 29 июня 1941 г., в которой было заявлено: *Теперь все зависит от нашего умения быстро организовываться и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагом* [Из директивы Совнаркома... 1968: 40]. Важнейшей частью речи Сталина был план мер, направленных на *немедленную перестройку всей нашей работы на военный лад* [Александров и др. 1949: 186].

В основу перестройки был положен принцип максимальной централизации политического, хозяйственного и военного руководства. Нарком Б. Л. Ванников, оценивая военный потенциал страны в 1941 г., отмечал: *Никаких существенных изменений в количестве заводов и наркоматов оборонной промышленности за это время не произошло. Не были да и не могли быть введены также какие-либо значительные производственные мощности. Следовательно, рост выпуска валовой продукции происходил*

только за счет перевода оборонных заводов на режим военного времени. Это означало увеличение коэффициента использования оборудования, переход на полную трехсменную работу и непрерывную неделю, увеличение числа рабочих и т. д. [Ванников 1988: 152-153].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. рабочие и служащие военных предприятий и смежных с ним производств объявлялись на период войны мобилизованными и закреплялись за этими предприятиями. *Самовольный уход рабочих и служащих с предприятий указанных отраслей промышленности, в том числе эвакуированных рассматривать как дезертирство, и лиц, виновных в самовольном уходе (дезертирстве), карать тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет* [Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности... 1991: 501].

Заработная плата в сложившейся ситуации далеко не отражала реальное материальное положение населения. Исключительно тяжелым бременем для семейного бюджета были государственные налоги и займы (последние в годы войны носили обязательный характер). Отрывок из письма учителя Востокова председателю Госплана СССР Н. А. Вознесенскому служит яркой иллюстрацией военной финансовой политики: *Весь бюджет строится на максимальном обирании трудящихся. Моя зарплата 800 руб. (семья 14 человек). На руки получаю в месяц 454 руб. (на одного члена семьи 32 руб. 46 коп.), остальные Зверев [нарком финансов СССР – О. Ч.] берет в виде военного налога, подоходного, займа на оборону и пр. и пр.* [Из письма учителя Востокова... 1991: 518].

Жизнь горожан и сельчан преимущественно была заполнена работой, заботами, поисками пропитания. Постановлением Совета Народных Комиссаров от 18 июля 1941 г. вводились карточки на продовольственные и промышленные товары [О введении карточек... 1968: 42-44]. Количество продуктов, отпускаемое по карточкам, не соответствовало реальным запросам населения: *Вы подумайте какой ужас представляет собой эта карточка. Детям с 12-летнего возраста – растущему организму по этой карточке отпускается в день 300 гр. хлеба, 6 гр. жиров, 3 гр. сахара, 20 гр. мясопродуктов (яичный порошок) и 20 гр. круп. Обычно хлеб съедается утром за день вперед, а весь день буквально голодают. Этих продуктов не хватает на поддержание жизни* [Из письма учителя Востокова... 1991: 518].

За годы войны не проводилось ни пленумов (за исключением одного – в январе 1944 г.), ни съездов партии. Политбюро ЦК осуществляло свои функции лишь постольку, поскольку ряд его членов и кандидатов входили в состав Государственного Комитета Обороны [Новейшая история... 1998: 137].

Перейдем к анализу контекстов, в которых реализуются смысловые составляющие анализируемого концепта.

В 1941 г. меняется ведущая общественно-политическая идея: от строительства коммунизма к борьбе с фашизмом. Социальный мир – это мир, конструированный смыслами [Яковлев 1999: 13]. Изменение интересов общества обусловило иерархические перестановки в составе лексем-вербализаторов концепта «труд». В военное время по сравнению с 1933-1940 гг. важные содержательные составляющие концепта репрезентированы минимумом лексических единиц. По этому поводу Д. А. Яковлев пишет: «Система, будь то сознание индивида или общественное сознание, стремясь к целостности, регулируется путем восполнения отсеченных ее звеньев и опосредований, которые замещаются новым отношением, обеспечивающим ее существование и развитие. Операции восполнения позволяют системе «выжить», изменяясь в ходе этого процесса» [Яковлев 1999: 13].

Выбор говорящим лексических единиц для оптимального способа выражения концепта «труд» в годы войны обусловлен идеологическими требованиями отражения тех или иных элементов реальной картины мира, стереотипами выражения определенных смысловых фрагментов высказывания. Новое знание, новое осмысление создается в процессе **проведения смысловых параллелей между трудом и войной**.

‘Труд’ и ‘война’, по сути, отдельные понятия, которые «соотносятся с разными фрагментами понятийной системы» [Новиков 1989: 98]. Тем не менее в газетах военного времени наблюдается их явное сближение.

Труд прямо уподобляется войне в высказываниях: ***Труд** магнитогорцев по героизму своему **похожен отваге воинов** на поле боя* (МР, 1944, № 98); ***Наступление на фронте советский народ подкрепляет наступлением в труде. Сейчас с новой силой разгорается пламя великого соревнования в честь XXV годовщины Красной Армии*** (МР, 1943, № 17); *Все – на **трудовой и военный фронт**, все на защиту страны социализма!* (МР, 1941, № 154).

В газетных контекстах отождествляются ценности участия в военных действиях и труде: *В Великой Отечественной войне по-настоящему раскрываются качества наших людей, независимо от того, выполняют ли они свой долг с оружием в руках или на трудовом посту* (МР, 1943, № 16); *Публикуемые указы Президиума Верховного Совета СССР показывают, что в нашей стране, наравне с проявлением отваги в бою и военной доблести, ценится отличие на трудовом фронте, трудовая доблесть, героизм социалистического труда* (МР, 1938, № 297); *Замечательные образцы трудовой доблести и новые трудовые подвиги приносит каждый день отечественной войны* (МР, 1941, № 162).

Близость и даже сходство *труда* и *войны* репрезентировано в синтагматическом сходстве. Так, идентичны модели поведения субъектов (*отвага воинов – труд магнитогорцев по героизму; военная доблесть – трудовая доблесть; наступление на фронте – наступление в труде; с оружием в руках – на трудовом посту*).

Отождествление труда и военных действий влечет за собой активизацию в концепте «труд» смысла ‘борьба’. Расширение значения слова *труд* происходит при помощи метафорического переноса по принципу ассоциативных связей.

Основой переноса для метафорических наименований, построенных на основе ассоциативных связей, является информация, которая извлекается не непосредственно из семантической структуры исходного значения, а из знания о денотате. Процесс метафоризации проходит промежуточную стадию генерализации основания сравнения, которое осуществляется по обобщенному признаку, и только затем, аналогически перейдя на новую субстанциальную базу, признак снова конкретизируется методом моделирующего сравнения применительно к новой сфере бытия [Бучина 2003: 12]. Например, в метафорических производных *трудовой подвиг, трудовой героизм, трудовая доблесть, наступление в труде* базовым является образ борьбы и превосходства.

Использование этого образа в ассоциативной функции имеет следствием то, что целый ряд признаков (‘победы’, ‘борьба’, ‘превосходство’, ‘самопожертвование’, ‘подвиг’), не осознаваемых в качестве значимых в объеме многообразных знаний о труде, «при актуализации в ассоциативной роли (оказываясь в фокусе метафоры) начинают осмысляться как самостоятельно значимые, коммуникативно релевантные, то есть ассоциативное воплощение своеобразно усиливает их, делает более яркими» [Илюхина 1998: 117].

Метафорическое осмысление *труда* как 'борьбы' повлекло за собой переименование многих реалий труда.

1. Новые номинации субъекта труда: *боевые силы, бойцы*. Эти лексемы «соотносятся с базовой шкалой политических ориентаций» [Шейгал 2000: 123], отсылающей к основному компоненту политического мира: борьбе с фашизмом. Например: – *Да здравствует 1 Мая – день смотра **боевых сил** трудящихся!* (МР, 1944, № 84); *Мы в своих рядах имеем много передовых **бойцов** трудового фронта, которые своими трудовыми делами крепят оборонную мощь родины* (МР, 1941, № 218); *От наших передовых **бойцов** трудового фронта мы ждем дальнейших побед на фронте стали* (МР, 1942, № 119).

2. Переименованию подверглись трудовые *достижения, успехи, рекорды*. Замена этих номинаций на маркеры военной сферы (*подвиг, победа*) определяет специфику языкового сознания военного времени и концепта «труд» как его части: обозначить высшую степень агональности (борьбы с противником). Например: *Кузнецы заявляют, что они встретят 1 Мая значительными **трудовыми победами** и будут шагать в шеренге победителей* (МР, 1944, № 69); *Чудесные люди, которых вырастила Сталинская Магнитка, творят великие **трудовые подвиги*** (МР, 1944, № 114); *Передовики стройки честно выполняют свои обязательства и своим примером зовут всех строителей на **героические подвиги в труде*** (МР, 1944, № 67).

3. Созданная газетой реальность представляет *труд* как 'поле боя'. Метафоричность значения сочетания *фронт труда* предопределяет специфику его функциональной нагруженности, которая состоит в ориентации членов советского общества. Ассоциативная «аура» сочетания – «конденсат фоновых знаний» [Шейгал 2000: 167] – служит средством репрезентации идеи всеобщих военных действий. Денотативное ядро значения сочетания имеет определенную степень фантомности, оно трудно определимо. Тем не менее, контекстные партнеры *фронта труда*, как то: *победы, героизм, доблесть* – моделируют семантический признак 'реорганизация труда на военный лад'. Коннотативная зона обширна; она включает эмотивную коннотацию 'торжество трудовых действий' и идеологическую коннотацию 'борьба с врагом'. Например: *Трудящиеся Сталинской Магнитки пришли к 1 Мая с крупными **победами на трудовом фронте*** (МР, 1944, № 86); *Во имя чести и независимости Родины советские труженики проявляют **доблесть и героизм на фронте труда*** (МР, 1944,

№ 45); *Во имя чести и независимости Родины советские женщины, юноши и девушки проявляют доблесть и героизм на фронте труда* (МР, 1944, № 46).

4. Контексты военного времени в качестве релевантного концептуального смысла труда эксплицируют семантику результатива. Результатив вербализуется при помощи слов конкретной семантики либо путем метафорических номинаций. Приведем примеры: *Мы в строй у мартенов и домен встали, / Трудом защищая отчизну свою. / Помни, что каждая тонна стали / Снарядом летит на фашистов в бой* (МР, 1941, № 157); *Сегодня, в суровый военный час, / Нет сильнее, дружнее и сплоченнее нас. / Наши нивы – богаты, заводы – сильны, / Быстро полнится фонд обороны страны. / Каждый трудящийся горд и рад / Внести свой посильный, свой честный вклад. / Наши рубли, наш стахановский труд / Взбесившихся гадов с земли сотрут* (МР, 1941, № 182); *Рабочий Москвы! Твой труд – это оружие и боеприпасы для героических сынов нашего народа, в кровопролитных сражениях грудью отстаивающих красную столицу* (МР, 1941, № 245).

Каждый факт, отраженный в выражениях *наши рубли*, *тонна стали*, *оружие и боеприпасы*, содержит скрытый механизм разворота. Ситуация может быть развернута следующим образом: результатом труда является оружие, боеприпасы, техника, деньги на закупку оборудования, оплату рабочим, крестьянам и т. д.; этот механизм сформирует фонд обороны страны; оборонные силы уничтожат врага. По сути, ситуация отражает систему формирования, использования и распределения денежных средств. Важно, что слово *труд* является тем ключом, который способствует развертыванию этой ситуации в данном контексте. Происходит процесс наведения семы 'обслуживание военных нужд', 'продукция для ведения войны'.

Субъект труда-борьбы в данных примерах представлен местоимениями *мы*, *наш*, *наши*, *твой*, которые очерчивают границу вокруг «нашего» мира, отделяя его от *взбесившихся гадов* фашизма. Местоимение 2 л. ед. ч. *твой* указывает на то, что общественно значимая проблема будет рассмотрена в сугубо личностном плане. Приоритет отдельной личности над социальными группами способствует более быстрой выработке эмоции сознательности в каждом индивиде. Политическая проблема борьбы приобретает личностный характер.

В следующих контекстах результат труда представлен посредством метафорических номинаций: *А сейчас я стахановской работой на производстве кую победу*

над коварным врагом (МР, 1941, № 166); *Перевыполняя задание, стахановцы дистанции тем самым оказывают конкретную помощь фронту, ибо каждый процент перевыполнения наших планов – это удар по ненавистному фашизму* (МР, 1941, № 180); *Не время думать сейчас о досуге, / Всюду нужны рабочие руки. / Женщина! Вместо мужа и брата / Работать иди в цеха комбината. / На транспорте, стройке, колхозном току / Честной работой бей по врагу* (МР, 1941, № 187).

Метафорический способ именования Результатива (*удар, победа, бей по врагу*) «представляет собой результат пересечения или наложения двух систем восприятия окружающей действительности: буквальная, физическая и идеальная, ценностная, которая существует в когнитивной базе лингво-культурного сообщества» [Бучина 2003: 13].

Основой метафорического переноса является комплекс ассоциаций, вызываемых соприкосновением конкретных реалий труда и системы приоритетов советского общества. Базовый образ борьбы с фашизмом актуализирует выводное знание о продуктах труда как ‘способе уничтожения врага’.

Для военного публицистического дискурса особо значимым является субъект труда. Контексты отражают рефлектируемый языковым сознанием идеал Исполнителя через репрезентацию механизма производства и распределения продуктов труда: *Каждый советский человек знает, что его труд не пропадет даром, что он необходим для отчизны, для родной Красной Армии* (МР, 1941, № 210); *Танки, пушки, снаряды и другое вооружение, сделанное руками южноуральцев, нескончаемым потоком идут на фронт* (МР, 1943, № 53); *Труд тружеников воплощен в грандиозной Сталинской Магнитке, он воплощен в исторических победах Красной Армии, он принесет нам победу над врагом и даст нам снова радостную, счастливую жизнь* (МР, 1944, № 147); *Труженики тыла неустанно кующие разящее оружие во все возрастающем количестве, помогают Красной Армии бить врага* (МР, 1944, № 93).

Деятельность субъекта труда оценивается по типу «Хорошо, что Р» [Вольф 1985: 14]: «хорошо, что пушки, снаряды, вооружение и т. д.». Общее приятие субъекта труда как объекта оценки редуцирует черты характера, константу личности, которые проявляются «везде и всегда». Положительная оценка дается фактам поведения, то есть действию единичному, приуроченному к определенному времени и месту («здесь и теперь»)» [Чернейко 1996: 44]. Данное обстоятельство позволяет расширить

ЛСГ слов, отражающих роль Субъекта труда, за счет слов нетрудовой семантики *южноуральцы, советский человек*. Выбор номинаций-локативов допустим также в силу того, что стереотип «каждый в СССР – труженик», будучи репрезентантом идеологического пространства, стал неотъемлемой частью когнитивной базы общества.

Элементы поведения субъекта труда являются регулярными, употребляются в сходных ситуациях, что хорошо видно на примере оценочного суждения. Тем самым устраняется их многообразие. Модель поведения субъекта труда исчерпывается семантикой: ‘производство вооружения для победы в войне’. Выражения *нескончаемым потоком, все возрастающее количество*, содержащие мелиоративную параметрическую оценку деятельности Исполнителя, актуализируют коннотацию ‘бесконечное увеличение’. В совокупности актуальные семы формируют смысл ‘субъект должен бесконечно увеличивать производство вооружения для фронта’. Модальность долженствования обусловлена политикой тоталитарного государства.

Деятельность человеческого сознания направлена не только на окружающий мир, но и на себя самого [Дмитровская 1991: 80]. Осознание себя как личности более продуктивно при идентификации индивидом результатов собственной деятельности и их материального эквивалента. Для газетных публикаций релевантны и частотны высказывания с лексемами *Красное знамя, медаль «За трудовое отличие», «За трудовую доблесть»* и т. д. Примечательно, что в контекстах военного времени впервые в роли награды начинает выступать премия. Приведем иллюстративные примеры: *Мы установили несколько рекордов, за которые директор комбината тов. Носов поблагодарил коллектив смены, а самых лучших премировал ценными премиями* (МР, 1944, № 95); *Для премирования отличившихся в соревновании в мае – доменному цеху вашего завода выделено 250 тысяч рублей* (МР, 1942, № 139); *На отделочных работах люди его звена за восемь рабочих дней выработали больше, чем по месячной норме. Их премировали ценными премиями* (МР, 1945, № 11).

Лексемы *премия, премировал* в данных ситуациях употребления используются в своем основном значении ‘денежное поощрение в награду за что-л.’. Его вербальной экспликации также способствует контекстное окружение: *ценные, 250 тысяч рублей*. Особая роль анализируемых лексем в репрезентации контекстуального содержания *труда* заключается в отражении изменения статуса субъекта в советском обществе. Актуализация финансового фактора как стимула трудовых действий субъекта экспли-

цирует перемещение ценностной составляющей общества в личностную, частную сферу индивида. Ядерная сема актуального значения слова *труд* периода 1933-1940-х гг. 'без денежного вознаграждения' в данных контекстах редуцируется. Ее заменяет сема 'денежное вознаграждение'. Следует отметить, что формируемые данными семами содержательные составляющие концепта 'денежное вознаграждение субъекта' и 'альтруистичный' в газетных контекстах вовсе не исключают друг друга, а органично сосуществуют.

Контексты военного времени обнаруживают этноязыковое осмысление значения слов *трудиться* и *работать*. Объем семантических признаков лексем *работать* и *трудиться* вербализован в знаках вторичного образования. Их семантика передает типовую ситуацию интенсивности труда. Приведем в качестве примера высказывания: *Без устали трудились машинисты т.т. Ванаев, Скоробогатов, Числов* (МР, 1945, № 33); *Горняки, патриоты любимой родины, воодушевленные призывом тов. Сталина, отдают все силы, трудятся, не покладая рук, чтобы выполнить и перевыполнить задания родины, фронта* (МР, 1941, № 285); *Это люди, которые работают действительно по-военному, скоростными методами, строят добротню, трудятся не щадя своих сил* (МР, 1943, № 18); *Сварщики, вальцовщики, резчики трудятся так, как еще никогда не трудились* (МР, 1944, № 95); *Работайте, не покладая рук, на поддержку фронта!* (МР, 1941, № 259); *Это люди, которые идут на работу, как в бой и побеждают* (МР, 1941, № 18); *Работали так, что дух захватывало* (МР, 1941, № 262); *Война продиктовала новые нормы: одному работать за двоих и троих* (МР, 1941, № 177).

Уточняющие аспекты протекания глагольного действия, обусловленные целями коммуникации [Бабенко 1986: 23], выражены фразеологизмами и устойчивыми сочетаниями в позиции обстоятельств. На основе предсказуемых валентностных связей глаголов *трудиться* и *работать* зафиксированная в сознании стереотипическая ситуация 'трудиться много, прилагая большие усилия' объективируется путем устойчивой ассоциации с воображаемой ситуацией: *трудиться без устали; трудиться не покладая рук; трудиться, как еще никогда не трудились; на работу, как в бой; дух захватывало, работать за двоих и троих*. Эти знаки вторичной номинации в качестве «когнитивного субстрата используют мыслительный образ» [Алефиренко 2002: 21], стоящий за базовыми словами концепта «труд». Образ труда обнаруживает ассоциа-

ции: «усилия», «протяженность во времени», «интенсивность», «самопожертвование». Вербализуясь в знаках вторичной номинации, они обуславливают репрезентацию одной и той же ситуации труда под разным углом зрения. В контексте это приводит к формированию разноплановых смысловых составляющих ‘большое количество усилий субъекта’, ‘интенсивность действий субъекта’, ‘самопожертвование субъекта’, ‘непрерывные действия субъекта’.

Таким образом, осмысление метафорической модели *труд – это война* осуществляется через когнитивное преобразование знаний о дискретных элементах *труда* (субъекте, инструменте, результате и т. д.). Такая детальность описания ситуации труда является, по мнению А. Н. Баранова, «процедурным механизмом воздействия на сознание» [Баранов 2001: 224]. Существование в языковом сознании набора идеологически ориентированных дискретных элементов позволяет им легко актуализироваться и воспроизводить связанные с ними другие элементы, хранящиеся в памяти аудитории.

Выводы.

1. Анализ высказываний позволяет выделить основных контекстных партнеров слов *труд*, *работа* как имени концепта. Перечислим: *без устали, безработица, бесплатный, боевая задача, боевые силы, бой, бойцы, большевистский, бороться, вооружение, героизм, герой, голод, доблесть, добросовестный, драться, за двоих и троих, индустриальный, инициатива, капитализм, каторжный, квалифицированный, ковать гибель, коллективный договор, коммунизм, Красное знамя, красное переходящее знамя, любить труд, люди труда, медаль «За трудовую доблесть», медаль «За трудовое отличие», мерило ценностей (заслуг), механизированный, мирный, на благо общества, напряженный, наступление, не покладая рук, не щадя сил, неквалифицированный, нечеловеческий, нищета, нужда, обязательства, освобожденный, передовик, передовой, план, по-боевому, по-большевистски, по-новому, победы, подвиг, подневольный, подъем, почетный, презренное занятие, премия, пятилетка, раб, рабочая сила, рабочий, рабочий класс, рабство, радость, рекорд, рекордный, рост, ручной, свободный, сельскохозяйственный, слава, созидательный, сознательный, социализм, социалистическое отношение к труду, социалистическое соревнование, стахановец, стахановский, творческий, темпы, трудовой пост, трудовень, трудовая жизнь, трудовое человечество, трудовой народ, трудовые резервы, трудовые руки, трудя-*

щийся, труженик, труженик-патриот, тяжелый, угнетенный, ударник, ударный, умственный, уплотнение, упорный, успехи, физический, фронт труда, царство труда, человеческий, честный, честь, эксплуатация, энтузиазм, ярмо.

В контекстах они способствуют формированию содержательных составляющих концепта «труд», специфика которых обусловлена идеологическими требованиями отражения тех или иных элементов реальной картины мира в военное время. Идеологическая заданность, репрезентированная в модели перестройки всех реалий действительности на военный лад, обуславливает идеологизацию содержания анализируемого концепта.

2. Фреймовая структура помогает выделить основные аспекты идеологизации концепта. Для экспликации его содержательных составляющих релевантными оказываются Субъект, Объект, Результатив, Инструмент, Модификатор, Локатив. Эти элементы фрейма репрезентируют следующие идеологизированные составляющие «Труда»:

– Модификатор и Инструмент:

‘регрессивная деятельность’ («–»);

– Субъект, Объект, Интенсификатор:

‘интенсивный труд при максимальных усилиях субъекта’, ‘коллективный’, ‘непрерывный труд субъекта’ («+»);

– Субъект, Объект, Инструмент, Результатив, Локатив:

‘борьба с врагом’, ‘обслуживание военных нужд’, ‘производство вооружения для победы в войне’, ‘денежное вознаграждение субъекта’ («+»);

– Субъект, Результатив:

‘труд, осуществляемый в соответствии с идеологическими предписаниями, оборачивается личной пользой для субъекта и общей пользой для рабочего класса’ («+»),

‘эксплуатация препятствует труду, направленному на общую пользу’ («–»);

– Локатив:

‘охватывает все советское государство’ («+»).

3. В военный период сохраняется двуполусная структура содержания концепта «труд». Положительный полюс идеологической оценки подвергается значительным

трансформациям. Четкая структурированность содержательных составляющих концепта, какая была в 1933-1940 гг., разрушается.

Нерелевантными для языкового сознания становятся квалификативные и эстетические составляющие: 'прогрессивная деятельность', 'стремится к обобщенной форме труда', 'интенсивный труд при максимальных усилиях субъекта', 'масштабные преобразования', 'коллективный', 'неинтенсивный труд карается законом', 'творит материальные ценности и ментальные сущности', 'развивает способности субъекта и обогащает общество', 'приближает новую прекрасную жизнь'.

Меняется блок количественных составляющих. Контексты репрезентируют только те составляющие концепта, которые соответствуют идеологическому требованию – максимальной мобилизованности усилий субъекта как условия достижения победы: 'интенсивный труд при максимальных усилиях субъекта', 'коллективный', 'неинтенсивный труд карается законом'. Поэтому элемент 'масштабные преобразования' становится нерелевантным для содержания концепта «труд».

Полностью сохраняются этические составляющие: 'гуманный', 'добровольный', 'альтруистичный', 'субъект свободен', 'труд, осуществляемый в соответствии с идеологическими предписаниями, оборачивается личной пользой для субъекта и общей пользой для рабочего класса'.

Содержание концепта обогащается новыми составляющими: 'борьба с врагом', 'реорганизация труда на военный лад', 'обслуживание военных нужд', 'производство вооружения для победы в войне', 'непрерывный труд субъекта', 'денежное вознаграждение субъекта'.

Следует отметить, что в анализируемый период идеологически не разрабатываются новые содержательные составляющие «Труда», которые отражают область «чужого» и имеют отрицательную идеологическую оценку. Контексты эксплицируют идентичное периоду 1933-1940 гг. содержание отрицательного полюса идеологической оценки.

– Кваликативная составляющая:

'регрессивная деятельность';

– этические составляющие:

'антигуманный', 'принудительный', 'субъект несвободен', 'эксплуатация препятствует труду, направленному на общую пользу'.

Столь небольшое количество содержательных составляющих сферы «чужого», вероятно, обусловлено тем, что ведущей общественно-политической идеей становится борьба с фашизмом, и идеологическое противостояние «социализм – капитализм» отступает на второй план.

2.1.3. Смысловые составляющие концепта «труд» в газете «Магнитогорский рабочий» (1960-1970 гг.)

Охарактеризуем кратко **социально-политические условия**, оказавшие влияние на идеологизацию концепта «труд».

Первая половина 1960-х гг. знаменуется концепцией «возврата к ленинизму», романтизацией революции и коммунистических идей, очищением от грехов сталинизма. Академик Л. Ф. Ильичев на общем собрании Академии Наук СССР, посвященном 45-й годовщине Великого Октября (октябрь 1962 г.), отмечал в своем докладе: *Наша партия, ее Центральный Комитет проделали большую, исторического значения работу по ликвидации тяжелых и вредных последствий культа личности, в том числе и в области идеологии, науки и культуры. Ныне созданы все условия для плодотворной деятельности работников и учреждений общественных наук, для творческого развития марксистско-ленинской теории. Главное сейчас – до конца выкорчевать последствия культа личности в общественно-научной области, восстановить и развить дальше ленинский стиль, ленинские методы научного творчества* [Из доклада акад. Л. Ф. Ильичева... 1996: 493].

Рассмотрение проблем общественной жизни под флагом борьбы с последствиями культа личности какое-то время имело несомненный успех, консолидировало власть и общество, породив культурный феномен «шестидесятников» [Новейшая история... 1998: 211].

Правительство СССР стало неоднократно обращаться к проблемам материальной заинтересованности работников и экономической выгоды предприятий. Направление преобразований определила третья Программа КПСС (октябрь 1961 г.), которая подчеркивала роль экономических методов управления производством, возрастающее значение таких хозяйственных рычагов, как прибыль, цена, рентабельность [Из Программы КПСС... 1969: 450-460]. Одной из главных задач становится проблема всестороннего и гармонического развития человеческой личности: *В период перехода к*

коммунизму возрастают возможности воспитания нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство [Из Программы КПСС... 1969: 450-460]. На XXII съезде КПСС был утвержден *Моральный кодекс строителя коммунизма*. Он включал такие нравственные принципы:

- добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест;
 - высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов;
 - преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма;
 - коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного
- и др. [Из Программы КПСС... 1969: 450-460].

Во второй половине 1960-х гг. КПСС приступила к теоретико-методологическим поискам, к которым подталкивал тезис третьей Программы партии о строительстве коммунизма как непосредственной задачи, которую в основном следовало решить к началу 80-х гг. Л. И. Брежнев в отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду партии констатировал: *Широко поставленная теоретическая работа призвана ярким маяком освещать путь нашей партии <...> Советский народ решает величайшую в истории человечества социальную задачу – строит коммунизм. Мы должны научить сначала большинство, а затем и всех трудящихся работать так, как работают сегодня наши славные передовики, мастера труда. Это люди как бы из будущего. Они трудятся так, как будут трудиться все при коммунизме. Это имеет огромное значение для успеха идеологической работы* [Отчетный доклад... 1966: 100-101].

В 1967 г. на основе выдвинутого Л. И. Брежневым тезиса была сконструирована концепция «развитого социализма». Эта концепция, с одной стороны, демонстрировала «большие успехи», достигнутые страной под руководством партии, а с другой – не давала какой-либо определенности относительно сроков достижения конкретных целей: повышения благосостояния народа, демократизации общества, перехода к общественному самоуправлению.

Согласно концепции «развитого социализма», существовавший в стране порядок объявлялся высшим достижением социального прогресса. Советская реальность

представлялась как высшее достижение человечества, а проблемы, кризисные процессы оправдывались в качестве отдельных негативных явлений и недостатков: *Социализм обеспечил развитие производительных сил во всех советских республиках, расцвет и взаимное обогащение национальных культур. Советский Союз показал пример создания монолитного государства, где обеспечен расцвет всех наций и народов* [Косыгин 1974: 419].

В ноябре 1969 г. прошел Третий Всесоюзный съезд колхозников, на котором был утвержден новый Примерный Устав колхоза. На съезде были определены основы жизни и труда советского крестьянства в условиях развитого социализма и строительства коммунизма. Главное положение Устава – *ускорение темпов социалистического сельского хозяйства и дальнейшее повышение активности колхозного крестьянства в коммунистическом строительстве* [Берхин 1979: 556].

Перейдем к анализу контекстов, в которых реализуются смысловые составляющие анализируемого концепта.

Газетные публикации периода 1960-1970 гг. эксплицируют возникшую в обществе проблему поиска нового стимула для идеи самоотверженного труда как средства строительства коммунизма. Причиной этого, по мнению Д. Быкова, стал «мировоззренческий кризис благополучного пролетария, которому труд уже не доставляет сознания своего героизма» [Быков 2002: 20]. Исчезновение патриотического настроения членов общества становится насущной проблемой политики партии и получает яркое воплощение в газетных публикациях: *«Самые хорошие планы не будут выполнены, если те, кто трудиться у станков или в поле, на животноводческой ферме, в научно-исследовательском институте или сфере услуг, не вложат в дело частицу своего сердца, своей души»*. Л. И. Брежнев (МР, 1976, № 11); *Заботясь о развитии движения за коммунистическое отношение к труду, партийная, профсоюзная, комсомольская организации видят свою главную цель – сплотить, укрепить коллектив, сделать так, чтобы интересы завода были для каждого его собственными интересами. Потому что, когда нет такого единства, трудно ждать и успеха* (МР, 1973, № 54); *Обучить молодых людей профессии, при теперешнем высоком уровне их образования, не так уж трудно. Гораздо труднее воспитать в них любовь к труду, привить высокое чувство ответственности за порученное дело* (МР, 1973, № 55).

Контексты отражают ситуацию ослабления идеологического контроля над общественным сознанием. Этот процесс обусловил сдвиг в устоявшемся балансе идеологической системы и выразился в проблеме поиска средств для воспитания в каждом индивиде *любви к труду*. Актуальность проблемы воспитания любви к труду определена генеральной линией партии, о чем свидетельствуют контекстные партнеры идеологии *Л. И. Брежнев, партийная, профсоюзная, комсомольская организации*.

Поиск новых смысловых наращений к смысловым составляющим концепта «труд» происходит в разных направлениях: **этическом, физиологическом, социально-общественном**. Примечательно, что идеологические стимулы формируются преимущественно на базе индивидуальной заинтересованности в труде рядового члена общества.

Социальная и индивидуальная ипостаси личности тесно связаны между собой. При осмыслении новых явлений реальной действительности индивид склонен наделять «личностным значением социальные категории» [Вепрева 2002б: 318], поскольку на индивидуальном уровне легче конкретизировать новые когнитивные признаки того или иного понятия. Это облегчает их восприятие, понимание и запоминание.

Подмена «общественного» «личностным» при описании ситуаций труда позволяет идеологии успешно формировать новые установки в индивидуальном сознании. По мнению А. Н. Баранова, в политической аргументации в разной мере могут использоваться разные ценности, поскольку «аргументативный потенциал различных ценностных категорий далеко не одинаков» [Баранов 2001: 225]. Значительную часть **этических** добавок к понятию *труд* предлагают газетные публикации: *В нашей большой и дружной семье немало замечательных людей, для которых труд не просто источник средств для существования, а насущная органическая потребность. Взгляни на сталевара 34-й мартеновской печи Сергея Вавилова. Этот невысокий, даже, пожалуй, щуплый человек становится подлинным богатырем у мартена, когда ведет плавку. Лицо его в эти минуты окрашено подлинным вдохновением, а в глазах сияют отблески пламени бушующего в печи. Нет, не рубль вызвал это вдохновение, а понимание своего места в жизни* (МР, 1963, № 133); *Стыдно мне было в ту минуту, а в душе росла гордость за товарища, за то, что труд для него не только средство к существованию, а нечто большее* (МР, 1963, № 203); *Мы должны отдавать труду*

все свои знания, **работать творчески**, создавать что-то новое. Иначе неинтересно жить (МР, 1976, № 21).

Приведенные контексты демонстрируют новые способы интерпретации уже известных семантических признаков *труда*. Выражение *средство к существованию* актуализирует второй ЛСВ данного слова: 'повседневные занятия, работа'. Этот ЛСВ в обыденном языковом сознании, как правило, имеет яркие семы 'заработная плата', 'вознаграждение' и т. д. Однако в анализируемых высказываниях наблюдается попытка смены референта (союзы: *не только... а, иначе*) на идеологически выгодный, поскольку тоталитарному обществу свойствен ригоризм: деньги и высокая идея несовместимы. По словам Н. Д. Арутюновой, «при отсутствии у адресата таксономически структурированных знаний о предмете сообщения говорящий должен их ему предоставить. Без этого не может быть адекватно воспринята предикация» [Арутюнова 1999: 30].

Газетные контексты, сохраняя связь *труда* с прежней референциальной соотносительностью, в качестве новых смыслов репрезентирует абстрактные признаки из мира идей: «нечто», «жизненный интерес», «место в жизни», «вдохновение». В совокупности они формируют фантомный денотат 'смысл жизни'. Его активизация в речевом высказывании размывает системный денотат 'работа' и все присущие ему коннотации. Прежде всего, это отрицательно воспринимаемые языковым сознанием семантические компоненты 'усилие', 'затраты времени'. Образ труда становится привлекательным. В. Г. Гак пишет по этому поводу: «При любой подобной эволюции значения слово, как правило, сохраняет определенную (пусть измененную) референционную соотносительность с элементом внеязыковой действительности, определенный денотативный потенциал» [Гак 2003: 88]. Качественно новое актуальное значение 'смысл жизни', дополняя понятийный «скелет» [Арутюнова 1999: 3] *труда*, порождает контексты, в которых оно последовательно осмысляется.

Обозначив труд как объект метафизических исследований, авторы тенденциозных контекстов пытаются выяснить: существует ли у труда такая возможная цель, которая поистине могла бы составить смысл жизни. Анализ контекстов репрезентирует в качестве таковой *счастье*: *По-разному понимают люди свое счастье. Наш советский человек видит его в творческом труде* (МР, 1961, № 30); *Верится, что еще много удач, много добрых дел будет впереди у Геннадия Бестемьянникова, ударника ком-*

мунистического труда, человека, который хорошо знает: *где труд, там и счастье* (МР, 1963, № 203); «Что такое счастье?» – говорил Н. С. Хрущев. – *Каждый человек прежде всего считает счастьем, когда обеспечен прочный мир на земле, когда люди могут жить и трудиться в мирной обстановке без страха перед угрозой разрушительной войны*» (МР, 1961, № 36).

Счастье в газетных контекстах становится высшей целью *труда*. Выражения *где труд, там и счастье; счастье... в творческом труде; когда люди могут жить и трудиться в мирной обстановке* соотносят сферы «личного» и «общественного», в результате чего осуществляется «изменение своего «Я» под влиянием социальных условий. Изменение ценностных установок общества происходит прежде всего на уровне изменения ценностной картины мира индивида» [Вепрева 2002б: 321]. Условия тоталитарной системы предлагают *реальный способ достижения счастья* – труд. Газета регулирует это знание сугубо теоретически, используя путативные глаголы *знает, видит, считает*. Обеспечение индивидуальным счастьем внутри счастья коллектива – «это истина для индивида, но еще более – для объединения людей» [Гурина 1998: 246].

Актуализация в речевом значении лексемы *труд* семантического признака ‘средство достижения счастья’ сопровождается появлением идеологической коннотации ‘в условиях социализма’. Идеологические наслоения обусловлены контекстными партнерами лексемы *коммунистический, советский человек, Н. С. Хрущев*, маркирующими сферу «нашего».

Актуальные семы *труда*, эксплицированные различными ситуациями трудового процесса, интегрируют содержательные составляющие концепта ‘смысл жизни’, ‘средство достижения счастья в условиях социализма’.

Физиологические составляющие концепта «труд» в контекстах слиты с этическими. Расширение объема семантических признаков *труда* осуществляется за счет семантических компонентов ‘источник здоровья’, ‘источник долголетия’, которые актуализируются в следующих примерах: *Труд, создающий все блага в жизни и преобразующий природу, является, вместе с тем, источником здоровья и долголетия. Творческий труд в сочетании с разумным отдыхом приносит человеку радость и счастье, предохраняет от болезней и преждевременного старения* (МР, 1963, № 160).

Контексты актуализируют концептуально важные для языкового сознания семантические компоненты: ‘источник материальных и духовных ценностей’, ‘созидание’ (*созидающий все блага жизни*), ‘способ достижения счастья’ (*приносит счастье*). Они являются отправной точкой при концептуализации труда не только как целесообразной деятельности человека, направленной на создание чего-либо, но и как бесконечного нравственного прогресса сознания.

В условиях техногенного общества закономерна забота языкового коллектива о сохранении здоровья и продлении жизни. Также вполне объяснимо стремление человечества найти средство к их достижению. Однако с логической точки зрения абсурдно представление таким средством труда. Актуализируемая при этом сема ‘источник здоровья и долголетия’ (*труд является источником здоровья и долголетия, труд предохраняет от преждевременного старения*) противоречит системным компонентам ‘большие усилия’, ‘затраты времени’, отражающим латентную информацию о труде как явлении, требующем затраты здоровья, сил, приносящем болезни, травмы и т. д. Латентные семы в данных контекстах неактуальны, а потому входят в ближнюю периферию концепта «труд».

Постановка в позицию Результатива труда лексем *здоровье, долголетие* осуществляется по общепринятой схеме $X \rightarrow R$, где X – труд, R – его результат. В словарных статьях R ограничивался *материальными и духовными ценностями*, в актуальном употреблении круг гипонимов R расширился: *здоровье, долголетие, смысл жизни, счастье*. Круг данных гипонимов ограничен положительной идеологической оценкой R , которая формируется в схеме $X \rightarrow R$, являющейся своеобразной призмой для новой информации. В связи с этим информация, не совпадающая по оценке (*болезнь, старость*), игнорируется, а «совместимая информация адаптируется таким образом, чтобы она совпала с ранее принятыми идеями, оказывая поддержку всей структуре представлений о чем-либо у получателя коммуникации» [Язык и стиль... 1988: 109].

Коммуникативно актуальные семантические компоненты *труда* ‘здоровье’, ‘долголетие’ и т. д., имеющие в контекстах буквальное вербальное дублирование, моделируют физиологические и этические составляющие концепта: ‘источник здоровья, долголетия’; ‘средство достижения счастья’.

Лейтмотив солидарности, сплочения становится для газетных контекстов сквозным и отражает **социально-общественные** смысловые составляющие концепта:

Человек и коллектив. Как важно их творческое взаимодействие, как необходима каждому человеку поддержка товарищей и, наоборот, как обогащают коллектив трудолюбивые люди (МР, 1973, № 22); *Глядя на своих товарищей, Валентин Васильевич вспоминал, как постепенно в труде креп коллектив, как менялись, росли люди* (МР, 1961, № 47); *Труженики доменного цеха отдают себе отчет в том, что успехи сами собой не придут. Нужны творческие усилия каждого человека в трудовом коллективе* (МР, 1976, № 51).

Контексты реализуют типовую модель: ситуацию демонстрации эмоционально-эстетических проявлений субъекта и группы субъектов труда. Речевые сочетания *творческое взаимодействие; поддержка товарищей; в труде креп коллектив; как менялись, росли люди; творческие усилия* последовательно актуализируют «семантические довески» [Арутюнова 1999: 51], отражающие духовные компоненты субъектов труда ‘дружба’, ‘взаимодействие’, ‘преобразование личности’, ‘творчество’, ‘самореализация’. Привлекательность характеристик не лишает их искусственности, «заданности, а не данности» [Колесов 1999: 154]. Этому обстоятельству способствуют слова, навязывающие адресату обязательность и многократность предписанных действий: *важно, необходимо, отдают себе отчет, нужны*, – содержащие модальность долженствования. Контексты актуализируют семы ‘долг быть в коллективе’, ‘осознание долга’, ‘благотворное влияние коллектива’. Эти семантические компоненты, совмещаясь в контекстах с семантикой других лексем, формируют смысловые составляющие концепта «труд»: ‘осуществляет коллективное слияние субъектов’, ‘формирует чувство долга’, ‘способствует самореализации субъекта’.

Выводы.

1. Анализ высказываний позволяет выделить основных контекстных партнеров слов *труд, работа* как имени концепта. Перечислим: *безработица, бесплатный, большевистский, бороться, вдохновение, взаимодействие, воспитание любви к труду, героизм, герой, голод, доблесть, добросовестный, долголетие, драться, здоровье, индустриальный, капитализм, каторжный, квалифицированный, коллектив, коллективный договор, красное переходящее знамя, красота, любить труд, мерило ценностей (заслуг), место в жизни, механизированный, мирный, на благо общества, напряженный, насущная органическая потребность, неквалифицированный, нечеловеческий, нечто большее, нищета, нужда, обогащать, обязательства, освобожденный, пере-*

довой, план, по-боевому, по-большевистски, по-новому, передовик, передовой, подвиг, подневольный, подъем, почетный, предохраняет от болезней, предохраняет от преждевременного старения, презренное занятие, пятилетка, раб, рабочая сила, рабочий, рабочий класс, рабство, радость, рекорд, рекордный, рост, ручной, свободный, сельскохозяйственный, слава, собственные интересы, созидающий благо, сознательный, социализм, социалистическое отношение к труду, социалистическое соревнование, стахановец, стахановский, счастливый, счастье, творческие усилия, творческий, темпы, трудовая жизнь, трудовое человечество, трудовой народ, трудолюбивый, трудящийся, труженик, тяжёлый, угнетенный, ударник, ударный, умственный, уплотнение, упорный, успехи, физический, частица сердца (души), человеческий, честный, честь, эксплуатация, энтузиазм, ярмо.

В контекстах они способствуют формированию смысловых составляющих концепта «труд», специфика которых обусловлена возникшей в советском обществе проблемой поиска нового стимула для идеи самоотверженного труда как средства строительства коммунизма. Идеологическое оценивание стоящих за данными лингвоспецифичными словами явлений действительности способствует идеологизации содержания анализируемого концепта.

2. Фреймовая структура помогает выделить основные аспекты идеологизации концепта. Для экспликации его содержательных составляющих релевантными оказываются Субъект, Объект, Результатив, Инструмент, Модификатор, Локатив, Целеполагание. Эти элементы фрейма репрезентируют следующие идеологизированные составляющие:

– Модификатор и Инструмент:

‘прогрессивная деятельность’ («+»),

‘регрессивная деятельность’ («-»);

– Субъект, Объект, Интенсификатор:

‘интенсивный труд при максимальных усилиях субъекта’, ‘масштабные преобразования’, ‘коллективный’ («+»);

– Субъект, Объект, Инструмент, Результатив, Целеполагание:

‘творит материальные ценности и ментальные сущности’, ‘развивает способности субъекта’, ‘приближает новую прекрасную жизнь’, ‘средство достижения счастья в условиях развитого социализма’, ‘источник здоровья и долголетия’ («+»);

– Субъект, Объект, Результатив:

‘труд, осуществляемый в соответствии с идеологическими предписаниями, оборачивается личной пользой для субъекта и общей пользой для рабочего класса’ («+»),

‘эксплуатация препятствует труду, направленному на общую пользу’ («-»);

– Локатив:

‘охватывает все советское государство’ («+»);

– Субъект:

‘осуществляет коллективное слияние субъектов’, ‘формирует чувство долга’, ‘способствует самореализации субъекта’ («+»).

3. В период 1960-1970 гг. наблюдается сохранение двуполюсной структуры содержания концепта «труд», базирующейся на идеологической оценке *хорошо – плохо* для господствующего класса. Положительный полюс идеологической оценки подвергается значительным трансформациям. Вновь проявляется четкая структурированность смысловых составляющих концепта, какая была в 1933-1940 гг.:

– квалификативные составляющие:

‘прогрессивная деятельность’, ‘стремится к обобщенной форме труда’;

– количественные составляющие:

‘интенсивный труд при максимальных усилиях субъекта’, ‘масштабные преобразования’, ‘коллективный’, ‘охватывает все советское государство’.

В количественном аспекте составляющая ‘неинтенсивный труд карается законом’ утрачивает свою релевантность.

– Этические составляющие:

‘гуманный’, ‘добровольный’, ‘альтруистичный’, ‘субъект свободен’, ‘труд, осуществляемый в соответствии с идеологическими предписаниями, оборачивается личной пользой для субъекта и общей пользой для рабочего класса’. Также содержание концепта обогащается новыми составляющими: ‘смысл жизни’, ‘средство достижения счастья в условиях развитого социализма’;

– эстетические составляющие:

‘творит материальные ценности и ментальные сущности’, ‘развивает способности субъекта и обогащает общество’, ‘приближает новую прекрасную жизнь’.

Содержание концепта «труд» расширяется за счет новой физиологической составляющей ‘источник здоровья, долголетия’ и социально-общественных: ‘осуществляет коллективное слияние субъектов’, ‘формирует чувство долга’, ‘способствует самореализации субъекта’.

Содержание концепта утрачивает составляющие, актуализированные контекстами военного времени: ‘борьба с врагом’, ‘реорганизация труда на военный лад’, ‘обслуживание военных нужд’, ‘производство вооружения для победы в войне’, ‘непрерывный труд субъекта’. Следует отметить, что такой элемент содержания концепта, как ‘денежное вознаграждение субъекта’ не только остается, но и начинает играть важную роль в смысловой структуре «Труда».

В анализируемый период идеологически не разрабатываются новые содержательные составляющие концепта, которые отражают область «чужого» и имеют отрицательную идеологическую оценку. Контексты эксплицируют идентичное периоду 1933-1940 гг. содержание отрицательного полюса идеологической оценки:

- квалификативная составляющая:

- ‘регрессивная деятельность’;

- этические составляющие:

- ‘антигуманный’, ‘принудительный’, ‘субъект несвободен’, ‘эксплуатация препятствует труду, направленному на общую пользу’.

Столь небольшое количество содержательных составляющих сферы «чужого», вероятно, обусловлено, с одной стороны, закрепленным в общественном сознании идеологически ориентированным оценочным стереотипом, согласно которому все, что находится в оппозиции к официальной идеологии, отрицательно оценивается и не разрабатывается; с другой стороны, провозглашенным КПСС тезисом «о развитии социализме». Этот тезис констатировал создание монолитного социалистического государства. На его фоне капиталистический мир выглядит «неконкурентоспособным», поэтому языковое сознание не углубляется в концептуальные исследования явлений капитализма.

Часть 2. Идеологическая редукция и деидеологизация концепта «труд» в газете «Магнитогорский рабочий»

2.2.1. Смысловые составляющие концепта «труд» в газете «Магнитогорский рабочий» (1980-1990 гг.)

Охарактеризуем кратко **социально-политические условия**, оказавшие влияние на идеологизацию концепта «труд».

В начале 1980-х гг. социально-экономическая ситуация в советском обществе резко ухудшилась. *В это время заметно снизились темпы роста экономики, производительности труда, ухудшились некоторые другие показатели эффективности, усилились диспропорции в экономике* [Резолюция XXVII съезда... 1987: 101]. Ударное финансирование «решающих» участков хозяйства в ущерб всем прочим деформировало экономику. Практически все товары попали в разряд «дефицитных». Усиливалась уравниловка в зарплате и распределении материальных благ. Рост реальных доходов населения сократился до минимума. Так, в начале 1980-х гг. советский рабочий получал в виде заработной платы лишь около трети созданного им продукта [Новейшая история... 1998: 356].

Партия продолжала разрастаться. Л. И. Брежнев на XXVI съезде ЦК КПСС (февраль 1981 г.) констатировал: *В целом за отчетный период численность КПСС увеличилась на 1, 8 миллиона человек. Сейчас в партии 17 миллионов 480 тысяч коммунистов* [Отчет ЦК КПСС... 1982: 68]. Число ее членов к 1985 г. достигло 19 млн. Практически не осталось промышленных предприятий и строек, колхозов и совхозов, учреждений и учебных заведений, в которых не было бы первичных партийных организаций. Все они были инструментом прямого вмешательства партии во все сферы общественной жизни, средством политического и идеологического контроля [Новейшая история... 1998: 357].

Л. И. Брежнев отмечал: *В то же время расширился и арсенал средств, находящихся в распоряжении наших идеологических работников. Надежный канал повседневной информации – 380 миллионов экземпляров газет и журналов. 75 миллионов телевизионных экранов загораются ежедневно в нашей стране. А это значит, что десятки миллионов семей имеют возможность ежедневно получать и необходимые разъяснения партийной политики, и новые знания, обогащаться умственно и духовно*

<...> *Практически повсеместно введена система единого политдня* [Отчет ЦК КПСС... 1982: 75-76].

10 марта 1985 г. после смерти К. Черненко новым генеральным секретарем был избран М. Горбачев. На Пленуме ЦК КПСС (23 апреля 1985 г.) он сообщил о планах широких реформ, направленных на всестороннее обновление общества и «ускорение социально-экономического развития страны». В феврале 1986 г. состоялся XXVII съезд КПСС, который изменил Третью Программу партии. Вместо положений о строительстве коммунизма был провозглашен курс на совершенствование социализма: *Это программа планомерного и всестороннего совершенствования социализма, дальнейшего продвижения советского общества к коммунизму на основе ускорения социально-экономического развития страны* [Постановление XXVII съезда... 1987: 121].

Съезд одобрил Закон о трудовых коллективах, предусматривающий создание на промышленных предприятиях советов трудовых коллективов, которые наделялись правом избирать руководителей, регулировать заработную плату и отчисления на социальные нужды: *Предметом особого внимания партии является прежде всего активизация трудовых коллективов, создание в них атмосферы социалистической взаимопомощи и требовательности, воспитание у трудящихся чувства полноправных хозяев производства. Следует кардинально улучшить механизм практического осуществления демократических принципов и норм, закрепленных в Законе о трудовых коллективах, расширить круг вопросов, по которым решения трудовых коллективов являются окончательными* [Резолюция XXVII съезда... 1987: 109].

На практике реализация закона привела к дезорганизации производства, на многих предприятиях деятельность администрации оказалась парализованной. Появилась «скрытая» безработица [Письмо первого секретаря... 1996: 331].

В январе 1987 г. на очередном Пленуме ЦК КПСС М. Горбачев изложил новую идеологию и стратегию реформ. Вместо «ускорения» была выдвинута задача коренной перестройки общественной системы. Предстояло избавиться от деформаций социализма и вернуться к «ленинским нормам»: *Пагубное влияние на нравственную атмосферу в обществе оказывали факты пренебрежительного отношения к законам, очковтирательство и взяточничество, поощрение угодничества и славословия. Подлинная забота о людях, условиях их жизни и труда, социальном самочувствии не-*

редко подменялись политическими заигрываниями – массовой раздачей наград, званий, премий. Складывалась обстановка всепрощения, снижались требовательность, дисциплина, ответственность <...> Перестройка – это решительное преодоление застойных процессов, слом механизма торможения, создание надежного и эффективного механизма ускорения социально-экономического развития советского общества. Главный замысел нашей страны – соединить достижения научно-технической революции с плановой экономикой и привести в действие весь потенциал социализма [Доклад генерального секретаря... 1999: 540]. По существу, «демократизация» стала средством замены номенклатурных кадров. Экономические реформы, которые ожидался народом, как бы откладывались во времени, а главной становилась борьба с бюрократией и переход к демократическим принципам управления [Новейшая история... 1998: 360].

К 1988 г. произошел буквально взрыв интереса к прошлому страны. В связи с этим была создана Комиссия Политбюро ЦК КПСС по изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 1930-1940-х – начала 1950-х гг. В докладной записке Комиссия отмечала: *Эта работа способствует формированию новой нравственной атмосферы, возрождению общественной потребности в законности и порядке, уважения к конституционным и правовым нормам <...> требуют особого рассмотрения вопросы. 1. Об антиконституционности, противоправности «троек», «двоек», особых совещаний, списков и т. п. <...> 2. О личной ответственности Сталина и его непосредственного окружения за организацию и осуществление массовых репрессий, насаждение противоправной, антиконституционной практики [Записка Комиссии... 1996: 311-312].*

Открытый «антисталинизм» незаметно перерастал в отрицание опыта и достижений народа за весь советский период, породив у значительной части общества ощущение тупика, в котором оказалась страна [Новейшая история... 1998: 361].

Перейдем к анализу контекстов, в которых реализуются смысловые составляющие анализируемого концепта.

Газетные контексты 1980-х гг. показывает, что процессы концептуализации труда в данный период отличаются некоей двойственностью. Анализу подверглись речевые высказывания в публикациях «МР» 1983 г. и 1987 г. Доперестроечный ход разви-

тия страны характеризуется, выражаясь словами восьмидесятых, своеобразной «застойностью». Поле концепта «труд» не обогащается новой культурной информацией. Более того, не получают вербальной экспликации культурные аспекты предыдущих десятилетий (1960-1970). Речевые высказывания 1983 г. отражают только смысловые составляющие концепта «труд», актуальные для 1930-1940 гг.

Всплеск вербальной активности наблюдается в перестроечные годы. 1987 г. знаменателен Пленумом ЦК КПСС (от 27 января), на котором был зачитан доклад генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева «О перестройке и кадровой политике партии». Новые политические задачи обусловили переосмысление как многих явлений действительности, так и стиля жизни.

Впервые в советской публицистике появляются контексты, представляющие «искажение социалистической морали» (МР, 1987, № 23). При концептуализации труда происходит перераспределение семантических компонентов, относящихся к оппозиции «свой» – «чужой». Семы, ранее маркирующие область «чужого», входят в сферу «своего». Это обстоятельство способствует формированию двуполусной структуры ядра концепта «труд»: отрицательно оцениваемое «свое» и положительно оцениваемое «свое».

Такое разделение семантической области «своего» обусловлено появлением двойственности в языковом сознании советского этноса, в котором слиты воедино новые политические идеи и тоталитарные идеологические установки. Парадоксальность «перестроечного» сознания вербально реализовывается в контекстах, отражающих, с одной стороны, недостатки политической системы, а с другой стороны, успехи социалистического строя.

Тенденциозные контексты сохраняют традиционные для советской системы смысловые составляющие «труда». Смыслы 'свобода', 'реализованность субъекта', 'социальная стабильность' и др. могут актуализироваться лексическими средствами, называющими реалии советского общества: *Социализм стал нашей действительностью. Он возвысил человека труда, поднял его благосостояние, обеспечил ему социальную защищенность, дал уверенность в завтрашнем дне* (МР, 1987, № 79); *Великий Октябрь, социализм избавили нашу Родину от недугов и бедствий, которые и до сих пор отравляют жизнь народов многих стран мира. Нет у нас эксплуатации человека человеком. Нет безработицы. Нет национального гнета. Нет нищеты и*

неграмотности. Люди живут в условиях социальной защищенности, с уверенностью в завтрашнем дне (МР, 1987, № 51); *Нерушимая связь труда и гражданской заботы об общем благе, скрепляющая все поколения советских людей, наш патриотизм, трудовая гордость, рабочий энтузиазм, святое чувство причастности к великому делу Октября – величайшие завоевания нашего строя, без которых он просто немислим* (МР, 1987, № 40).

В то же время, газетные высказывания перестроечного периода эксплицируют процесс редукции идеологием тоталитарной системы. Контридеологическая линия отмечена полной сменой шкалы оценок идеологической действительности. Отрицание советской морали провоцирует отказ от сложившейся системы ценностей, поэтому концепт «труд» утрачивает все аспекты осмысления: этический, количественный, квалификативный, физиологический и т. д. Смысловые составляющие последовательно переосмысляются. Критика социалистической системы труда приводит к снятию идеологии.

1. Отрицательные прагматические смыслы актуализируются в контекстах, отражающих кризис тоталитарной модели: *А теперь вот все это рушится. Люди часто сидят без дела. Простаивает дорогостоящее оборудование, автоматические линии. У нас нет заработка, естественно, падает дисциплина и настрой* (МР, 1987, № 102); *Картина, увиденная в этом цехе, была неожиданной. Стояли станы, молчали моторы. В укромном уголке цеха несколько человек играли в домино. На вопрос, знают ли они что-нибудь об ударной декаде, последовало возмущение: «Для кого декада, а для нас – вынужденное безделье. Сколько же это может продолжаться? Кто нам ответит?»* (МР, 1987, № 70); *Из-за того, что людей отрывали от своего дела, бросали на авральный «прорыв» в другом месте, в республике за год потеряно 140 миллионов человеко-дней. Иными словами, это значит, что ежедневно полмиллиона работников выбрасывали свой труд на ветер* (МР, 1987, № 112); *Треть предприятий города не справляется с реализацией заказов* (МР, 1987, № 74).

В высказываниях слова-аффективы *безделье, без дела* отражают экстралингвистическое явление «скрытой безработицы». Советское общество, как известно, налагало «табу» на констатацию фактов социального неблагополучия, вероятно, поэтому в данных контекстах слово *безработица* заменяется эвфемизмами *безделье, без дела*. Тем не менее, контексты эксплицируют смысловое противопоставление ‘деятель-

ность' – 'отсутствие деятельности'. Эти смысловые составляющие обозначают различные политические структуры – социалистическую и капиталистическую. В данных контекстах они утрачивают идеологическую противопоставленность и начинают характеризовать сферу «своего».

Смысл 'отсутствие деятельности' может актуализироваться широким кругом средств. Глаголы *сидят, простаивает, стояли, молчали* (моторы), *играли* (в домино) лишены эмоциональности, но в «речевых реализациях актуализируется выражение эмоционального отношения к обозначенным явлениям» [Матвеева 1986: 20]. Лексемы фиксируют отклонение от идеологически принятого стандарта труда. Актуализируемая сема 'отсутствие деятельности' делает нерелевантными идеологически обусловленные семантические компоненты 'максимальное проявление деятельности', 'постоянная деятельность'. Семантическая ломка актуального значения лексемы *труд* приводит к ее фактическому исчезновению из контекстов. Труд как таковой перестает существовать. Ситуация 'отсутствие деятельности' провоцирует поведенческую трансформацию субъекта труда, который лишается своей основной функции – деятельности – и ее результатов (*нет заработка*). Контексты порождают отрицательные прагматические смыслы, сводимые к понятию «кризис».

Источником социокультурной информации являются глаголы с семантикой разрушения *рушится, падает, не справляется*, которые актуализируют смысл 'несовершенство социалистической системы труда'. Факт употребления данных лексем подтверждает изменение содержания основных моделей поведения, созданных советской системой.

2. Экстралингвистическая ситуация обусловила появление новых номинаций, которые явились следствием переосмысления понятий, обозначенных «идеологемами-святынями» [Купина 1997: 137]: *трудовой героизм, социалистические обязательства, трудовой энтузиазм, темпы труда, стахановский труд, социалистическое соревнование*.

Эти идеологемы отражают ценностные смысловые составляющие тоталитарной системы. «Идеологическая семантика ключевых слов тоталитарного языка стремится к терминологичности, выверяется по первоисточникам и отвергает отрицательные коннотации. Употребление ключевых слов тоталитарного языка в сниженных контекстах запрещается» [Купина 1995: 102].

Формирование частных оппозиций, обнаруживающих кризис основных идей тоталитарной системы, обуславливает семантические преобразования идеологем. Идеологическая редукция проявляется прежде всего в изменении их семантики и коннотаций: *Но пришло время задумываться не только над тем, чтобы выполнить, но и как это сделать. То ли будут преобладать **штурмовщина**, сопутствующие ей **рваческие настроения**, то ли инициатива самих рабочих, живое **соревнование*** (МР, 1987, № 18); *Откуда же тогда **обязательства под копирку**? Так ли уж случайна в ином трудовом коллективе равнодушная, а то и негативная реакция на передовика? Отчего это происходит? Кто несет ответственность за **имитацию азарта работы**, интереса к труду, живого состязания?* (МР, 1987, № 18); *Темп декады должен сохраниться до конца года. И это не **стереотип минувших вахт**. Необходимо новое содержание* (МР, 1987, № 22); *Но нужно, чтобы вот такая отмотобилизованность, нацеленность на высокие результаты наблюдалась **не только «по случаю» и в честь торжественных дат**, а повседневно, ежечасно в трудовых буднях, в повседневной работе* (МР, 1987, № 50).

Отказ от старых языковых знаков и создание новых образцов с новым содержанием реализуется в лексемах *штурмовщина* (неодобр. *Поспешная бесплановая работа с целью наверстать упущенное* [СОШ, 902]), *рваческие настроения* (Рвач: разг. презр. *Человек, который в ущерб общему делу стремиться извлечь из своей работы как можно больше личных выгод, урвать побольше для себя* [СОШ, 670]), *обязательства под копирку*, *имитация азарта работы*, *стереотип минувших вахт*.

В газетных контекстах за данными номинациями стоят основные идеологические понятия труда: *социалистическое соревнование*, *трудовой энтузиазм*, *героизм*, *социалистическое обязательство* и т. д. Появление у ключевых идеологем эффекта сниженности создают отрицательные прагматические смыслы, содержащие оценку тоталитарной системы, ‘консерватизм’, ‘экстенсивность развития’, ‘застойность’, ‘уравниловка’. Под их влиянием искажаются смысловые составляющие концепта «труд» доперестроечного периода:

- ‘душевный подъем’ (*трудовой энтузиазм*) ↔ ‘бесплановая работа’ (*штурмовщина*);
- ‘самопожертвование’ (*трудовой героизм*) ↔ ‘личная выгода’ (*рваческие настроения*);

- ‘официальное обязательство трудиться в соответствии с идеологическими требованиями’ (*социалистическое обязательство*) ↔ ‘формализм’ (*обязательства под копирку*);
- ‘интенсивность’ (*стахановский труд, социалистическое соревнование*) ↔ ‘псевдодеятельность’ (*имитация азарта работы, высокие результаты «по случаю»*);
- ‘непрерывные действия’ (*темпы труда*) ↔ ‘стандарт’ (*стереотип минувших вахт*).

Поиск истинных номинаций сопровождается аксиологическими изменениями, в частности изменением знака оценки. Отрицательная оценка эксплицируется при помощи контекста (*имитация азарта, обязательства под копирку* и т. д.), кавычек как маркера иронии (*высокие результаты «по случаю»*), эмоционально-оценочного компонента, зафиксированного словарями в виде помет **неодобр.** (*штурмовщина*) [СОШ: 902], **разг. презр.** (*рвачество*) [СОШ: 670].

3. Переосмыслению подвергается один из базовых принципов социализма: «от каждого по его способностям, каждому по труду». Крушение символа советской справедливости сводится к возникновению смысловых составляющих: ‘несправедливость в распределении результатов труда’, ‘материальная уравниловка’. Например: *Обозначились нарушения важнейшего принципа социализма – распределения по труду. Борьба с нетрудовыми доходами велась нерешительно. Возросли иждивенческие настроения, в сознании многих людей стала укореняться психология «уравниловки»* (МР, 1987, № 19); *Несовершенство оценочных показателей, системы оплаты труда – не единственный катализатор встречающегося нередко равнодушия, незаинтересованности в результатах общего труда* (МР, 1987, № 29); *Чтобы заполнить рабочие места, мы вынуждены были повышать зарплату работникам порой без учета их реального вклада в дело. Премии превратились в постоянную надбавку к получке* (МР, 1987, № 82); *Ни для кого не секрет, что многих устраивали, а некоторых продолжают устраивать и сегодня – работа, как говорится, «спустя рукава», незаработанная зарплата, незаслуженные премии* (МР, 1987, № 40); *Можно ведь сработать согласно нормативам, не более, а вознаграждение получать наравне с теми, кто действительно потрудился мастерски* (МР, 1987, № 47).

Интерпретации «искажений социалистической морали» многообразны: *нетрудовые доходы, несовершенство оценочных показателей, без учета реального вклада,*

незаработанная зарплата, незаслуженная премия. Общеоценочные характеристики несоответствия идеологическому стандарту выражены отрицательной частицей **НЕ** и предлогом **БЕЗ**.

Реализация отрицательного оценочного потенциала данных сочетаний обуславливает изменение идеологических стереотипных представлений, лежащих в основе концептуализации *труда* в доперестроечный период. Стереотип *Трудящиеся, те, кто трудится... получает прибыль* в речевых высказываниях трансформируется посредством смысловых наращений *несправедливо, незаслуженно* (получает прибыль). Психологическое состояние субъекта лексически эксплицируется в сочетаниях *иждивенческие настроения, психология «уравниловки», незаинтересованность в результатах.*

Эти сочетания актуализируют семы 'иждивенчество', 'равнодушие', 'несправедливость', которые в совокупности формируют смысловую составляющую 'пассивность субъекта'.

Выводы.

1. Анализ высказываний позволяет выделить основных контекстных партнеров слов *труд, работа* как имени концепта. Перечислим: *без дела, безделье, безработица, бесконтрольный, безответственный, бесплатный, благородный, большевистский, бороться, вдохновение, взаимодействие, воспитание любви к труду, героизм, герой, голод, гордость, доблесть, добросовестный, долголетие, драться, зарплата, застой, здоровье, имитация азарта, индустриальный, капитализм, каторжный, квалифицированный, коллектив, коллективный договор, косность, красное переходящее знамя, красота, любить труд, люди труда, мерило ценностей (заслуг), место в жизни, механизированный, мирный, на благо общества, напряженный, насущная органическая потребность, незаработанный, незаслуженный, неквалифицированный, нетрудовые доходы, нечеловеческий, нечто большее, нищета, нужда, обогащать, обязательства, оплата труда, освобожденный, передовой, план, по-боевому, по-большевистски, по-новому, передовик, передовой, подвиг, подневольный, подъем, почетный, предохраняет от болезней, предохраняет от преждевременного старения, презренное занятие, премия, простой, пятилетка, раб, рабочая сила, рабочий, рабочий класс, рабство, радость, распределение по труду, рвачество, реальный вклад, рекорд, рекордный, рост, ручной, свободный, сельскохозяйственный, слава, собственные интересы, созиданий благо, сознательный, социализм, социалистическое отношение к труду, социали-*

стическое соревнование, спустя рукава, стахановец, стахановский, счастливый, счастье, творческие усилия, творческий, текучесть кадров, темпы, трудовая активность, трудовая жизнь, трудовое человечество, трудовой народ, трудолюбивый, трудоустройство, трудящийся, труженик, тяжелый, угнетенный, ударник, ударный, умственный, уплотнение, упорный, уравниловка, успехи, физический, частица сердца (души), человек труда, человеческий, честный, честь, иштурмовщина, эксплуатация, энтузиазм, ярмо.

В контексте они способствуют формированию смысловых составляющих концепта, специфика которых обусловлена, с одной стороны идеологическим оцениванием явлений, стоящих за данными лингвоспецифичными словами, с другой стороны, идеологической редукцией ключевых идеологем.

2. Фреймовая структура помогает выделить как основные идеологизированные составляющие концепта «труд», так и идеологически редуцированные. Для экспликации смысловых составляющих значимыми оказываются Субъект, Объект, Результатив, Инструмент, Интенсификатор, Модификатор, Локатив, Целеполагание. Эти элементы фрейма эксплицируют следующие составляющие анализируемого концепта.

– Модификатор и Инструмент:

‘прогрессивная деятельность’ (свое «+»),

‘регрессивная деятельность’ (чужое «-»);

– Субъект, Объект, Интенсификатор:

‘интенсивный труд при максимальных усилиях субъекта’, ‘масштабные преобразования’, ‘коллективный’ (свое «+»);

– Субъект, Объект, Инструмент, Результатив, Целеполагание:

‘творит материальные ценности и ментальные сущности’, ‘развивает способности субъекта’, ‘приближает новую прекрасную жизнь’, ‘средство достижения счастья в условиях развитого социализма’, ‘источник здоровья и долголетия’ (свое «+»);

– Субъект, Объект, Результатив:

‘труд, осуществляемый в соответствии с идеологическими предписаниями, оборачивается личной пользой для субъекта и общей пользой для рабочего класса’ (свое «+»); ‘несправедливость в распределении результатов труда’, ‘материальная уравниловка’ (свое «-»); ‘эксплуатация препятствует труду, направленному на общую пользу’ (чужое «-»);

– Локатив:

‘охватывает все советское государство’ (*свое «+»*);

Субъект:

‘осуществляет коллективное слияние субъектов’, ‘формирует чувство долга’, ‘способствует самореализации субъекта’ (*свое «+»*); ‘отсутствие деятельности’ (*свое «-»*).

3. Разрушение тоталитарной системы во многом стимулировало языковые изменения. Противостояние новой политики Перестройки «старому» социалистическому строю отразилось в разведении языкового сознания на область все еще положительно оцениваемого «старого» и отрицательно оцениваемого «старого». Эти трансформации отразились на структуре концепта «труд». Область «своего» (+) практически полностью сохраняет смысловые составляющие 1960-1970 гг.

– Кваликативные составляющие:

‘прогрессивная деятельность’, ‘стремится к обобщенной форме труда’;

– количественные составляющие:

‘интенсивный труд при максимальных усилиях субъекта’, ‘масштабные преобразования’, ‘коллективный’, ‘охватывает все советское государство’;

– этические составляющие:

‘гуманный’, ‘добровольный’, ‘альтруистичный’, ‘субъект свободен’, ‘труд, осуществляемый в соответствии с идеологическими предписаниями, оборачивается личной пользой для субъекта и общей пользой для рабочего класса’, ‘смысл жизни’, ‘средство достижения счастья в условиях развитого социализма’;

– эстетические составляющие:

‘творит материальные ценности и ментальные сущности’, ‘развивает способности субъекта и обогащает общество’, ‘приближает новую прекрасную жизнь’;

– физиологическая составляющая:

‘источник здоровья и долголетия’;

– социально-общественные составляющие:

‘осуществляет коллективное слияние субъектов’, ‘формирует чувство долга’, ‘способствует самореализации субъекта’.

Активная редукция идеологем, вербализующих концепт «труд», приводит к переосмыслению большей части его смысловых составляющих. Появление новых со-

ставляющих концепта формирует область «своего» («—»). Она лишена четкой структурированности и характеризуется наличием следующих смыслов: ‘несовершенство социалистической системы труда’, ‘отсутствие деятельности’, ‘бесплановость’, ‘формализм’, ‘несправедливость в распределении результатов труда’, ‘материальная уравниловка’, ‘пассивность субъекта’.

В контекстах 1980-1990 гг. сохраняются содержательные составляющие, появление которых обусловлено отрицательной идеологической оценкой сферы «чужого». Как и в предшествующие витки идеологизации концепта «труд» (1941-1945 гг.; 1960-1970 гг.) эти составляющие аналогичны периоду 1933-1940 гг.

– Кваликативная составляющая:

‘регрессивная деятельность’;

– этические составляющие:

‘антигуманный’, ‘принудительный’, ‘субъект несвободен’, ‘эксплуатация препятствует труду, направленному на общую пользу’.

Неразработанность сферы «чужого» обусловлена, вероятно, сменой приоритетов, произошедшей в обществе в период Перестройки. В центре внимания российских граждан оказались политические процессы, которые вызвали снижение уровня жизни и рост массового недовольства. Желание осмыслить новую действительность, по всей видимости, отодвинуло разработку идеологических составляющих области «чужого» на второй план.

2.2.2. Смысловые составляющие концепта «труд» в газете

«Магнитогорский рабочий» (1990-2002 гг.)

Охарактеризуем кратко **социально-политические условия**, оказавшие влияние на идеологизацию концепта «труд».

На состоявшемся в конце октября 1991 г. 5-м Съезде народных депутатов Б. Ельцин заявил, что настал момент для перехода к решительному реформированию экономики. Однако реформы разворачивались без соответствующей законодательной базы. Скрытая безработица, простои предприятий, с одной стороны, примитивная торгово-посредническая деятельность, с другой, вели к резкому расслоению общества и как следствие к росту социальной напряженности [Новейшая история... 1998: 393-394].

В декабре 1991 г. было подписано Соглашение о создании Союза Независимых Государств: *Белоруссия, Российская Федерация (РСФСР), Украина, как государства-учредители Союза ССР, подписавшие Союзный договор 1922 г., далее именуемые Высокими Договаривающимися сторонами, констатируем, что Союз ССР как субъект международного права и политическая реальность прекращает свое существование* [Соглашение о создании... 1996: 378].

Проведенная в 1992 г. либерализация цен с неизбежностью привела к гиперинфляции. Новые проблемы раскололи прежнее реформаторское большинство: половина его перешла в 1992 г. в ряды противников правительственной политики. Президент Ельцин принял сторону осуществлявшего реформы Гайдара. Это привело к противостоянию между президентом и законодательной властью.

В 1993 г. Указом Президента Российской Федерации прерывалось осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов РФ и Верховным Советом РФ: *Прямое противодействие осуществлению социально-экономических реформ, открытая и повседневно осуществляемая Президентом РФ попытка непосредственного осуществления функций исполнительной власти вместо Совета Министров со всей очевидностью свидетельствуют о том, что большинство в Верховном Совете РФ и часть его руководства открыто пошли на прямое попрание воли российского народа, выраженной на референдуме 25 апреля 1993 г.* [О поэтапной конституционной реформе... 1996: 384].

Ответом на Указ было Постановление Верховного Совета РФ о прекращении полномочий Президента РФ: *В связи с грубейшим нарушением Президентом РФ Ельциным Б. Н. Конституции РФ-России <...> полномочия Президента РФ Ельцина Б. Н. прекращаются с 20 часов 00 минут 21 сентября 1993 г.* [О прекращении полномочий... 1996: 389].

После военных событий у здания Белого дома в Москве 3-4 октября 1993 г. последовал ряд указов, ликвидировавших Советскую власть на 76 году существования.

В период 1993 (после октября)-1996 гг. наблюдалась постепенная адаптация населения к новой ситуации. В 1996-1998 гг. – новый взлет страхов, связанный с обострением экономического кризиса в стране, массовыми невыплатами зарплат и массовыми уклонениями от уплаты налогов. Коллапс банковской системы, который начался 17 августа 1998 г. и вызвал отставку правительства С. Кириенко, затянулся на многие

месяцы и потряс все отрасли народного хозяйства. Финансовый кризис перешел в стадию неконтролируемого роста цен, которые за короткое время возросли более чем в 4 раза. Вновь ухудшилось положение подавляющей части населения страны, в том числе и средних слоев общества [Новейшая история... 2004: 451].

В декабре 1999 г. состоялись очередные выборы в Государственную думу, 31 декабря 1999 г. о своем досрочном уходе в отставку объявил Б. Н. Ельцин.

Мониторинг общественного мнения, осуществляющийся в конце 1990-х гг., позволил политологам и социологам выявить основные стереотипы российского электората. *Массовое политическое сознание современной России периодически осуждает власть за введение ненужной игры в «выборы» и «многопартийность», которая с каждым годом надоедает все больше. За последние годы усилилась тенденция оценивать многопартийность как негативную переменную. Если в 1994 г. так считали 33 % опрошенных, то в 1999 г. с этим выводом согласилось уже 50 % респондентов. Характерно, что отсутствие контроля над властью не вызывает в массовом сознании желания изменить ситуацию. Среди некоторых россиян распространены представления, что пытаться контролировать бесполезно, потому что власть все равно обманет народ. Ее критикуют, не любят и не поддерживают, но, не видя способов изменить существующий порядок вещей, пассивно взирают на ее действия. В качестве важнейших ценностей для российских граждан в 1998 г. выступает право на жизнь, безопасность (63 %), право на труд и его оплату (52 %) [Медведева 2002: 93-97].*

На выборах 26 марта 2000 г. В. В. Путин был избран президентом РФ. Смена руководства страны завершила определенный этап в жизни постсоветской России [Вепрева 2002: 16].

Перейдем к анализу контекстов, в которых реализуются смысловые составляющие анализируемого концепта.

Экономические и политические реформы повлияли на ценностные ориентации людей и явились стимулом для кардинального изменения когнитивных признаков концепта «труд».

Смена идеологических установок отразилась в активном процессе деидеологизации, который «затрагивает как оценочную сторону, так и содержательные компо-

ненты идеологизированной лексики» [Купина 1997: 135], вербализующей концепт «труд».

Одновременно с этим процессом возникает необходимость поиска новых концептуальных ориентиров. Контексты, в которых осуществляются попытки сформулировать новые ценностные элементы *труда*, отличаются большим объемом. Эта особенность свидетельствует о неструктурированности лексики, обслуживающей новые политические идеи (ср.: лаконичность тоталитарного языка, идеологемы которого характеризуются «терминологичностью, большим смысловым объемом, так как за каждой из них стоит миф (цепочка мифов)» [Купина 1995: 102]). Для выражения новой смысловой составляющей публицистическим контекстом анализируемого периода требуются многие лексические единицы.

Деидеологизация концепта «труд» сопровождается «освобождением семантики от идеологических добавок, возвратом к традиционно одобряемым ценностям, отбором новых ценностных элементов и групп элементов» [Купина 2000: 183].

1. Отторжение идеологем осуществляется путем снижения их статуса, которое «приравнивается разрушению, развалу, деформации, деидеологизации» [Купина 1997: 136]: *И вот когда труд был поистине героическим! С вождем в башке и страхом в душе. О, тогда каждый был Гамлетом! «Быть или не быть» пронизывало все существо человека день и ночь. Как ни странно, многие свято продолжали верить, что «рождены, чтоб сказку сделать былью», о чем вдохновенно пелось и говорилось из репродукторов дома и на уличных столбах* (МР, 2002, № 93). Несмотря на общую пейоративную тональность контекста, слово *труд* сохраняет свое положительное значение. Развенчанию подвергается детерминант *героический* (*героический труд*), поскольку, по наблюдениям М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой, процесс идеологизации многих слов осуществлялся именно путем присоединения определений, характеризующих идеологическую сферу. Они пишут: «прием «идеологизации» значения слова через присоединяемый к нему детерминант получает широкое распространение. Исследователи тоталитарного языка 60-70-х гг. называют это явление детерминацией и отмечают, что в образовавшихся устойчивых атрибутивных сочетаниях определение по сути дела отрицает значение определяемого слова (ср. *советское правосудие, социалистическая мораль, революционная этика, социалистическая экономика* и т. п.)» [Китайгородская, Розанова 2003: 158].

Об идеологических наслоениях семантики имени концепта, появившихся в результате героизации труда, пишет Д. Быков. Он отмечает, что повседневный, рутинный труд-пропитание тоталитарная система стремилась сделать праздником, поэтому труд стал *героическим* [Быков 2002: 14-15].

Утрата детерминанта возвращает слову исконное неидеологизированное значение. Так, лексема *труд* в сочетании *героический труд* в советских публицистических контекстах имеет актуальное значение 'самопожертвование'. В демократической прессе при потере детерминанта она обретает этнокультурный семантический признак 'повседневная деятельность для личной пользы'.

2. «Выворачивание наизнанку» прежних идеологических святынь осуществляется при помощи намеренной смены знака оценки. Идеологемы становятся мишенью, «которая принимает на себя рикошет эмоций, вызванных событийным раздражителем» [Арутюнова 1976: 155]: *В последние годы журналисты городской газеты не рассказывают, как прежде, о «трудовых свершениях», «передовом опыте», «социалистическом соревновании в честь знаменательных дат»... Ушли в прошлое **показушные** и часто **надуманные атрибуты*** (МР, 1993, № 28); *Боже, чьих только **бездельников** мы не ублажали, ратуя за постройку всемирной коммуны: из Эфиопии и Уганды, Лаоса и Камбоджи, Кубы и Афганистана и еще десятков других* (МР, 1992, № 20); *Но ведь десятилетиями **соревнование было откровенной липой**. Хотя бы из-за символических материальных стимулов* (МР, 1992, № 99).

В контекстах идеологемы получают качественно новые номинации: *трудовые свершения, передовой опыт, социалистическое соревнование ↔ показушные, часто надуманные атрибуты; братские народы ↔ бездельники; социалистическое соревнование ↔ откровенная липа*. Дискредитация социалистической системы труда происходит через актуализацию эмоционально-оценочных семантических компонентов 'видимость' (*показуха* (разг. неодобр.) 'видимость успешной деятельности' [СОШ: 549]), 'неестественность' (*надуманный* 'лишенный естественности' [СОШ: 380]), 'фальшивость' (*липа* (разг.) 'фальшивка' [СОШ: 327])). Эти отрицательные прагматические смыслы эксплицируют идеологический скептицизм языкового сознания. Заметна тенденция к разработке содержания этически одобряемых моделей процесса труда и поведения субъекта: 'отсутствие пафоса созидания' и 'личная польза'.

Демифологизируются демагогические утверждения о труде как источнике здоровья, морального и материального удовлетворения потребностей советского человека: *Где же выход? Деньги обесценились, на наши пенсии не проживешь, а здоровье ушло на то, чтобы в течение сорока лет честно трудиться, растить детей* (МР, 1992, № 39); *Стремительно растет число обездоленных, разоренных, лишенных средств к существованию среди добросовестно работающих или отдавших всю свою жизнь на благо общества, а сегодня не имеющих возможности трудиться по возрастной немоги или болезням. И таких «бесправных» членов общества в нашем городе примерно половина* (МР, 1992, № 116); *Мы все отдали для защиты от фашизма стране, ее послевоенного восстановления и развития, а за свой труд получали гроши. И те сейчас превращены в ничто* (МР, 1993, № 47); *Ни весны толком нет, и труд наш не в радость. Трудятся мои в последнюю силу, а в доме ой как не густо. Каждый день думаешь, чем бы накормить* (МР, 1992, № 83); *Я вот теперь только поняла, что мы получали нищенскую зарплату, заработали болячки и нищенскую пенсию. Богатую Россию за годы «строительства коммунизма» превратили в нищую, разворованную. Народ работал, а чиновники грабили* (МР, 1992, № 96).

В данных примерах разрушаются выделенные Н. Д. Арутюновой три формы гедонистической оценки [см. Арутюнова 1976: 69], свойственные понятию 'труд' в советскую эпоху. Это приводит к замене актуальных сем коммуникативного значения *труда* на прямо противоположные.

Во-первых, пассивное удовольствие (приятное для чувств, для восприятия), отраженное семой 'источник радости', становится нерелевантным для субъекта труда в контексте *труд не в радость*. Актуализируется смысл 'рутинный'.

Во-вторых, активное удовольствие (удовольствие активного образа жизни), представленное в контекстах советского периода семой 'источник здоровья', превращается в свою противоположность посредством актуальных сем 'источник болезней', 'источник страданий' – *здоровье ушло, возрастная немоги, болезни, болячки*. Эти семы формируют смысловую составляющую 'тяжелый, вредный для здоровья процесс'.

В-третьих, довольство (радость удовлетворения желания), репрезентированное семой 'источник материальных ценностей', опровергается контекстами *деньги обесценились; стремительно растет число... разоренных, лишенных средств к существованию среди работающих; получали гроши, и те превращены в ничто; в доме ой как*

не густо; нищенская зарплата, пенсия. Актуальные семы ‘потерять достаток’, ‘обнищать’ демонстрируют тенденцию к утрате субъектом труда всех основных завоеваний социалистического труда. «Результаты этого труда не принадлежат человеку, всегда озабоченному проблемой питания, *еды вообще*» [Купина, Муратова 2003: 310], например, в выражении *каждый день думаешь, чем бы накормить*. Релевантной становится смысловая составляющая ‘пропитание’.

3. Активно употребляются рефлексивные высказывания, отражающие поведение субъекта труда в новых социальных условиях: *На производстве все валится, на половину работаем. Как 31 год работал, так и работаю. Не могу иначе. Так и остальные. Пока еще по инерции двигаемся, но и это на исходе. Ломается отношение к такой работе. Сейчас меньше всего о работе думаешь, все отвлекает* (МР, 1992, № 36); *А в столице черной металлургии (по мнению многих деятелей, видных и не очень видных) должны по-черному трудиться, чтобы досыта накормить и областной, и государственный центры* (МР, 1993, № 47); *Я вам одно скажу: рабочий класс газет не читает, ну программу, что по «телеку» будут показывать... Не думайте, что это от безграмотности или притупления – просто от нехватки времени, да когда напашишься, еле домой ноги притащишь* (МР, 1992, № 96); [О празднике 1 Мая – О. Ч.] *Почему труда? И какого труда? Чему, собственно, радоваться, скажем нашим доменикам и сталеварам? Опостылевшей лопате? Тому, что на большинстве наших предприятий до сих пор действует малопродуктивный изнуряющий ручной труд? Как хотите, но глядя на женщин в оранжевых жилетах, вращающих тяжеленные рельсы и шпалы, с дребезжащими и трясущимися вибролопатами и отбойными молотками, не могу радоваться и воспевать их труд* (МР, 1992, № 83).

В этих высказываниях носители языка проводят своеобразную «инвентаризацию» концептуальных составляющих *труда*. «Новое содержание представляет собой фрагменты когнитивной парадигмы постсоветской действительности» [Вепрева 2002: 242].

Семантическое наполнение актуального значения слова *труд* происходит за счет редуцированных под влиянием официальной идеологии компонентов ‘истощающий силы субъекта’ (*по-черному трудиться; напашишься, еле ноги притащишь; вращающих тяжеленные рельсы*), ‘ручной’/‘немеханизированный’ (*изнуряющий, опо-*

стылевшая лопата). Отупляющее однообразие труда (*по инерции двигаемся*) актуализирует признак 'равнодушие субъекта к труду'. Отрицательные прагматические смыслы сводятся к понятию 'печальная необходимость' (*чему, собственно, радоваться; не могу радоваться*).

4. Наряду с инвентаризацией содержательных составляющих, характерных для советского периода, наблюдается поиск новых смыслов. Контексты для экспликации признаков 'личная польза', 'свобода выбора', 'ценность, способная творить, созидать', 'прогресс' актуализирует лексику, которая прямо или косвенно отражает «становление новой идеологии» [Купина 1997: 142]. Например: **Необходимо делать самим хорошую жизнь**, возможности в России есть – отличные труженики, богатство недр, умнейший народ (МР, 1992, № 123); **Работать на себя**, считать и думать в частном деле многих пугает, и это сдерживало и будет сдерживать **реформы** на селе (МР, 1993, № 8); Главным лейтмотивом **съезда** в обращении к гражданам **России** стало признание приоритета прав человека над всеми другими правами и прежде всего **права свободно трудиться и продавать свой труд или результаты своего труда** (МР, 1993, № 15); Смешно теперь вспоминать Н. Пугачеву, возглавившему тогда кооператив, как кувыркались первое время. С полгода вкалывали без выходных и... ни рубля зарплаты. На одном энтузиазме да с **верой в светлое будущее, которое надо создать своими руками** (МР, 1992, № 16); У нас вновь появился **шанс для Возрождения**. И в том, что оно наступит, можно не сомневаться. Главное для этого – **работать, не жалея сил**, и не ждать, что кто-то придет и все сделает за нас (МР, 2002, № 63).

В качестве контекстных партнеров слова *труд* используются новые идеологемы: *реформы, граждане России, Возрождение*. Наблюдается тенденция нового витка идеологизации концепта «труд». Речевые формулы **необходимо сделать самим хорошую жизнь; работать на себя; право свободно трудиться, продавать свой труд и результаты своего труда; с верой в светлое будущее, которое надо создать своими руками; работать, не жалея сил** в новом политическом языке являются калькой с прежних формул советской системы. Различие состоит в переносе интересов субъекта в личностную сферу, о чем свидетельствуют местоимения *самим, себя, своего, своими*. Примечательно, что новая идеология ратует за поднятие престижа труда, поскольку

для демократического общества как и для тоталитарного *труд* – ‘высшая ценность, способная вести вперед массы, творить и созидать’.

5. Демократическая система, характеризуя современный процесс распределения результатов труда, активно перенимает тоталитарную схему «несправедливого распределения продуктов труда в капиталистическом обществе». По мнению М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой, это обусловлено тем, что распад тоталитарной идеологии «пока не затронул ее глубинной структуры. На данном этапе можно говорить в основном лишь о процессе переименования, создания новых текстов при сохранении прежнего культурного каркаса» [Китайгородская, Розанова 2003: 155]. Например: *Истоки зла в нашей теперешней жизни – в политике, которую навязали нам ельцинисты-«реформаторы», разделив общество на жирующую кучку богачей и подавляющую массу обездоленных, в захвате всенародной собственности узким кругом лиц, в несоразмерном распределении плодов труда, создаваемых трудовыми коллективами* (МР, 2002, № 16); *Как-то по ЦТ шла передача об Ирине Хакамаде, где показывали немыслимое количество комнат, ажурное стекло и хрусталь. Звучали слова: «Люблю все великолепное». А что, труженицы комбината не любят «все великолепное»? Безусловно, любят и тоже знают в этом толк, но зачем же «сыпать соль на раны», понимая, что простым труженицам все это не по карману?* (МР, 2002, № 78); *А регулярное повышение зарплаты на комбинате – от лукавого, ибо оно постоянно «съедается» инфляцией... И эта несправедливость касается всех металлургов, отмечающих в 2002 г. 70-летний юбилей. Исключая, конечно, «привилегированных акционеров» с их возведенными в ранг коммерческой тайны доходами* (МР, 2002, № 118).

Эксплицитные оппозиции *богачи/обездоленные, Ирина Хакамада/труженицы, металлурги/«привилегированные акционеры»* актуализируют статусные отношения, право на приоритеты. На базе внутрикультурной дихотомии «свои – чужие» выстраивается целая система устойчивых образов-противопоставлений: мы – нравственные, благородные; они – подлые, злые, безнравственные; для нас характерна честность; для них – изворотливость, наглость, склонность к жульничеству. Хищническая деятельность последних всячески подчеркивается: *захват всенародной собственности, несоразмерное распределение плодов труда, немыслимое количество комнат, доходы. Сытая жизнь «нетрудящихся» по контрасту с собственной голодной, неустроенной*

выступает объектом зависти субъекта труда. Корни этой зависти в бедности, отсутствии среднего материального достатка, что является следствием ограничений на результаты деятельности у субъекта труда. Получает «вторую жизнь» устойчивая ментальная формула тоталитарной эпохи: *те, кто организывает труд... незаконно получает всю прибыль* → *эксплуататоры*. Эта модель провоцирует следующие смыслы: Х, который осуществляет труд, будет испытывать ограничения на его результаты, следовательно, субъект эксплуатируют.

Смысловые составляющие 'эксплуатация субъекта-Исполнителя', 'обогащение субъекта-Организатора' актуализируют обобщенный прагматический смысл 'несправедливость', лексически эксплицированный устойчивыми сочетаниями *не по карману, сыпать соль на рану*.

Выводы.

1. Анализ высказываний позволяет выделить основных контекстных партнеров слов *труд, работа* как имени концепта. Перечислим: *атрибутика «комтруда», бедные, бездельничать, безденежье, безработица, бизнесмен, богатые, болезни, болячки, вера в светлое будущее, дело, добросовестный, достойная работа, желающие трудиться, зарплата, изнуряющий, люди труда, мирный, на благо общества, на себя, напашешься, не жалея сил, незаработанный, нищенская зарплата (пенсия), нищета, оплата, паразитирующий на труде, «передовой опыт», повседневный, показушные надуманные атрибуты, право, привычка как можно меньше работать, пустое времяпрепровождение, работать по-настоящему, работодатель, рабочий, рабочий класс, рабство, рутинный, ручной, с верой в светлое будущее, символические материальные стимулы, слово «социалистическое соревнование», созидательный, социализм, социалистическая гигантомания, творцы, трудовой люд, «трудовой праздник», «трудовые свершения», трудолюбивый, трудоспособность, трудоустройство, труженик (-ца), тяжелый, человек в робе, человек труда, честный, эксплуатация, энтузиазм, советский, социалистический*. В контекстах они способствуют формированию смысловых составляющих концепта «труд», специфика которых обусловлена стремлением носителей языка переосмыслить идеологические примитивы и предписания.

2. Фреймовая структура помогает выделить смысловые составляющие концепта, специфика которых обусловлена как деидеологизацией явлений социалистической

системы, так и поиском новых ценностных ориентиров. Для экспликации смысловых составляющих значимыми оказываются Субъект, Объект, Результатив. Эти элементы фрейма эксплицируют следующие составляющие анализируемого концепта.

– Субъект, Объект, Результатив:

‘несправедливость в распределении результатов труда’, ‘отсутствие деятельности’, ‘рутинная деятельность для личной пользы, пропитания’, ‘эксплуатация субъекта-Исполнителя’, ‘обогащение субъекта-Организатора’ (*свое*); ‘материальная уравниловка’ (*чужое*).

3. Содержание концепта «труд» характеризуется двуполюсной структурой. В отличие от предыдущих периодов (1933-1940; 1941-1945; 1960-1970; 1980-1990 гг.) в данном случае оппозиция «свой – чужой» перемещается внутрь российского общества. К сфере «чужого» языковое сознание относит явления социалистической системы, которые получают отрицательную оценку. Область «своего» характеризуется неоднозначно, однако, как правило, имеет место отрицательная оценка. Пессимистичный взгляд на окружающую действительность, вероятно, обусловлен социально-политическими условиями данного периода. Активный процесс деидеологизации привел к исчезновению из содержания концепта всех идеологизированных смысловых составляющих.

«труд» утрачивает следующие содержательные компоненты положительного полюса идеологической оценки:

– квалификативные составляющие:

‘прогрессивная деятельность’, ‘стремится к обобщенной форме труда’;

– количественные составляющие:

‘интенсивный труд при максимальных усилиях субъекта’, ‘масштабные преобразования’, ‘коллективный’, ‘охватывает все советское государство’;

– этические составляющие:

‘гуманный’, ‘добровольный’, ‘альтруистичный’, ‘субъект свободен’, ‘труд, осуществляемый в соответствии с идеологическими предписаниями, оборачивается личной пользой для субъекта и общей пользой для рабочего класса’, ‘смысл жизни’, ‘средство достижения счастья в условиях развитого социализма’;

– эстетические составляющие:

‘творит материальные ценности и ментальные сущности’, ‘развивает способности субъекта и обогащает общество’, ‘приближает новую прекрасную жизнь’;

– физиологическая составляющая:

‘источник здоровья и долголетия’;

– социально-общественные составляющие:

‘осуществляет коллективное слияние субъектов’, ‘формирует чувство долга’, ‘способствует самореализации субъекта’.

Из содержания концепта уходят смысловые составляющие отрицательного полюса идеологической оценки:

– квалификативная составляющая:

‘регрессивная деятельность’;

– этические составляющие:

‘антигуманный’, ‘принудительный’, ‘субъект несвободен’, ‘эксплуатация препятствует труду, направленному на общую пользу’.

Содержание концепта обновляется следующими составляющими, характеризующими сферу «своего»: ‘рутинная деятельность для личной пользы, пропитания’, ‘ручной процесс, истощающий силы субъекта’, ‘эксплуатация субъекта-Исполнителя’, ‘обогащение субъекта-Организатора’, ‘печальная необходимость’, ‘деятельность, предоставляющая субъекту свободу выбора’, ‘ценность, способная вести вперед, творить и созидать’.

К ним присоединяются смысловые компоненты, образующие в 1980-е гг. область отрицательно оцениваемого «своего»: ‘отсутствие деятельности’, ‘несправедливость в распределении продуктов труда’, ‘пассивность субъекта’.

Противоположный полюс содержания концепта «труд», отражающий сферу «чужого», формируется за счет смысловых составляющих, которые в 1980-е гг. входили в область отрицательно оцениваемого «своего»: ‘несовершенство социалистической системы труда’, ‘бесплановость’, ‘формализм’, ‘материальная уравниловка’. Также появляется новая составляющая ‘фальшивость’.

Выводы по главе

1. Описание зафиксированных в речевой ткани газеты «Магнитогорский рабочий» направлений идеологической эволюции концепта «труд» позволило выявить

смысловые составляющие его содержания, обнаруживающие основные направления идеологизации семантики лексем-вербализаторов. Каждый из периодов идеологического освоения концепта: интенсивная идеологизация, осуществляемая под влиянием языковой политики, апологетически поддерживаемой газетой; идеологическая редукция и деидеологизация, отражающие изменения в общественном сознании современников-носителей языка, – вырабатывает свой набор лингвоспецифичных слов.

В периоды интенсивной идеологизации и идеологической редукции наряду с обновлением языковых средств отмечается использование старого стереотипного фонда, что свидетельствует о возрождении на каждом срезе прежних идеологических ценностей. Деидеологизация сопровождается отбором новых «идеологически нескомпрометированных» слов, хотя наблюдается тенденция включения новой лексики в старые клише советской системы, новое языковое наполнение старой образной модели.

Интерпретация лингвоспецифичных слов позволила выявить однотипные идеологические «добавки», наращенные, которые способствуют приобретению словом статуса идеологемы.

В газетных публикациях обнаруживается влияние сильных контекстных партнеров на идеологическое осмысление анализируемого слова. Типовые контекстные сопроводители имени концепта «труд», их регулярность и активность обуславливают формирование в концепте константных идеологических коннотаций, служат строительным материалом для клишированных идеологических конструкций.

Интенсивная идеологизация, идеологическая редукция и деидеологизация семантики вербализаторов концепта «труд» осуществляется посредством таких семантических процессов, как актуализация и наведение семы.

2. Наблюдение за формированием идеологических норм позволило выявить типовые смысловые наращенные: квалификативные (эксплицируют виды труда), количественные (фиксируют интенсивность трудового действия), этические (отражают морально-нравственные ценности), эстетические (репрезентируют труд как акт творчества), физиологические (указывают влияние труда на жизнедеятельность организма субъекта-исполнителя трудового действия), социально-общественные (характеризуют общественные отношения).

Каждый этап идеологической эволюции характеризуется собственным набором смысловых наращений. Однако следует отметить, что на протяжении анализируемого периода (1933-2002 гг.) постоянными являются только этические составляющие. Это свидетельствует о значимости этического аспекта в советском и постсоветском мировоззрении.

Интенсивное развитие смысловых составляющих наблюдается в 1933-1940 гг. Формируются квалификативные, количественные, этические, эстетические смысловые наращения. В 1941-1945 гг. Великая Отечественная война как внешний фактор обуславливает значительное обеднение концепта, которое происходит за счет исчезновения эстетического и квалификативного аспектов. В то же время фиксируется увеличение объема количественной составляющей и появление новых смыслов, представляющих труд в зеркале войны.

Последний виток интенсивной идеологизации (1960-1970 гг.) характеризуется наибольшей широтой содержания концепта. Помимо этических, эстетических, количественных, квалификативных составляющих в ходе анализа выявляются физиологические и социально-общественные типовые смысловые наращения.

Период редукции характеризуется деформацией идеологических констант, которая обусловлена частичным пересечением семантических зон членов оппозиции «свой – чужой», а также появлением у имени концепта вербальных сопроводителей, характеризующих кризис социалистической системы. Деидеологизация содержания вербализаторов концепта свидетельствует об изменении культурно-ценностных идеологических предпочтений, составляющих фундамент советского мировоззрения и обуславливает разрушение идеологически заданной структурированности концепта «труд». Содержание анализируемого концепта предельно сужается, поскольку эстетический, количественный, квалификативный, физиологический, социально-общественный аспекты переосмысляются и отвергаются. Этические смысловые наращения претерпевают значительные модификации в соответствии с культурно-ценностными предпочтениями демократического общества.

3. Отражение идеологизированной содержательной специфики концепта «труд» в текстах газеты «Магнитогорский рабочий» показывает примат общего над региональным, коллективного над индивидуальным.

Заключение

Глубинные структурные изменения политической, социальной и экономической системы России за последние десятилетия обусловили изменения в массовых представлениях и мировоззренческих ориентациях общества. Это явилось стимулом для активных процессов в языке, которые связаны прежде всего с разрушением тоталитарной идеологии.

Обновление концептуального мира современной языковой личности становится очевидным при рассмотрении ее через призму лингвокультурологических исследований языка советского периода. Такой анализ позволяет увидеть, какое содержание вкладывают носители языка в те или иные понятия на определенном этапе социокультурного развития общества.

В ходе исследования было выявлено, что ценностные ориентации языкового сознания напрямую связаны с социально-политическими условиями и, в частности, с господствующей идеологией. Ценностные ориентации подвижны даже в рамках одной идеологической системы, что обусловлено экстралингвистическими факторами.

Так, исследование идеологической эволюции концепта «труд» показало, что ценностные предпочтения носителей языка в разные временные периоды неодинаковы. В период интенсивной идеологизации концепта основополагающей является оппозиция «свой – чужой». Она играет решающую роль в выборе и распределении оценочных средств в газетных высказываниях. Немаловажное значение имеет влияние частных (уточняющих) противопоставлений. Смыслообразование на основе этих оппозиций в 1933-1940 гг. осуществляется в соответствии с приоритетами новой социалистической идеологии – манифестацией идей, основанных на равенстве и справедливости; поиском путей преодоления традиционных норм и правил жизнедеятельности общества и др. Вероятно, поэтому ведущими оказываются количественный, квалификативный, этический и эстетический аспекты идеологизации концепта «труд».

Годы войны (1941-1945) обусловили переустройство всей жизни, подчинили ее военному режиму, поэтому на первый план выдвигается проведение смысловых параллелей между трудом и войной.

Период «развитого социализма» (1960-1970 гг.), характеризующийся как время первого робкого критического взгляда на социалистическую систему, провоцирует носителя языка на поиск новых ценностных ориентиров, которые обнаруживаются в сферах, не тронутых идеологией. Это выражается в актуализации социально-общественного и физиологического аспектов.

Редукция идеологических предписаний во II половине 1980 гг. приводит к резкому слоому устоявшейся шкалы ценностей. Ранее положительно описываемая семантическая область «своего» приобретает отрицательную оценку. На современном этапе (1990-2002 гг.) процесс деидеологизации обусловил новые изменения ценностных ориентиров общества. Область «своего» вновь наполняется позитивным смыслом. Поиск актуальных ценностных признаков осуществляется в этическом аспекте и репрезентирует тенденцию становления новой идеологии демократической системы, хотя выводы делать еще рано. Дифференциация «своего» и «чужого» проявляется в данный период на основе более частных признаков, таких как социальная группа, партийная принадлежность и др. Шкала ценностей становится более многомерной, поскольку включает в себя разные виды оценки (групповую – правительство/оппозиция; индивидуальную – нравится/не нравится и др.). Такое варьирование ценностных доминант позволяет говорить о подвижности, непостоянстве культурной составляющей концепта «труд».

Система идеологических ценностей, которая существует в сознании носителей языка, во многом определяет возможность использования языковых единиц, вербализующих концепт «труд», для положительной либо отрицательной оценки явлений действительности. Воплощенное в идеологической оценке ценностное суждение рассматривает объект в его отношении к субъекту, к целям субъекта. Такая субъективность предполагает превалирование коннотативного компонента в слове над денотативным. Коннотации, порожденные идеологически ориентированными контекстами, так или иначе отражают идеологические ценности. Рассматривая совокупность актуализированных контекстами идеологических коннотаций, можно сформулировать не только ценностные ориентиры носителя языка, но и особенности его мироощущения, мировосприятия, поскольку идеологические коннотации, влияя на смысловые составляющие концепта, лишают его нейтральности.

Выводы, сделанные в ходе наблюдения над процессом редукции идеологических коннотаций в составе актуального значения лексем-вербализаторов концепта «труд», позволяют говорить о бытующем среди носителей языка стремлении объяснить свое бедственное положение среди царящей анархии, произвола. Возникновение в 1990-2002 гг. новоидеологем, содержащих коннотации мелиоративной идеологической оценки, свидетельствуют об изменении пессимистичных настроений общества в лучшую сторону, а также тенденции возрождения традиционных культурных ценностей, как то: возможность и желание трудиться. Таким образом, динамический подход к изучению семантики лексических единиц дает реальную возможность обнаружить эволюцию социально и культурно значимых концептов.

Список основной использованной литературы

Александров Г. Ф., Галактионов М. Р. и др. Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. – М., 1949. – 245 с.

Алексеев А. Я. Стилистическая информация языкового знака // Филологические науки. – 1982. – № 1. – С. 50-55.

Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурологический аспект когнитивной семантики // Русистика: Сб. науч. тр. Вып. 2. – Киев, 2002. – С. 16-23.

Алефиренко Н. Ф. Парадигмальные проблемы современного языкознания // Лингвистические парадигмы: традиции и новации: Матер. междунар. симпозиума молодых ученых «Лингвистическая панорама рубежа веков». – Волгоград, 2000. – С. 3-13.

Аполлонская Т. А., Глейбман Е. В., Манаш И. З. Порождающие и распознающие механизмы функциональной грамматики. – Кишинев, 1987. – 172 с.

Апресян Р. Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. – М., 1995. – 353 с.

Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995. – 767 с.

Апресян Ю. Д. Интегральное описание и толковый словарь // ВЯ. – 1986. – № 2. – С. 57-71.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. – М., 1974. – 368 с.

Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // ВЯ. – 1995. – № 1. – С. 37-68.

Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // ВЯ. – 1987. – № 3. – С. 3-20.

Арутюнова Н. Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация: (Общие вопросы) / Отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – М., 1977. – С. 188-206.

Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // НЗЛ. Вып. 16. – М., 1985. – С. 3-42.

- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – М., 1976. – 384 с.
- Арутюнова Н. Д. Сравнительная оценка ситуаций // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – Т. 42. – 1983. – № 4. – С. 330-342.
- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М., 1988. – 341 с.
- Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – Т. 40. – 1981. – № 4. – С. 356-367.
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1999. – 896 с.
- Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. проф. В. П. Нерознака. – М., 1997. – С. 267-279.
- Ахманова О. С., Магидова И. М. Прагматическая лингвистика, прагмалингвистика и лингвистическая прагматика // ВЯ. – 1978. – № 3. – С. 43-49.
- Ахундов М. Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. – М., 1982. – 222 с.
- Бабаева Е. В. Лексическое значение слова как способ выражения культурно-языкового концепта // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград-Архангельск, 1996. – С. 25-35.
- Бабенко Л. Г. Обозначение эмоций в языке и речи. – Свердловск, 1986. – 98 с.
- Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, 1996. – 104 с.
- Байков В. Г. Манипулятивная семантика и контрпропаганда // Функционирование языка как средства идеологического воздействия. – Краснодар, 1988. – С. 5-13.
- Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. – М., 2001. – 358 с.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной семантики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – Т. 56. – 1997. – № 1. – С. 11-21.
- Бахнян К. В. Язык и идеология: социолингвистический аспект (обзор) // Язык как средство идеологического воздействия: Сб. обзоров / Отв. ред. Ф. М. Березин. – М., 1983. – С. 34-59.

Бережан С. Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц. – Кишинев, 1973. – 371 с.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. – Екатеринбург, 2000. – 532 с.

Берестнев Г. И. Иконичность *добра* и *зла* // ВЯ. – 1999. – № 4. – С. 99-123.

Бернштейн Н. А. О ловкости и ее развитии. – М., 1991. – С. 287.

Берхин И. Б. История СССР (1917-1978): Учеб. пособие. – М., 1979. – 664 с.

Бибок К. Проблема концептуальной семантики русского и венгерского языков // ВЯ. – 1996. – № 2. – С. 156-165.

Бондарко А. В. Функциональная грамматика. – Л., 1984. – 136 с.

Борисова Е. Г. Перлокутивная лингвистика и ее преподавание студентам-филологам // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2001. – № 1. – С. 115-134.

Будагов Р. А. К теории синтаксических отношений // ВЯ. – 1973. – № 1. – С. 3-16.

Булыгина Т. В. О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 40. – 1981. – № 4. – С. 333-342.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Концепт долга в поле долженствования // Логический анализ языка. Культурные концепты: Сб. науч. тр. – М., 1991. – С. 14-21.

Бурвикова Н. Д., Костомаров В. Г. Единицы лингвокультурного пространства // Философские и лингво-культурологические проблемы толерантности: Коллективная монография / Отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. – Екатеринбург, 2003. – С. 426-440.

Бучина Г. А. Роль метафоры в структурировании и функционировании лексики ограниченного употребления (на материале военной лексики в русском и английском языках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2003. – 18 с.

Бушев А. Б. Филологические ресурсы переубеждения: терапевтическая метафора // Межкультурные коммуникации: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. А. Панова. – Челябинск, 2002. – С. 27-40.

Быков Д. Блуд труда. – СПб., 2002. – 130 с.

Быкова О. Н. Опыт классификации приемов речевого манипулирования в текстах СМИ // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации. Вып. 1 (9). – Красноярск, 2000. – С. 42-53.

Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия: Сб. ст. / Под общ. ред. В. В. Петрова. – М., 1987. – С. 44-88.

Ванников Б. Л. Записки наркома // Знамя. – 1988. – № 2. – С. 133-160.

Васильев Л. М. Коннотативный компонент языкового значения // Русское слово в языке, тексте и культурной среде / Под ред. И. Т. Вепревой. – Екатеринбург, 1997. – С. 35-40.

Васильев Л. М. Методы современной лингвистики. – Уфа, 1997. – 180 с.

Васильев Л. М. Семантика русского глагола: Учеб. пособие. – М., 1981. – 184 с.

Ваулина Е. Ю., Скляревская Г. Н. Картина мира в языковой метафоре // SCANO-SLAVICA, TOMUS 41 (1995). – С. 200-213.

Вежбицка А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001. – 288 с.

Вежбицка А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М., 2001. – 272 с.

Вендина Т. И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // ВЯ. – 2002. – № 4. – С. 42-73.

Вепрева И. Т. О функциональной эквивалентности одноприставочных глаголов с семантически тождественными корнями // Классы слов и их взаимодействие: Межвуз. тематич. сб. / Под ред. Л. М. Васильева и др. – Свердловск, 1979. – С. 52-58.

Вепрева И. Т. Что такое рефлексив? Кто он, НОМО REFLECTENS? // Изв. Уральского гос. ун-та. – 2002. – № 24. Гуманитарные науки. История. Филология. Искусствоведение. Вып. 5. – С. 217-227.

Вепрева И. Т. Эксплицитное отношение к слову в современной речи // Русское слово в языке, тексте и культурной среде / Под ред. И. Т. Вепревой. – Екатеринбург, 1997. – С. 88-96.

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург, 2002. – 380 с.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэписистемы. – М., 2000. – 124 с.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. – М., 1980. – 320 с.

Виноградов С. И. Язык в аспекте культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения: Сб. науч. тр. – М., 1996. – С. 281-317.

Витгенштейн Л. Философские исследования // НЗЛ. Вып. 16. – М., 1985. – С. 79-128.

Володина М. Н. Прагматическая функция слова-термина в сфере общественно-политической коммуникации // Журналистика и культура русской речи. Слово в семиологическом, прагматическом, социокультурном аспектах: Матер. междунар. конф. (Москва, 17-18 апреля 2003 г., МГУ им. М. В. Ломоносова). – М., 2003. – С. 39-41.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985. – 181 с.

Вопросы промышленности и транспорта в связи со стахановским движением. Резолюция пленума ЦК ВКП(б), принятая 25 декабря 1935 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК 1898-1953. Ч. III. 1925-1953. – Изд.-е 7-е. – М., 1953. – С. 810-822.

Воркачев С. Г., Дорофеева Н. В. Междоментная реализация удивления в русском и английском языках: опыт культурно-сопоставительного исследования // Лингвистические парадигмы: традиции и новации: Матер. междунар. симпозиума молодых ученых «Лингвистическая панорама рубежа веков». – Волгоград, 2000. – С. 166-170.

Воробьев В. В. О статусе лингвокультурологии // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. – Братислава, 1999. – С. 96-149.

Гак В. Г. Пределы семантической эволюции слов // Русский язык сегодня: Сб. статей. Вып. 2 / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Л. П. Крысин. – М., 2003. – С. 89-97.

Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. – М., 1977. – 264 с.

Гак В. Г. Сопоставительная прагматика // Филологические науки. – 1992. – № 3. – С. 78-90.

Гачев Г. Жизнь художественного сознания. – М., 1972. – 200 с.

Говердовский Н. В. Идеологическая коннотация, речевая практика и лексикография // Язык и общество. Отражение социальных процессов в лексике: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов, 1986. – С. 58-69.

Говердовский В. И. История понятия коннотации // Филологические науки. – 1979. – № 2. – С. 83-86.

Говердовский В. И. Коннотемная структура слова. – Харьков, 1989. – 92 с.

Граудина Л. К. Коннотативные значения языковых единиц в стилистических фигурах // Словарь. Грамматика. Текст: Сб. ст. / Отв. ред. Ю. Н. Караулов, М. В. Ляпон. – М., 1996. – С. 342-351.

Грушина Н. Б. Концепт «время» в дискурсе современных художественно-публицистических журналов (на материале журнала «Новое время»): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2002. – 16 с.

Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры: Пер. с нем. – М., 1989. – 452 с.

Гунько Ю. А. Особенности функционирования прецедентных высказываний в разговорной речи носителей русского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2002. – 24 с.

Гурина М. Философия. – М., 1998. – 540 с.

Данилов С. Ю. Идеологический канон проработки: оценка и эмоции // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2000. – С. 308-335.

Данилов С. Ю. Очаги напряжения и конкуренция идеологем // Философские и лингво-культурологические проблемы толерантности: Коллективная монография / Отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. – Екатеринбург, 2003. – С. 507-525.

Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989. – 310 с.

Демьянков В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века / Под ред. Ю. С. Степанова. – М., 1995. – С. 239-320.

Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // ВЯ. – 1994. – № 4. – С. 17-33.

Демьянков В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – Т. 40. – 1981. – № 4. – С. 368-377.

Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – Т. 42. – 1983. – № 4. – С. 320-330.

Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. – М., 1980. – 253 с.

Джахангири Х. А. Русская безэквивалентная лексика: лингвокультурологический аспект изучения // Русский язык сегодня: Сб. статей. Вып. 2 / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Л. П. Крысин. – М., 2003. – С. 107-116.

Дмитровская М. А. Философия памяти // Логический анализ языка. Культурные концепты: Сб. науч. тр. – М., 1991. – С. 78-85.

Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС // Материалы Пленума ЦК КПСС 27-28 января 1987 г. – М., 1987. – С. 10-15.

Дорожкина Т. Н. Члены языковой оппозиции «черный – белый»: лексическая и прагматическая семантика // Исследования по семантике: Теоретические и прикладные аспекты. Вып. 20. – Уфа, 1999. – С. 6-17.

Дэйвисон А. Лингвистическое или прагматическое описание: размышление о «Парадоксе Перформативности» // НЗЛ. Вып. 17. – М., 1986. – С. 235-269.

Егоров Б. Ф. Категория времени в русской поэзии 19 в. // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л., 1974. – С. 39-48.

Еремин А. Проблемы лексической семантики русского просторечия. – Калуга, 2001. – 446 с.

Еремина М. А. Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект: Дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003. – 253 с.

Ермакова О. П. Лексическое значение производных слов в русском языке. – М., 1984. – 152 с.

Жельвис В. И. Инвектива в политической речи // Русский язык в контексте культуры / Под ред. Н. А. Купиной. – Екатеринбург, 1999. – С. 114-152.

Записка Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 1930-1940-х – начала 1950-х гг. (28 декабря 1988 г.) // Хрестоматия по отечественной истории (1946-1995): Учеб. пособие / Под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. – М., 1996. – С. 310-323.

Залевская А. А. Некоторые проблемы теории понимания текста // ВЯ. – 2002. – № 3. – С. 62-73.

Зельдович Г. М. Семантика и прагматика совершенного вида в русском языке // ВЯ. – 2002. – № 3. – С. 30-61.

Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985-1995): Коллективная монография. – М., 2000. – С. 90-141.

Зобов Р. А., Мостепатенко А. М. О типологии пространственно-временных отношений в сфере искусства // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л., 1974. – С. 11-39.

Золотова Г. А. Категория времени и вида с точки зрения текста // ВЯ. – 2002. – № 3. – С. 8-29.

Иванов В. В. Категория времени в искусстве и культуре XX в. // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л., 1974. – С. 39-67.

Из директивы Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б), 29 июня 1941 г. Партийным и советским организациям прифронтовых областей // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. 1941-1952 / Сост. К. У. Черненко и М. С. Смиртюков. – М., 1968. – С. 38-40.

Из доклада акад. Л. Ф. Ильичева на общем собрании Академии Наук СССР, посвященном 45-й годовщине Великого Октября, о некоторых проблемах развития общественных наук // Хрестоматия по отечественной истории (1946-1995): Учеб. пособие / Под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. – М., 1996. – С. 493-495.

Из письма учителя Востокова Н. А. Вознесенскому // Хрестоматия по истории СССР, 1917-1945 / Сост. С. И. Дегтев и др., под ред. Э. М. Щагина. – М., 1991. – С. 518.

Из Программы КПСС, принятой XXII съездом КПСС (октябрь 1961) // Наследникам революции: Документы партии о комсомоле и молодежи. – М., 1969. – С. 450-460.

Изменения в Уставе ВКП(б). Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. А. Жданова, принятая 20 марта 1939 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК 1898-1953. Ч. III. 1925-1953. – Изд.-е 7-е. – М., 1953. – С. 909-923.

Илюхина Н. А. Образ в лексико-семантическом аспекте. – Самара, 1998. – 204 с.

Итоги первой пятилетки. Резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 7-12 января 1933 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК 1898-1953. Ч. III. 1925-1953. – Изд.-е 7-е. – М., 1953. – С. 718-723.

Какорина Е. В. Новизна и стандарт в языке современной газеты (особенности использования стереотипов) // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокур. – М., 1996. – С. 169-180.

Какорина Е. В. Стилистический облик демократической и оппозиционной прессы // Журналистика и культура русской речи. Слово в семасиологическом, прагматическом, социокультурном аспектах: Матер. междунар. конф. (Москва, 17-18 апреля 2003 г., МГУ им. М. В. Ломоносова). – М., 2003. – С. 46-50.

Карамова А. А. Оценочная общественно-политическая лексика и фразеология современного русского языка (вторая половина XX в.): Автореф. дисс. д-ра филол. наук. – Уфа, 2002. – 21 с.

Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: Культурные концепты. – Волгоград; Архангельск, 1996. – С. 3-15.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002. – 477 с.

Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности: Докл. на конф. «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики» и материалы почтовой дискуссии. – М., 1991. – 44 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987. – 264 с.

Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М., 1988. – 309 с.

Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // ВЯ. – 1994. – № 5. – С. 126-139.

Кибрик А. А. О некоторых видах знаний в модели естественного диалога // ВЯ. – 1991. – № 1. – С. 61-68.

Кирвалидзе Н. Г. Прагматический аспект дейктических средств языка (на материале современного английского языка) // Филологические науки. – 1988. – № 6. – С. 58-64.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М., 2003. – С. 140-200.

Кифер Ф. О роли прагматики в лингвистическом описании // НЗЛ. Вып. 16. – М., 1985. – С. 333-348.

Клушина Н. И. Язык публицистики: константы и переменные // Журналистика и культура русской речи. Слово в семасиологическом, прагматическом, социокультурном аспектах: Матер. междунар. конф. (Москва, 17-18 апреля 2003 г., МГУ им. М. В. Ломоносова). – М., 2003. – С. 50-53.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. – М., 2000. – 352 с.

Козлова Т. В. Язык и власть: метафоризация идеологием // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. – Братислава, 1999. – С. 231-241.

Колесов В. В. Жизнь происходит от слова... – СПб., 1999. – 368 с.

Колмагоров И. В. Идеологический аспект концепта толерантности в американской культуре (на примере периодики Висконсинского университета) // Межкультурные коммуникации: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. А. Панова. – Челябинск, 2002. – С. 121-128.

Колшанский Г. В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация: (Общие вопросы): Сб. науч. тр. / Под ред. Б. А. Серебренникова, А. А. Уфимцевой. – М., 1977. – С. 99-146.

Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. – М., 1969.

Комлев Н. Г. Слово в речи: денотативные аспекты. – М., 1992. – 216 с.

Комова Т. А. К вопросу о прагматике лингвистического исследования // Филологические науки. – 1981. – № 5. – С. 74-77.

Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М., 1999. – 342 с.

Косыгин А. Н. Избранные речи и статьи. – М., 1974. – 783 с.

Кравченко А. В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Изв. РАН СССР. Сер. лит. и яз. – Т. 55. – 1996. – № 3. – С. 3-24.

Красных В. В. От концепта к тексту и обратно (к вопросу о психолингвистике текста) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 1998. – № 1. – С. 53-70.

Красных В. В. Стереотипы: необходимая реальность или мнимая необходимость // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. – Братислава, 1999. – С. 266-271.

Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М., 1989. – 186 с.

Крючкова Т. Б. Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. – М., 1989. – 149 с.

Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // ВЯ. – 1994. – № 4. – С. 34-47.

Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. – М., 1989. – 216 с.

Купина Н. А. Идеологическое состояние лексики русского языка // Русское слово в языке, тексте и культурной среде / Под ред. И. Т. Вепревой. – Екатеринбург, 1997. – С. 134-145.

Купина Н. А., Муратова К. В. Бытовая и идеологическая толерантность в художественном мире В. Высоцкого // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная монография / Отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. – Екатеринбург, 2003. – С. 305-325.

Купина Н. А. Тоталитарные стереотипы в городском просторечии // Русистика. – 1999. – № 1-2. – С. 35-48.

Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. – Екатеринбург-Пермь, 1995. – 144 с.

Купина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня: Сб. статей. Вып. 1. – М., 2000. – С. 182-189.

Лазуткина Е. М. К проблеме описания прагматических механизмов языковой системы // Филологические науки. – 1994. – № 5-6. – С. 56-66.

Ларин С. Язык тоталитаризма (рецензия, обзор) // Новый мир. – 1999. – № 4. – С. 200-205.

Литвин Ф. А. Лексикографирование культурного компонента словаря // Лексика и лексикография. Вып. 9. – М., 1998. – С. 118-125.

Литвин Ф. А. Язык и культура в словарном представлении // Лексика и лексикография. Вып. 8. – М., 1997. – С. 58-65.

- Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – Т. 52. – 1993. – № 1. – С. 3-10.
- Логический анализ языка: Культурные концепты: Сб. ст. / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 1991. – 203 с.
- Лукин В. А. Слово *истина* и идея тождества // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – Т. 52. – 1993. – № 1. – С. 35-48.
- Мамут Л. С. Образ государства как алгоритм политического поведения // ОНС. – 1998. – № 6. – С. 85-97.
- Манивская В. Т. Анатомия репрессивного сознания // ВФ. – 1990. – № 5. – С. 47-61.
- Маркелова Т. В. Лексема – узел «одобрять» как средство выражения оценочного значения // Филологические науки. – 1999. – № 3. – С. 76-86.
- Маркелова Т. В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке // Филологические науки. – 1995. – № 3. – С. 67-79.
- Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие. – М., 2001. – 208 с.
- Матвеева Т. В. Лексическая экспрессивность в языке: Учеб. пособие. – Свердловск, 1986. – 92 с.
- Медведева С. М. Российский электорат конца 90-х годов: некоторые стереотипы сознания // Россия и современный мир: проблемы, мнения, дискуссии, события. – 2002. – № 2. – С. 87-98.
- Мецлер М. Б. Коммуникативно-прагматический аспект изучения устойчивых сочетаний интенсифицирующего характера // Филологические науки. – 1988. – № 2. – С. 60-65.
- Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // НЗЛ. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 281-310.
- Минский М. Фреймы для представления знаний. – М., 1979. – 151 с.
- Мирошникова З. А. Опыт концептуального анализа имен действия // Филологические науки. – 2003. – № 3. – С. 30-39.
- Михайлова О. А. Изменение типовой сочетаемости глаголов, обусловленное специализированными предметными семами // Классы слов в синтагматическом аспекте: Сб. науч. тр. / Под ред. Л. Г. Бабенко. – Свердловск, 1988. – С. 93-100.

Михайлова О. А. Лексическое значение и фоновые знания // Лексическая и грамматическая семантика: Материалы Республ. науч. конф. – Белгород, 1998. – С. 42-43.

Михайлова О. А. Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты. – Екатеринбург, 1998. – 240 с.

Михайлова О. А. Парадигматические особенности глаголов периферийного класса // Типы языковых парадигм: Сб. науч. тр. – Свердловск, 1990. – С. 48-53.

Михайлова Т. А. О понятии «правый» и лингвоментальной эволюции // ВЯ. – 1993. – № 1. – С. 52-64.

Моисеев А. И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке. – Л., 1987. – 208 с.

Мостепатенко А. М. Пространство и время в макро-, мега- и микромире. – М., 1974.

Мурзин Л. Н. О лингвокультурологии, ее содержании и методах // Русская разговорная речь как явление городской культуры / Под ред. Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург, 1996. – С. 7-13.

Мурзин Л. Н. Язык, текст и культура // Человек – текст – культура: Коллективная монография / Под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург, 1994. – С. 160-169.

Наследникам революции: Документы партии о комсомоле и молодежи. – М., 1969. – 592 с.

Никитин М. В. Лексическое значение слова. – М., 1983. – 127 с.

Новейшая история Отечества. XX век: Учебник для студ. вузов: В 2 т. / Под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. – М., 1998. – 448 с.

Новейшая история России. 1914-2002: Учеб. пособие / Под ред. М. В. Ходякова. – М., 2004. – 525 с.

Новиков А. И. Знание в системах общения // Лингвистическая прагматика и проблемы общения с ЭВМ. – М., 1989. – С. 58-103.

Новиков Л. А. Семантика русского языка: Учеб. пособие. – М., 1982. – 272 с.

О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933-1937). Резолюция XVII съезда ВКП(б) 26 января – 10 февраля 1934 г. // КПСС в резолюциях

и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК 1898-1953. Ч. III. 1925-1953. – Изд.-е 7-е. – М., 1953. – С. 744-765.

О введении карточек на некоторые продовольственные и промышленные товары в городах Москве, Ленинграде и в отдельных городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 18 июля 1941 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: В 3 т. Т. 3. 1941-1952 / Сост. К. У. Черненко и М. С. Смиртюков. – М., 1968. – С. 42-44.

О мерах по улучшению семян зерновых культур. Постановление совета народных комиссаров союза ССР. Пленум ЦК ВКП(б) 23-29 июня 1937 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК 1898-1953. Ч. III. 1925-1953. – Изд.-е 7-е. – М., 1953. – С. 837-848.

О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации. Указ Президента РФ (21 сентября 1993 г.) // Хрестоматия по отечественной истории (1946-1995): Учеб. пособие / Под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. – М., 1996. – С. 384-389.

О прекращении полномочий Президента РФ Ельцина Б. Н. Постановление Верховного Совета РФ (22 сентября 1993 г.) // Хрестоматия по отечественной истории (1946-1995): Учеб. пособие / Под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. – М., 1996. – С. 389.

Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. // Хрестоматия по истории СССР, 1917-1945 / Сост. С. И. Дегтев и др., под ред. Э. М. Щагина. – М., 1991. – С. 500-501.

Ольшанский Н. Г. Когнитивные аспекты лексической многозначности (на материале современного немецкого языка) // Филологические науки. – 1996. – № 6. – С. 85-95.

Ольшанский Н. Г. Лингвокультурология в конце XX в.: Сб. обзоров РАН ИНИОН. – М., 2000. – С. 26-53.

Орлов А. Е. О прагматическом аспекте социально-значимых номинаций // Языковая система и социокультурный контекст: Сб. науч. тр. – СПб., 1997. – 182 с.

Остин Дж. Л. Слово как действие // НЗЛ. Вып. 17. – М., 1986. – С. 22-130.

Отчет ЦК КПСС XXVI съезду КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева 23 февраля 1987 г. // Материалы XXVI съезда КПСС. – М., 1982. – С. 3-81.

Отчетный доклад ЦК КПСС XXIII съезду КПСС. Доклад Первого секретаря ЦК тов. Л. И. Брежнева // XXIII съезд КПСС. 20 марта – 8 апреля 1966: Стеногр. отчет: В 2 т. Т. 1. – М., 1966. – С. 18-110.

Павиленис Р. И. Понимание речи и философия языка // НЗЛ. Вып. 17. – М., 1986. – С. 380-388.

Переверзев К. А. Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка // ВЯ. – 1998. – № 5. – С. 24-53.

Петров В. В. Философия, семантика, прагматика // НЗЛ. Вып. 16. – М., 1985. – С. 471-476.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956. – 512 с.

Письмо первого секретаря Кемеровского обкома КПСС А. Г. Мельникова Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву об итогах I съезда независимых рабочих движений и организаций в Новокузнецке (май 1990 г.) // Хрестоматия по отечественной истории (1946-1995): Учеб. пособие / Под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. – М., 1996. – С. 330-334.

Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка. – Воронеж, 1984. – 148 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2002. – 191 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 2000. – 30 с.

Постановление XXVII съезда КПСС о новой редакции Программы КПСС // Материалы XXVII съезда КПСС (февраль 1986). – М., 1987. – С. 121-188.

Почепцов Г. Тоталитарный человек. Очерки тоталитарного символизма и мифологии. – Киев, 1994. – 152 с.

Раевская О. В. Метонимия в слове и тексте // Филологические науки. – 2000. – № 4. – С. 49-56.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М., 2000. – 416 с.

Рахилина Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Изв. АН. Сер. лит. и яз. – Т. 59. – 2000. – № 3. – С. 3-15.

Резолюция XXVII съезда КПСС по политическому докладу ЦК КПСС // Материалы XXVII съезда КПСС (февраль 1986). – М., 1987. – С. 98-121.

Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации: Коллективная монография. – Екатеринбург, 1997. – 117 с.

Розина Р. И. Когнитивные отношения в таксономии. Категоризация мира в языке и тексте // ВЯ. – 1994. – № 6. – С. 60-79.

Роль человеческого фактора в языке: Язык и его картина мира. – М., 1988. – 216 с.

Роль языка в средствах массовой коммуникации. – М., 1986. – 253 с.

Романенко А. П. Особенности организации семантики «советского языка» (культурологический аспект) // Русский язык сегодня: Сб. статей. Вып. 2 / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Л. П. Крысин. – М., 2003. – С. 247-256.

Ромашов Н. Н. Система идеологем русского тоталитарного языка по данным газетных демагогических текстов первых послереволюционных лет: Дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1995. – 170 с.

Рудакова А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика. – Воронеж, 2004. – 80 с.

Руденко Д. И. Когнитивная наука, лингвофилософские парадигмы и границы культуры // ВЯ. – 1992. – № 6. – С. 19-36.

Рузин И. Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов // ВЯ. – 1996. – № 2. – С. 39-50.

Рузин И. Г. Природные звуки в семантике языка (когнитивные стратегии именования) // ВЯ. – 1993. – № 6. – С. 17-28.

Рябцева Н. К. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка. Язык речевых действий: Сб. ст. / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 1994. – С. 82-92.

Савицкий Н. П. Позитивное и негативное отражение общества в языке // Словарь. Грамматика. Текст: Сб. ст. / Отв. ред. Ю. Н. Караулов, М. В. Ляпон. – М., 1996. – С. 155-158.

Сапожникова О. С. К семантической систематизации коннотативных значений // Филологические науки. – 2003. – № 2. – С. 70-78.

Саркисова Л. И. К вопросу о понимании сущности синонимов как явления языка // Ученые записки Таганрогского пед. ин-та. Вып. 1. – Таганрог, 1956. – С. 43-58.

Сгалл П. Значение, содержание и прагматика // НЗЛ. Вып. 16. – М., 1985. – С. 384-398.

Сенкевич М. П. Культура радио- и телевизионной речи. – М., 1997. – 96 с.

Сиротинина О. Б. Речь отдельных журналистов в газете «Известия» // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М. А. Кормилициной. Вып. 2. – Саратов, 2003. – С. 51-56.

Скляревская Г. Н. Прагматика и лексикография // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: Сб. ст. / Отв. ред. Ю. Н. Караулов, М. В. Ляпон. – М., 1995. – С. 63-71.

Скляревская Г. Н. Русский язык конца XX века: версия лексикографического описания // Словарь. Грамматика. Текст: Сб. ст. / Отв. ред. Ю. Н. Караулов, М. В. Ляпон. – М., 1996. – С. 463-472.

Скляревская Г. Н. Слово в меняющемся мире: Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. – 2001. – № 6. – С. 177-202.

Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000. – 128 с.

Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (8 декабря 1991 г.) // Хрестоматия по отечественной истории (1946-1995): Учеб. пособие / Под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. – М., 1996. – С. 378-382.

Соколовская Ж. П. Система в лексической семантике (Анализ семантической структуры слова). – Киев, 1979. – 190 с.

Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века / Под ред. Ю. С. Степанова. – М., 1995. – С. 35-73.

Степанов Ю. С. В поисках прагматики (Проблема субъекта) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 40. – 1981. – № 4. – С. 325-332.

Степанов Ю. С. Номинация, семантика, семиология (виды семантических определений в современной лексикологии) // Языковая номинация. Общие вопросы: Сб. науч. тр. – М., 1977. – С. 294-358.

Стернин И. А. Коммуникативная концепция семантики слова // Русское слово в языке, тексте и культурной среде / Под ред. И. Т. Вепревой. – Екатеринбург, 1997. – С. 82-87.

Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж, 1985. – 172 с.

Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значения // НЗЛ. Вып. 16. – М., 1985. – С. 129-154.

Столнейкер Р. С. Прагматика // НЗЛ. Вып. 16. – М., 1985. – С. 419-438.

Стриженко А. А. Основные закономерности использования языка в буржуазной пропаганде // Язык и стиль буржуазной пропаганды: Сборник / Под ред. Я. Н. Засурского, А. Д. Пароятниковой. – М., 1988. – С. 5-33.

Сулименко Н. Е. Парадигма относительных прилагательных, объединяемых типом свободно-номинативного значения // Типы языковых парадигм: Сб. науч. тр. – Свердловск, 1990. – С. 41-47.

Сусов И. П. Семиотика и лингвистическая прагматика // Язык, дискурс и личность: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. И. П. Сусов. – Тверь, 1990. – С. 125-133.

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986. – 142 с.

Телия В. Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости // Аспекты семантических исследований: Коллективная монография / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева. – М., 1980. – С. 250-320.

Токарев Г. В. Особенности лексической репрезентации концепта «труд» // Лингвистические парадигмы: традиции и новации: Матер. междунар. симпозиума молодых ученых «Лингвистическая панорама рубежа веков». – Волгоград, 2000. – С. 192-201.

Токарев Г. В. Теоретические проблемы вербализации концепта «труд» в русском языке: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2003. – 46 с.

Топорова В. М. Концепт «форма» в семантическом пространстве языка. – Воронеж, 1999. – 174 с.

Тоталитаризм и личность: Тезисы докл. междунар. конф. – Пермь, 1994. – 165 с.

Уфимцева А. А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований: Коллективная монография / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева.. – М., 1980. – С. 5-81.

Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М., 1968. – 272 с.

Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика / Под ред. В. А. Звегинцева. – М., 1979. – С. 369-495.

Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика / Под ред. В. А. Звегинцева. – М., 1979. – С. 496-531.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // НЗЛ. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 52-93.

Флиер А. Я. Массовая культура и ее социальные функции // ОНС. – 1998. – № 6. – С. 138-148.

Фодор Дж. и Пылишин З. Коннекционизм и когнитивная структура: Критический обзор // Язык и интеллект: Сб. статей. – М., 1996. – С. 230-314.

Фрумкина Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемиология // Язык и наука к. XX в.: Сб. статей / Под ред. Ю. С. Степанова. – М., 1995. – С. 74-117.

Харченко Е. В., Шкатова Л. А. Межкультурные коммуникации – проблема XXI века // Межкультурные коммуникации: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. А. Панова. – Челябинск, 2002. – С. 5-9.

Хо Сон Тэ. Концепты «жизнь» и «смерть» в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 24 с.

Хэар Р. М. Дескрипция и оценка // НЗЛ. Вып. 16. – М., 1985. – С. 183-195.

Цветков Н. В. К методологии компонентного анализа // ВЯ. – 1984. – № 2. – С. 61-72.

Цоллер В. Н. Типология оценочных значений // Лексическая и грамматическая семантика: Матер. Республ. науч. конф. – Белгород, 1998. – С. 71-75.

Цоллер В. Н. Эмоционально-оценочная энантиосемия в русском языке // Филологические науки. – 1998. – № 4. – С. 76-83.

Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995-2000). – Екатеринбург, 2000. – 278 с.

Чернейко Л. О. Гипертекст как лингвистическая модель художественного текста // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII Междунар. конф. – М., 1999. – С. 439-460.

Чернейко Л. О. Концепция лексического значения Д. Н. Шмелева с позиций структурной и когнитивной семантики // Русский язык сегодня: Сб. статей. Вып. 2 / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Л. П. Крысин. – М., 2003. – С. 284-294.

Чернейко Л. О. Порождение и восприятие межличностных оценок // Филологические науки. – 1996. – № 6. – С. 42-53.

Чудинов А. П. Интертекстуальность политического текста // Лингвистика: Бюллетень Уральск. лингв. общества / Отв. ред. В. И. Томашевский. – Т. 10. – Екатеринбург, 2003. – С. 27-34.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). – Екатеринбург, 2003. – 194 с.

Шаповалов Ю. А. Взаимодействие культурно-исторических и собственно языковых факторов в процессе заимствования языковых единиц (на материале англо-американских заимствований в современной русской и немецкой прессе): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2003. – 23 с.

Шаховский В. И. Типы значений эмотивной лексики // ВЯ. – 1994. – № 1. – С. 20-25.

Шейгал Е. И. Политический скандал как нарратив // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр. / ВГПУ; СГУ. – Волгоград, 1998. – С. 55-109.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М.-Волгоград, 2000. – 368 с.

Шипицына Г. М. О структуре лексико-семантических групп прилагательных, характеризующих человека, в русском языке // Классы слов и их взаимодействие: Межвуз. тематич. сб. / Под ред. Л. М. Васильева и др. – Свердловск, 1979. – С. 125-135.

Шмелев А. Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // РЯШ. – 1996. – № 4. – С. 83-91.

Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М., 2002. – 495 с.

Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М., 1964. – 244 с.

Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. – М., 1977. – 335 с.

Шрамм А. Н. Структурные типы лексических значений слова (на материале качественных прилагательных) // Филологические науки. – 1981. – № 2. – С. 58-65.

Эпштейн М. Н. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // ВЯ. – 1991. – № 6. – С. 19-33.

Язык и стиль буржуазной пропаганды. – М., 1988. – 196 с.

Язык как средство идеологического воздействия: Сб. обзоров / Отв. ред. Ф. М. Березин. – М., 1983. – 219 с.

Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр. – Волгоград, 1998. – 234 с.

Языковая номинация. Общие вопросы. – М., 1977. – 360 с.

Яковлев Д. А. Анализ сферы духовного бытия в контексте взаимоотношения рационального и иррационального: Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. – Магнитогорск, 1999. – 20 с.

Яковлева Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // ВЯ. – 1998. – № 3. – С. 43-73.

Яковлева Е. С. Фрагмент русской языковой картины времени // ВЯ. – 1994. – № 5. – С. 73-89.

Katz J., Fodor J. The Structure of Semantic Theory. – Language, 1963, vol. 39, № 3. – P. 11-25.

Minsky M. A Framework for Representing Knowledge. – The Psychology of Computer Vision. – New York, 1975. – P. 35-67.

Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. Ann. Ardor, 1985. – 179 p.

Список основных использованных справочников и словарей

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969. – 608 с.

Большая советская энциклопедия: В 30 т. Т. 26. – Тихорецк – Ульяново / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М., 1977. – 624 с.

Гуревич П. С. Философский словарь. – М., 1997. – 320 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2-4. – Т. 2. – И-О. – 1955. – 779 с.; Т. 3. – П. – 1955. – 555 с.; Т. 4. – Р-В. – 1955. – 683 с.

Краткий словарь по философии. – М., 1979. – 170 с.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1997. – 245 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – Изд.-е 2, доп. – М., 2002. – 709 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб., 1998. – 704 с.

Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Гл. ред. В. С. Степин, Г. Ю. Семигин. Т. 2. – Е-М. – М., 2001. – 634 с.; Т. 4. – Т-Я. – М., 2001. – 650 с.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. – 2-е изд., испр. / Сост. Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская и др. – М., 1999. – 552 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. – М., 2003. – 944 с.

Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой: В 4 т. Т. 1. – А-Й. – М., 1985. – 699 с.; Т. 2. – К-О. – М., 1986. – 736 с.; Т. 3. – П-Р. – М., 1987. – 752 с.; Т. 4. – С-Я. – М., 1988. – 800 с.

Словарь синонимов / Под ред. А. П. Евгеньевой. – Л., 1975. – 648 с.

Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. – А-Н. – М., 1970. – 680 с.; Т. 2. – О-Я. – М., 1971. – 856 с.

Советский энциклопедический словарь. – М., 1979. – 1600 с., ил.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: опыт исследования. – М., 1997. – 990 с.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. – М., 1990. – Т. 1. – А-П. – 856 с.; Т. 2. – Р-Я. – 886 с.

Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складчиковой. Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исследований. – СПб., 2000. – 700 с.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. – Т. 1. – А-К. – 1935. – 1562 с.; Т. 2. – Л-О. – 1938. – 1040 с.; Т. 3. – П-Р. – 1939. – 1424 с.; Т. 4. – С-Я. – 1940. – 1500.

Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – М., 1978. – 688 с.

Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев и др. – М., 1983. – 840 с.

Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Е. Ф. Губский, Г. В. Короблева и др. – М., 1998. – 576 с.

Список использованных источников

Газета «Магнитогорский рабочий» с 1933 по 2002 гг.

Список принятых сокращений

БСЭ – Большая советская энциклопедия;

ЛСВ – лексико-семантический вариант;

ЛСГ – лексико-семантическая группа;

МР – газета «Магнитогорский рабочий»;

НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка;

НФЭ – Новая философская энциклопедия;

СД – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка;

СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка;

СС – Словарь синонимов;

ССРЯ – Словарь синонимов русского языка;

СЭС – Советский энциклопедический словарь;

ТСС – Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения /

Под ред. Г. Н. Складневской;

ТСУ – Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка;

ТСЯС – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии;

МАС – Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой.